

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

«Наука»

Москва

2016

Главный редактор:Т. М. Николаева

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов

д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский

д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

А. В. Бондарко

д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Н. Б. Вахтин

д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге

М. Д. Воейкова

д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе

д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет

В. З. Демьянков

д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский

д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо

д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв

д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский

д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

М. М. Маковский

д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет

А. М. Молдован

д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. И. Подлесская

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Е. В. Рахилина

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ruСайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП «Академиздатцентр «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY JAZYKOZNANIJA

(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

1
JANUARY — FEBRUARY

«Nauka»

Moscow

2016

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva

Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian

Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Yury D. Apresjan

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Igor M. Boguslavsky

Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain

Aleksandr V. Bondarko

Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Dmitrij O. Dobrovol'skij

Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vladimir A. Dybo

Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Tamaz V. Gamkrelidze

University of Tbilisi, Georgia

Vyacheslav Vs. Ivanov

Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA

Nikolai N. Kazansky

Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Mark M. Makovsky

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Aleksandr M. Moldovan

Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vera I. Podlesskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Ekaterina V. Rakhilina

National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Nikolai B. Vakhtin

European University at St. Petersburg, Russia

Mariia D. Voeikova

Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anna S. Kuleva, Anton V. Kukhto, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. А. Е л о е в а (Санкт-Петербург/Вильнюс), Д. А. Ч е р н о г л а з о в (Санкт-Петербург). Греческий перфект как стилистический прием.....	7
Е. Н. В и н о г р а д о в а (Москва). Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов).....	25
А. А. К о з л о в (Москва). Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции.....	51
С. А. О с к о л ь с к а я (Санкт-Петербург). К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка.....	76
В. В. Ф е д ч е н к о (Санкт-Петербург). Развитие видо-временной семантики у маркеров пассивного залога в идише.....	94
С. Т. З о л я н (Ереван). Вновь о соотносительности языка и генетического кода.....	114

Критика и библиография

Обзоры

Е. Р. Д о б р у ш и н а (Москва). Современная русистика и грамматика конструкций	133
--	-----

Рецензии

Г. И. К у с т о в а (Москва). <i>M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper</i> (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36 th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists. München: Verlag Otto Sagner, 2014	146
--	-----

Научная жизнь

Ю. С. К а п и т а н о в а (Москва). Виноградовские чтения 2015 г.	159
--	-----

CONTENTS

Fatima A. Eloeva (St. Petersburg/Vilnius), Dmitri A. Chernoglazov (St. Petersburg). Greek perfect as a stylistic device.....	7
Ekaterina N. Vinogradova (Moscow). Grammaticalization in Russian: from noun to preposition (a case study of body part names).....	25
Alexey A. Kozlov (Moscow). Moksha Mordvin resultative and the diachrony of resultative constructions	51
Sofia A. Oskolskaya (St. Petersburg). A study of the aspectual system of Nanai	76
Valentina V. Fedchenko (St. Petersburg). The development of aspectual semantics in Yiddish passive voice markers.....	94
Suren T. Zolyan (Yerevan). Rethinking the correlations between language and genetic code	114

Bibliography. Reviews

Overviews

Ekaterina R. Dobrushina (Moscow). Construction Grammar in contemporary Russian linguistics	133
--	-----

Reviews

Galina I. Kustova (Moscow). <i>M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper</i> (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36 th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists. München: Verlag Otto Sagner, 2014.....	146
---	-----

Academic life

Yulia S. Kapitanova (Moscow). XLVI Vinogradov readings, 2015.....	159
---	-----

ГРЕЧЕСКИЙ ПЕРФЕКТ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

© 2016 г.

Фатима Абисаловна Елоева^{а, б, в},Дмитрий Александрович Черноглазов^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; ^б Университет Вильнюса, Вильнюс, LT-01513, Литва; ^в f.eloeva@spbu.ru

Данное исследование представляет собой попытку рассмотрения нескольких эпизодов из истории древнегреческого синтетического и новогреческого аналитического перфекта sub specie функциональной грамматики. Перфект, как представляется, используется в качестве стилистического приема, средства архаизации. Факты греческого языка (среднегреческого и современного новогреческого) рассматриваются в контексте проблематики известного греческого «языкового вопроса» — сознательной установки на архаизацию языковой нормы греческого языка, наблюдавшейся, по крайней мере, с I в. н. э. и коррелирующей с ситуацией диглоссии.

Ключевые слова: аналитический перфект, архаизация, византийская литература, грамматикализация, греческие диалекты, диглоссия, перфект, синтетический перфект

GREEK PERFECT AS A STYLISTIC DEVICE

Fatima A. Eloeva^{а, б, в}, Dmitri A. Chernoglazov^а

^а Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ^б Vilnius universitetas, Vilnius, LT-01513, Lithuania; ^в f.eloeva@spbu.ru

This study is an attempt to examine a few episodes from the diachronic development of Modern Greek synthetic and analytic perfect from the standpoint of functional grammar. Perfect seems to be used as a stylistic device, a means of archaization. The data of medieval and contemporary modern Greek are considered in the context of the so-called Greek «language issue» — the conscious archaization of the language standard of Greek, attested from the 1st c. AD and correlating with the situation of diglossia.

Keywords: analytic perfect, archaization, Byzantine literature, diglossia, grammaticalization, Greek dialects, perfect, synthetic perfect

1. Введение

Две важнейшие особенности определили как специфику новогреческого языка, так и своеобразие греческого языка в диахронии. Во-первых, это наличие письменной традиции на протяжении трех с половиной тысяч лет, во-вторых двуязычие (диглоссия), находящее выражение в существовании лексической и грамматической синонимии на письменно-литературном и разговорно-обиходном уровнях языка. Следствием этого является удивительная сохранность лексического фонда греческого языка и целый ряд других явлений, определяемых, как кажется, постоянной установкой на архаизацию. Одному из таких сюжетов посвящена и данная статья.

Речь идет об особенной нестабильности перфекта в условиях диглоссии, когда при наличии двух норм и высоком престиже книжного языка мы сталкиваемся с постоянным «возвращением» в узус, казалось бы, исчезнувших форм — это касается и отдельных лексем, и целых категорий. Это явление, как кажется, напрямую связано с эстетической функцией языка (выделенной, наряду с другими, Р. О. Якобсоном [Якобсон 1975:199]), причем

для греческого, где мы имеем дело с уникальной ситуацией — длительной непрерывной письменной традицией, осознаваемой носителями как ценность, — можно постулировать ситуацию контроля письменной традиции над нормой.

В контексте разных культур и литературных традиций существуют разные подходы к определению нормы¹: часто исследование этой лингвистической проблемы затрудняется тем, что под понятием нормы скрываются две разные сущности: норма прескриптивная, норма как эталон, и норма дескриптивная, описывающая некое состояние, норма как средняя величина. В сущности, об этой дихотомии норм говорит и Э. Косериу, предлагая разграничивать два понятия нормы. С его точки зрения, существует норма в широком смысле — «норма соответствует не тому, что можно сказать, а тому, что уже сказано и по традиции говорится в рассматриваемом обществе» — и норма в узком смысле — «результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению» [Косериу 1963: 237].

Опыт анализа разных языковых ситуаций показывает, что достаточно часто разрыв между дескриптивной и прескриптивной нормами может быть чрезвычайно велик. Обычно это определяется высоким престижем эталонных текстов, на которых основывается прескриптивная норма. Именно таковой была ситуация в греческом, где идея эталонных текстов фактически возникает в V в. до н. э. Кодифицированная норма греческого основывалась именно на эталонных текстах. На протяжении всей истории греческого языка мы становимся свидетелями ситуации, когда жесткая и консервативная норма в узком смысле (по Косериу) тормозит развитие нормы в широком смысле, оказывая воздействие на узус и в конечном счете на языковую систему.

Представляется, что история трансформации греческого перфекта может рассматриваться как интересный пример влияния «узкой» нормы на «широкую».

1.1. Греческий перфект в контексте общей типологии перфекта

Данное исследование представляет собой попытку рассмотрения нескольких эпизодов из истории древнегреческого синтетического и новогреческого аналитического перфекта *sub specie* функциональной грамматики. Перфект, как представляется, используется в качестве стилистического приема, средства архаизации. Факты греческого языка (среднегреческого и современного новогреческого) рассматриваются в контексте проблематики известного греческого «языкового вопроса» — сознательной установки на архаизацию языковой нормы греческого языка, наблюдавшейся, по крайней мере, с I в. н. э. и коррелирующей с ситуацией диглоссии [Елоева 1989; 2011; Кисилиер, Федченко 2011].

Перфект — неустойчивая, «эфемерная» категория. В. А. Плунгян предлагает считать эту нестабильность одним из главных типологически существенных свойств перфекта: «перфект возникает в ходе, так сказать, размывания результативной семантики и достаточно быстро эволюционирует в направлении других аспектуальных, темпоральных или модальных значений. Существование прототипической перфектной формы в языке редко длится больше нескольких столетий: форма либо утрачивается, либо изменяет свою семантику и, возможно, заменяется новой формой перфекта» [Плунгян 2011а: 394].

Отражая начальный этап эволюции показателей результата в сторону показателей прошедшего времени широкой семантики, перфект сочетает свойства как аспектуальных, так и таксисно-временных граммем. В отличие от результата, перфект обозначает не состояние участника в момент речи, а некоторую предшествующую моменту речи ситуацию, при этом не всякую предшествующую ситуацию, как это свойственно претериту, а лишь такую, последствия которой ощущаются в момент говорения. Семантический спектр перфекта в соответствии с уже устоявшейся с начала 70-х гг. XX в. традиции может быть представлен как

¹ Вслед за Л. П. Крысиным мы предлагаем выделять понятия нормы, узуса и системы [Крысин 2007: 5].

перечень четырех «типов употребления» (у Б. Комри — «типов перфекта», см., в частности, [McCawley 1971; Comrie 1976: 56; Dahl 1985: 132]):

- i. результативный перфект (perfect of result);
- ii. экспериенциальный (экзистенциальный) перфект (experiential, existential perfect);
- iii. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект;
- iv. иммедиатный перфект (perfect of recent past, 'hot news' perfect).

Представленный перечень, основанный на анализе употребления английского перфекта (Present Perfect), взятого в качестве наиболее типичного представителя универсального перфекта, служит семантическим основанием двух очень существенных дискурсивных ограничений, обычно предписываемых перфекту: невозможности формировать нарративную цепочку (см., в частности, [Lindstedt 2000: 371; Плунгян 2011б]) и сочетаться с указанием на специфицированную точку или отрезок на оси времени (например, [Comrie 1976: 54; Плунгян 2011а; 2011б]).

Весьма значимой является оценка перфекта как диахронически неустойчивой грамлеммы (см. цитату выше из [Плунгян 2011а], а также [Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008]), представляющей собой промежуточный этап в рамках магистрального пути развития:

РЕЗУЛЬТАТИВ > ПЕРФЕКТ > ПЕРФЕКТИВ / ПРЕТЕРИТ [Bybee et al. 1994: 105]

В [Плунгян 2011б] такой путь развития рассматривается как один из возможных сценариев и обозначается как «расширенный перфект», альтернативой которому являются «специализированный перфект» (как правило, в экспериенциальном, иммедиатном или эвиденциальном значении) и «слабый перфект» (с постепенным исчезновением результативного перфекта, передающего свои функции «старому» претериту или аористу).

Очевидно, в природе и семантике перфекта присутствует нечто, что делает его столь уязвимым, но, с другой стороны, именно в силу этой уязвимости и эфемерности в условиях языковой игры при сосуществовании высокой и обыденной нормы (как это происходило в истории греческого языка) перфект начинает использоваться как стилистический прием.

Относительно семантики перфекта можно утверждать, что преобладающей является трактовка, базирующаяся на понятии «текущей релевантности» (present relevance в [Comrie 1976: 56; Harris 1982: 55; Fleischman 1983]; В. А. Плунгян, подчеркивая переходный (в диахронии) характер перфекта, характеризует его «как “ослабленный результатив”, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), — так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [Плунгян 2011а: 389].

Представляется, что именно из-за своей нестабильности перфект в истории греческого языка довольно быстро превращался в анахронизм и затем, в силу последовательной установки носителей греческого языка на возвращение к античным образцам, сохранение эталонных моделей языка, начинал использоваться в качестве стилистического приема при сознательном архаизаторстве, как нанесение искусственных кракелюров на картины.

Для семантики перфекта характерна растянутость на временной оси и неприуроченность к определенной временной точке, вследствие чего перфект часто обозначает действие, совершенное в прошлом и сохранившее свою актуальность вплоть до настоящего момента. Таким образом, в перфекте нейтрализуется оппозиция прошлое / настоящее. Это позволяет нам постулировать амбивалентный характер перфекта.

Эта амбивалентность дает возможность семантического развития: одна из ситуаций — прошедшее или настоящее — становится доминирующей. В большинстве индоевропейских языков акцент падает на прошедшее. Именно эти семантические характеристики перфекта позволяют, например, М. Ю. Герману назвать свои мемуары «Сложное прошедшее» [Герман 2000], дословно переведя это с французского обозначения аналитического перфекта *passé composé*. В этих случаях перфект вторгается в темпоральное поле действия претерита

и вытесняет его. Данное явление принято сейчас называть аористическим дрейфом перфекта. Именно это произошло в случае французского языка, как было убедительно показано Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974].

Однако семантическое развитие может пойти и по другому пути, акценты могут сдвигаться в сторону плана настоящего. Перфект преимущественно становится экспериенциальным. В этом случае перфект начинает употребляться реже и вытесняется аористом (со значением *hot news*). Именно это, как мы попытаемся ниже показать, произошло в новогреческом языке.

Древнегреческий перфект представлял собой синтетическую форму с редупликацией, новогреческий аналитический перфект — образование вида: *έχω* ‘иметь’ + инфинитивная форма, сочетающая основу аориста с окончанием инфинитива презенса.

Для нашего рассуждения существенно, что аналитический новогреческий перфект принципиально отличен от классического перфекта, представленного аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом ‘иметь’ и причастием смыслового глагола, т. е. посессивной конструкцией [Сичинава 2008: 739].

В настоящей работе производится попытка постулировать типологически сходные тенденции в развитии синтетического перфекта в среднегреческом и аналитического перфекта в новогреческом языке. Имеется в виду, что оба эти перфекта используются как стилистически маркированная форма. Говоря о греческом перфекте (как синтетическом, так и аналитическом), греческие грамматисты употребляют термин *παράκειμενος*, что можно перевести как «простирающийся перед нами»: данное определение безусловно отражает специфику семантики греческого перфекта, хотя следует отметить, что невозможно говорить о полном совпадении семантики синтетического перфекта (использовавшего редупликацию) и аналитического новогреческого перфекта, имеющего, как будет показано ниже, весьма нетривиальную семантику и трудно восстанавливаемую предысторию в диахронии.

1.2. Письменная традиция и престиж нормы как стимул к архаизации

Попытки обзора истории греческого перфекта (аналитического и синтетического) совершались неоднократно [Hedin 1987; Lelouda-Voss 1997; Moser 1998; Dahl, Hedin 2000], однако греческий материал является чрезвычайно многоплановым (что, в частности, объясняется длительной письменной традицией, многовековой диглоссией и постоянным воздействием высокой нормы на узу) и, очевидно, нуждается в интерпретации в типологическом контексте.

Как будет показано ниже, наличие письменной традиции и памятников далеко не всегда дает исследователю возможность восстановить «биографию» категории и вовсе не предполагает наличие ясной картины трансформации некоей произвольной категории в цепочке «древнегреческий — среднегреческий — новогреческий». Явление диглоссии засвидетельствовано для новогреческого Ч. Фергюсоном в его известной статье [Ferguson 1959]. В действительности, идея Фергюсона представляет собой некую схему, идеальный конструкт, на который удобно опираться, скорее отталкиваясь от него, чем следуя ему (совершенно в духе теории К. Поппера о фальсификации науки) при описании греческой языковой ситуации. Диглоссии в чистом виде (по Фергюсону) мы практически не встречаем, однако тенденции к параллельному бытованию двух функциональных стилей (высокого и низкого, книжного и разговорного) возникает уже, по крайней мере, в I в. до н. э., а возможно, и значительно раньше. Уже с I в. до н. э. на историю греческого языка опускается тяжелый аттицистический занавес (сравнение Р. Браунинга [Browning 1983]), и о реальной истории языка можно судить лишь по оговоркам и ошибкам авторов, текстам папирусов и по некоторым косвенным признакам, о чем будет сказано несколько позже. В этом контексте наличие письменной традиции далеко не всегда помогает прояснить ситуацию, а, напротив, зачастую лишь запутывает ее, и «многие знания рожают многие печали». Тем не менее, применительно к греческому, исследователь может восстановить, каким именно

образом менялась картинка в калейдоскопе трансформации форм, и сделать следующий шаг — ввести греческий перфект в контекст типологии.

1.3. Семантическая трансформация перфекта. Параллельные тенденции в древнегреческом и новогреческом

Представляется, что при сопоставлении трансформации форм синтетического древнегреческого и новогреческого аналитического перфекта можно выявить некоторые сходные тенденции.

В классический период различие в значении настоящего времени и перфекта индикатива сводилось к разнице между действием, совершаемым в настоящий момент, и действием, уже свершенным, но актуальным на настоящий момент: др.-гр. *δέω* 'связываю' (PRAES) — *δέδεκα* 'я связал' (PERF). Можно предположить, что данная оппозиция относительно мало отличается от соответственной новогреческой (в случае, если мы будем рассматривать классическую ситуацию, описываемую грамматиками): нов.-гр. *δένω* 'связываю' — *έχω δέσει* 'я связал'.

В эллинистическую эпоху значение состояния, которое достигнуто к настоящему моменту, постепенно стирается и уступает семантике завершенного действия.

Из контекстов использования перфекта в эллинистическую эпоху становится ясно, что разница между перфектом и презенсом все больше сводится к чисто темпоральным параметрам. Таким образом, перфект воспринимается как завершенное и уже произошедшее действие. Данное значение полностью совпадает со значением аориста. Результатом этого совпадения значений естественно становится все большая путаница в использовании аориста и перфекта. Можно привести следующую цитату Аммония (I в. н. э.), который, комментируя использование перфекта и аориста, объясняет их семантику «ровно наоборот». Этот пример ясно показывает, что значение перфекта было темным даже для ученых грамматиков²:

- (1) *Ἀπέθανε καὶ τέθνηκε διαφέρει. Ἀπέθανε μὲν νῦν τέθνηκε δὲ πάλαι, ὡς περιέπατησε μὲν ὁ δέϊνα σήμερον, περιέπατηκε δὲ πάλαι.*
'Ἀπέθανε ([он] умер, AOR³) и τέθνηκε ([он] умер, PERF) различаются. Ἀπέθανε — сейчас, а τέθνηκε — давно. Точно так же как и *περιέπατησε* ([он] гулял, AOR) означает сегодня, и *περιέπατηκε* (гулял, PERF) давно'.

Путаница значений (а именно так интерпретировали эту цитату исследователи) имеет здесь, как кажется, вполне определенную логику — перфект, очевидно, потерял свое экзистенциальное значение и стал означать действие, совершенное в отдаленном прошлом. Акценты, соответственно, снова сдвинулись в сторону прошлого, и перфект уступил свои позиции аористу. Это, как будет показано ниже, удивительно напоминает новогреческую ситуацию, где перфект явно уступает свои позиции в конкуренции с аористом.

2. Употребление синтетического перфекта как стилистического приема

Уже в римскую эпоху завершился процесс слияния аориста и синтетического перфекта. Синтетический перфект фактически утратил свою связь с настоящим и, наравне с аористом, стал обозначать единовременное завершенное действие в прошлом. Слияние произошло и на формальном уровне — появились разнообразные смешанные формы: 1) с приращением (как и в аористе) и показателем перфекта -κ, 2) с показателем аориста -σα- и перфектными окончаниями, 3) с редупликацией и показателем аориста [Nogrocks 2010: 119]. Между тем, поскольку исконная ниша перфекта — *perfectum praesens* — опустела, ее постепенно заняли

² Цитируется по [Μανδηλάρας 1973: 57].

³ В цитате выделенный скобками текст наш. — Авторы.

аналитические формы. Еще в позднеантичную эпоху стали развиваться разнообразные конструкции, состоявшие из вспомогательного глагола *εἶμι* ‘быть’ или *ἔχω* ‘иметь’ и причастия аориста или перфекта [Bentein 2012]. В средневизантийский период некоторые из этих конструкций, возможно, подверглись грамматикализации и стали употребляться уже как аналитические глагольные формы перфекта и плюсквамперфекта [Giannaris 2011]. Впрочем, формирование современной модели греческого аналитического перфекта относится уже к XVII—XVIII вв., о чем будет подробнее сказано ниже.

Таковы были процессы, происходившие в ходе эволюции разговорного языка средневековых греков. В византийской словесности дело обстоит иначе: византийцы писали не на том языке, на котором говорили, а на другом, искусственном наречии, которое они учили в школе, постигая грамматику и риторiku. Так, в письменном языке византийской словесности синтетический перфект, наряду со многими другими архаичными формами, продолжал жить и развиваться, и эта посмертная жизнь синтетического перфекта, как языковое явление, еще ждет своего детального описания, как и вообще язык византийской литературы в его эволюции и взаимодействии с языком разговорным.

Итак, в греческих текстах средневизантийского периода можно встретить как синтетический перфект с редупликацией [Hinterberger 2014], так и производный от него плюсквамперфект [Hinterberger 2007]. Частотность этих форм может быть весьма различна. В текстах, написанных относительно простым стилем, перфект употребляется редко, предпочтение в большинстве случаев отдается аористу. Примерами могут послужить хроники Феофана Исповедника и Георгия Монаха (IX в). Если эти авторы изредка и вводят перфектные формы, то, как правило, образуют их от одних и тех же глаголов, например, *τεποιῶ* от *ποιέω* ‘делать’, *δέδωκα* от *δίδωμι* ‘давать’, *ῥέγωνα* от *ῥύνομαι* ‘становиться’, *εἶρηκα* от *λέγω* ‘говорить’ и т. д. [Hinterberger 2014: 185]. Если в упрощенном койне перфект заметно уступает аористу, то в текстах, ориентированных на аттическую традицию, он фигурирует, напротив, весьма часто. Особенно распространенным он становится в XI—XII вв. Здесь наряду с перфектом и плюсквамперфектом нередко появляется смешанная форма с окончаниями плюсквамперфекта, но без приращения, например, *τετίμητο* ‘[он] был почтен’.

Каковы же функции синтетического перфекта в высокой византийской литературе? Попытаемся предварительно ответить на этот вопрос и обратимся к творчеству эрудита и писателя XII в. Иоанна Цеца. Проанализируем его эпистолярное собрание, пример рафинированного аттического слога.

В эпистолярии Цеца, который состоит из 107 писем [Leone 1972], мы нашли 324 формы перфекта и плюсквамперфекта. Из них на первом месте оказываются активные личные формы перфекта (их 107), а уже на втором, с большим отрывом, *participia perfecti medio-passivi* (42). Для образцов более упрощенного, «среднего» стиля той же эпохи характерна обратная закономерность — явное преобладание причастий медико-пассивного залога над остальными перфектными формами: например, в «Итинерарии» Константина Манасси на 10 пассивных причастий приходится одна личная форма активного залога. У аттициста Цеца, напротив, больше всего личных форм; часто встречается и плюсквамперфект, особенно активного залога — 26 раз. В отличие от своих современников Цец очень редко, всего три раза, вводит смешанную форму перфекта-плюсквамперфекта. Здесь, как и в других аспектах, Цец, будучи учителем грамматики, склонен к педантизму в мелочах.

Каковы семантические функции этих форм? Цец, разумеется, прекрасно осознает, в чем состояло исконное значение перфекта: в его письмах можно найти немало примеров, когда перфект обозначает некое действие в прошлом, актуальное в настоящий момент. Например, упрекая друга за долгое молчание, Цец строит предположения: наверное, он презрел друзей, встретился с сиренами или испробовал лотос [Leone 1972: ср. 8, 16.22—17.1]. *Καταπεφρόνηκας* ‘[ты] презрел’, *ἐντετύχηκας* ‘встретился’, *ἀποῤῥέυσας* ‘испробовал’ — это формы перфекта. Важен результат этих действий: забывчивый друг испробовал лотос и поэтому теперь молчит. Однако далеко не всегда введение перфекта кажется настолько обоснованным. Более того, обнаруживается ряд примеров, где с точки зрения аттической

нормы возможен только аорист, но никак не перфект. Так, Цец пересказывает историю о встрече Креза с Солоном: Солон увидел Креза, узнал, насколько тот выдается среди своих подданных, но увидев не восхитился. *Εώρακε* '[он] увидел', *μεμύθηκε* 'узнал', *τεθαύμακεν* 'восхитился' — перед нами опять вереница перфектных форм [Ibid.: ep. 4, 7.6—8], но здесь эти формы никоим образом не указывают на результат, актуальный в момент говорения, — более того, они выстраиваются в «нарративную цепочку», что, как было отмечено выше, противоречит самой природе перфекта.

Столь же размытыми оказываются и семантические функции плюсквамперфекта. В письмах Цеца он далеко не всегда обозначает действие, результат которого был актуален в прошлом. Так, рассказывая императору, как следует устраивать триумфальную процессию, Цец пишет, что на голову триумфатора возлагается венец, на котором написано, что он совершил или претерпел [Ibid.: ep. 97, 142.5—7]. *Ἐποίησεν* '[он] совершил' — форма аориста, *ἐπέπόνθη* '[он] претерпел' — форма плюсквамперфекта, хотя и в том и в другом случае следовало бы скорее ожидать перфекта или, в крайнем случае, аориста. То, что в одной и той же ситуации Цец рядопологает формы разных времен, уже свидетельствует о слабости их семантического противопоставления. Есть еще один пример употребления плюсквамперфекта, особенно показательный: Цец упоминает о некоем стихотворном сочинении, которое он сейчас отправил адресату, и употребляет плюсквамперфект [Ibid.: ep. 94, 138.2—4]:

- (2) *βραχεῖς ἐσχεδιάσαμεν* (AOR) *μετροσυνθέτους γραφάς*, ἃσπερ καὶ σοὶ νῦν *ἀπεστάλκεμεν* (PQPF).
 'Мы **набросали** короткое сочинение в стихах, каковое теперь тебе и **отправили**'.

Действие, выраженное формой плюсквамперфекта, не предшествует действию, выраженному аористом, а, наоборот, следует после него!

Таким образом, Цец осведомлен об исконных значениях перфекта и плюсквамперфекта, но в то же время сферы их употребления в его письмах отнюдь не четко разграничены: оба времени могут, наряду с аористом, указывать на завершенное единовременное действие в прошлом. Однако не следует полагать, что формы аориста и перфекта / плюсквамперфекта в средневизантийской литературе совершенно идентичны и взаимозаменяемы, как это можно было наблюдать, к примеру, в папирусах римского времени. Семантическое различие между ними отходит на второй план и особой роли не играет, но вместе с тем, по-видимому, возникает новое различие — стилистическое. Аорист воспринимается как общеупотребительная, нейтральная форма, приближенная к разговорной речи, а синтетический перфект (равно как и плюсквамперфект) — как признак изысканного аттического стиля. Определенную роль здесь, видимо, сыграла редупликация, от которой в разговорном языке отказались в первую очередь. О стилистическом разграничении аориста и перфекта свидетельствуют три тенденции, зафиксированные в текстах средне- и поздневизантийского времени:

1. О первой из этих тенденций говорилось выше. Перфект часто встречается именно в тех текстах, которые ориентированы на аттическую традицию, то есть в текстах, авторы которых выстраивают нарочито усложненные синтаксические конструкции, употребляют редкую лексику, вводят архаичные грамматические формы, как, например, двойственное число; см. также [Hinterberger 2007; 2014]. В ряду этих признаков изящного и чистого аттического слога оказывается и перфект. Именно поэтому византийские аттицисты XI—XII вв. настойчиво вводят усложненные перфектные формы даже там, где они могли бы показаться избыточными. Это хорошо видно на примере уже упомянутых писем Иоанна Цеца. Так, от глагола *καθίσταται* 'становиться' образуется перфект *καθέστηκε*, который в античных текстах иногда приобретает значение 'являться, быть'. В письмах Цеца эта перфектная форма — в виде личных глагольных форм, инфинитивов, причастий — засвидетельствована более 30 раз (для сравнения, в корпусе сочинений Ксенофонта эта форма зафиксирована 5 раз, у Лукиана — 4), в большинстве случаев попросту как альтернатива глаголу 'быть'. Однажды, например, она встречается в конструкции с отглагольным прилагательным: вместо *ποιητέον ἐστὶ* Цец пишет *ποιητέον καθέστηκε* 'следует сделать'. В одном из писем ученого автора можно найти и такую редкую форму, как perfectum dualis. Цец заявляет [Leone 1972, ep. 75, 109.18—19]:

- (3) καὶ τεχνύδριον καὶ χειρωναξία οἱ λόγοι μου **καθεστήκατον** (PERF.DUAL) καὶ συγγράμματα.
 ‘Мои слова и сочинения **явились** [для меня] ремеслом и занятием’.

Несомненно, и перфект и двойственное число здесь — не более чем элементы «псевдоаттического» стилистического декора. С точки зрения функциональности и то и другое в этой фразе абсолютно «бесполезно» и даже избыточно: *τεχνύδριον* ‘ремесло’ и *χειρωναξία* ‘труд’, *λόγοι* ‘слова, сочинения’ и *συγγράμματα* ‘писания’ — пары синонимов, дань риторической амплификации; речь не идет о двух различных предметах или понятиях, для которых появление двойственного числа было бы оправдано.

2. Вторая тенденция еще более показательна. Когда какой-либо автор (или редактор) перерабатывает текст с целью его упрощения, он систематически заменяет формы перфекта аористом. Эта тенденция проявляется, например, в метафразе «Царской статуи» Никифора Влеммида. Никифор Влеммид, писатель XIII в., составил для юного императора Феодора II Ласкариса сочинение под названием «Царская статуя» в жанре княжеского зеркала. Этот труд был написан усложненным возвышенным слогом, и потому к нему, как и к некоторым другим произведениям высокой византийской прозы, была составлена «метафраза», переложение на умеренный вариант среднегреческой койне. Издатели этого памятника подробно охарактеризовали методы работы метафрастов над текстом Влеммида и, в частности, выявили такую любопытную закономерность: авторы переложения разными путями избегают от перфектных форм, которыми изобилует оригинал «Царской статуи». Главным образом, перфект заменяется аористом, но также и настоящим временем и имперфектом, *participia perfecti* заменяются прилагательными [Hunger, Ševčenko 1986: 221—227]. Сходные тенденции отмечаются и в метафразах «Алексиады» Анны Комнины и «Истории» Никиты Хониата [Hunger 1981, Hinterberger 2014].

3. Наконец, существует и третья тенденция, симметричная предыдущей. Когда, напротив, проводится намеренная архаизация стиля, аорист регулярно заменяется перфектом и плюсквамперфектом. Эта тенденция наиболее отчетливо представлена в «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (XII в.), компилятивной всемирной хронике. Привлекая разнообразные источники — и античные, и византийские — Зонара подвергает их тексты целенаправленной стилистической обработке. Основная цель этой обработки — архаизация стиля. Так, пересказывая источник, Зонара старательно исключает элементы простонародной речи, подбирая для каждого «вульгарного» слова «аттический» аналог; общеупотребительные слова источника заменяет архаизмами, которые встречаются лишь у Гомера и трагических поэтов; усложняет синтаксис, вводя разнообразные придаточные предложения, регулярно заменяет множественное число двойственным⁴. Для этой же цели, очевидно, хронист систематически заменяет аорист перфектом и плюсквамперфектом (как правило, без приращения). Показательно, что подобной правке Зонара подвергает не только стилистически «некорректные» византийские хроники, но и тексты античных авторов: Ксенофонта, Диона Кассия и Плутарха. Можно найти случаи, когда Зонара копирует фразу из «Сравнительных жизнеописаний» почти *ad verbum*, производя лишь одно изменение — вводит формы перфекта или плюсквамперфекта вместо аориста или, реже, других временных форм. Очевидно, хронист делает это не для того, чтобы передать те или иные оттенки значения, а исключительно в целях стилистической архаизации. Приведем ряд показательных примеров:⁵

<p>(4) a. Xen. Cyt., I, 2.9
 παρέχουσι δὲ καὶ τὴν ἡμέραν ἑαυτοὺς τοῖς
 ἄρχουσι χρηῖσθαι (PRAES)
 ‘они и днем предоставляют себя в распоряжение правителей’</p> | <p>b. Zonar.⁵, I, 226.2—3
 παρείχον δὲ καὶ τὴν ἡμέραν ἑαυτοὺς τοῖς
 ἄρχουσι κεχρηῖσθαι (PERF)
 ‘они и днем предоставляли себя в распоряжение правителей’</p> |
|---|--|

⁴ О стилистической правке источников в хронике Иоанна Зонары см. [Черноглазов 2004; 2006].

⁵ Zonar. = [Dindorf 1868—1875].

- (5) a. Plut. Alex., III.5
καθ' ἣν ἡμέραν ὁ τῆς Ἐφεσίας Ἀρτέμιδος
ἐνεπρήσθη (AOR) νεῶς
‘в тот день, когда был сожжен храм Арте-
миды Эфесской’
- (6) a. Plut. Alex., XVI.7
ὥσαμένον (AOR) δὲ πολλῶν ἐπ' αὐτὸν
‘когда многие бросились на него’
- (7) a. Plut. Alex., XVI.12
ἣ τε φάλαγξ **διέβαινε** (IMPF) τῶν Μακεδόνων
‘фаланга македонян переправлялась’
- (8) a. Plut. Alex., XVIII.6
ἐπαιρόμενός (PRAES) τε τῷ πλήθει τῆς δυνά-
μεως
‘воодушевляемый численностью войска’
- (9) a. Plut. Alex., XXVII.2—3
εὐπνοῦν τὸν ἀέρα καὶ καθαρώτερον **παρέ-
σχον** (AOR)
‘сделали воздух приятным и более чистым’
- (10) a. Plut. Alex., XXXIII.9
θήλειαν δ' ὥς φασι νεοτόκον ἵππον **περιβὰς**
(AOR) ἔφυγεν
‘он бежал, как говорят, вскочив на недавно
ожеребившуюся кобылу’
- (11) a. Plut. Alex., LXIII.8
ὧν πληγέντων ἐκατέρων, ὁ μὲν **ἀπέθανε**
(AOR)
‘тогда как оба были поражены, один из них
умер’
- (12) a. Plut. Alex., LXIX.5
ταῦτα μὲν οὖν ἐμπαθῇ σφόδρα τὸν Ἀλέξαν-
δρον **ἐποίησεν** (AOR)
‘эти [слова] весьма взволновали Александра’
- (13) a. Plut. Alex., LXXI.4
τὰς φυλακὰς **παρέδωκε** (AOR) Πέρσαις
‘поручил охрану персам’
- (14) a. Plut. Alex., LXXV.1
οὐδὲν ἦν, <...> ὃ μὴ τέρας **ἐποίειτο** (IMPF)
‘не было ничего, <...> что он не считал бы
чудом’
- (15) a. Plut. Rom., VIII.5
ἄνδρα γὰρ ἄλλη τε χρηστὸν καὶ τοῦ Νομίτω-
ρος φίλον ὑπὸ σπουδῆς **ἐπεμψε** (AOR)
‘он спешно отправил мужа и в остальном
достойного, но также и друга Нумитора’
- b. Zonar., I, 285.13—14
καθ' ἣν ἡμέραν ἐν Ἐφέσῳ ὁ ναὸς τῆς
Ἀρτέμιδος **ἐνεπέρηστο** (PQPF)
‘в тот день, когда в Эфесе был сожжен
храм Артемиды’
- b. Zonar., I, 288.18—19
καὶ πολλῶν πρὸς αὐτὸν **ὠρμηκῶτων** (PERF)
‘когда многие устремились на него’
- b. Zonar., I, 288.25—26
αἱ Μακεδονικαὶ δυνάμεις **διαβεβήκασιν** (PERF)
‘войско македонян переправилось’
- b. Zonar., I, 289.2
τῷ τε πλήθει τῆς στρατιᾶς **ἐπηρμένος** (PERF)
‘воодушевленный численностью рати’
- b. Zonar., I, 291.13
καὶ τὸν ἀέρα εὐκραῖ **πεποιήκασιν** (PERF)
‘сделали воздух благоприятным’
- b. Zonar., I, 293.28—29
θήλειαν δ' ἵππον **ἀναβεβηκὼς** (PERF) ἔφυγεν
‘он бежал, оседлав кобылу’
- b. Zonar., I, 299.30—31
καὶ ἅμφω ἐτρώθησαν·καὶ ὁ μὲν **τέθνηκε**
(PERF)
‘и оба были ранены, и один из них умер’
- b. Zonar., I, 301.27—28
ταῦτα δ' ἀναγνωσθέντα τὸν Ἀλέξανδρον
περιπαθῇ **πεποιήκασιν** (PERF)
‘эти [слова], когда были прочтены, весьма
взволновали Александра’
- b. Zonar., I, 302.18
τοῖς Πέρσαις τὰς φυλακὰς **παραδέδωκε**
(PERF)
‘поручил охрану персам’
- b. Zonar., I, 303.24—25
οὐδὲν ἦν ὃ μὴ τέρας **πεποίητο** (PERF / PQPF⁶)
‘не было ничего, что он не считал бы чу-
дом’
- b. Zonar., II, 89.24—25
ἄνδρα πρὸς τὸν Νομίτωρα **πέπομφε** (PERF)
‘он отправил мужа к Нумитору’

⁶ Здесь и в примере (21b) смешанная форма перфекта-плюсquamперфекта с окончанием плюсquam-перфекта, но без приращения.

- (16) a. Plut. Rom., IX.4
Ὁρμήσασι (AOR) δὲ πρὸς τὸν συνοικισμὸν
 ‘когда они приступили к заселению’
 b. Zonar., II, 90.7
ὄρμημένοις (PERF) δὲ πρὸς τὴν τῆς πόλεως δόμῃσιν
 ‘когда они приступили к строительству города’
- (17) a. Dio., XLVI, 42.4
 καὶ πρέσβεις ἐπὶ τούτῳ πρὸς τὴν βουλὴν ἐξ αὐτῶν τῶν στρατιωτῶν τετρακοσίους **ἐπέμψε** (AOR)
 ‘кроме того, он отправил в качестве послов к сенату четыреста [человек] из самих воинов’
 b. Zonar., II, 382.3
 πρέσβεις οὖν διὰ τοῦτο πρὸς τὴν βουλὴν ἐξ αὐτῶν τῶν στρατιωτῶν τετρακοσίους **ἐκπέμπομε** (PERF)
 ‘итак, из-за этого он отправил в качестве послов к сенату четыреста [человек] из самих воинов’
- (18) a. Dio., XLVII, 22.3
 καὶ τὸ ὑπὲρκοον ἀπροφασίστως συναιρόμενον **ἔσχε** (AOR)
 ‘и он добился беззаветной преданности подданных’
 b. Zonar., II, 390.13—14
 καὶ ὑπεῖκον ἀπροφασίστως **ἔσχηκε** (PERF) τὸ ὑπὲρκοον
 ‘и он добился беззаветной покорности подданных’
- (19) a. Dio., XLVIII, 44.5
 ἐπίτροπον καὶ τούτῳ καὶ τῷ Τιβερίῳ αὐτὸν τὸν Καίσαρα **κατέλειπεν** (AOR)
 ‘и ему, и Тиберию оставил опекуном самого Цезаря’
 b. Zonar., II, 407.8—9
 τούτῳ τε καὶ τῷ Τιβερίῳ ἐπίτροπον αὐτὸν τὸν Καίσαρα **καταλέλοιπεν** (PERF)
 ‘и ему, и Тиберию оставил опекуном самого Цезаря’
- (20) a. Dio., XLVIII, 54.2
 ἐκείνῳ μὲν ναῦς ἔδωκε καὶ ἑτέρας πέμψειν ὑπέσχετο, ἀνθ’ ὧν ὀπλίτας **ἀντέλαβεν** (AOR)
 ‘дал ему корабли и обещал прислать другие, за что в ответ получил гоплитов’
 b. Zonar., II, 409.12—14
 ἀλλὰ ναῦς δοὺς αὐτῷ καὶ ἑτέρας πέμψειν ἐπαγγελάμενος ὀπλίτας **ἀντεῖληφεν** (PERF)
 ‘но дав ему корабли и пообещав прислать другие, получил в ответ гоплитов’
- (21) a. Dio., XLIX, 5.5
 ἀλλ’ ἀγαπητῶς ἐς τὴν ἡπειρον **ἀπεσώθη** (AOR)
 ‘но насилу выбрался на берег’
 b. Zonar., II, 411.12
 τῶς δ’ οὖν εἰς τὴν ἡπειρον **διασέσωστο** (PERF/PQPF)
 ‘все же выбрался на берег’
- (22) a. Dio., XLIX, 11.1
 καὶ ὁ Καῖσαρ ἐν μεγάλῃ ταραχῇ παραχρήμα **ἐγένετο** (AOR)
 ‘и Цезарь тотчас же пришел в великое смятение’
 b. Zonar., II, 413.6
 καὶ ὁ Καῖσαρ ἐν μεγάλῃ **γέγονε** (PERF) ταραχῇ
 ‘и Цезарь пришел в великое смятение’
- (23) a. Dio., LIX, 3.6
 ἡ γὰρ τρίτη **προαπέθανε** (AOR)
 ‘ибо третья умерла прежде’
 b. Zonar., III, 13.27
 ἡ γὰρ τρίτη **προεπεθνήκει** (PQPF)
 ‘ибо третья умерла прежде’

Конечно же, вопрос о жизни и эволюции перфекта в византийских литературных текстах заслуживает дальнейшего детального изучения. В нашем предварительном исследовании мы показали, что, по крайней мере, в высокой византийской литературе XI—XII вв. четкой семантической границы между аористом и перфектом не было, но перфект был маркирован стилистически, воспринимался как один из признаков изящного аттического стиля, элемент классического декора.

3. Новогреческий аналитический перфект

Т. Гивон выдвинул в 1985 г. тезис, в соответствии с которым «при прочих равных условиях кодируемый опыт легче хранить, воспроизводить и передавать, если код максимально изоморфен [формально подобен] этому опыту» [Givón 1985: 189].

Кажется, что формы греческого перфекта тяготеют к изоморфизму. Представляется, что обе рассматриваемые формы греческого перфекта отчасти изоморфны грамматическому значению перфекта. Древнегреческий перфект представляет собой синтетическую форму с редупликацией, аналитический — образование из глагола *έχω* и инфинитивной формы, предположительно сочетающей основу аориста с окончанием инфинитива презенса.

Тем не менее описываемый нами материал находится в некотором противоречии с тезисом Гивона. Интересно, что, несмотря на очевидную тенденцию к изоморфизму, как древнегреческий, так и новогреческий перфект отличается крайней нестабильностью.

3.1. Перфект в новогреческих диалектах (диахрония)

Вышедшая недавно статья М. Янссен [Janssen 2013], заново проанализировавшей большой корпус текстов, по-новому расставила акценты в истории формирования и трансформации новогреческого перфекта.

Конструкция «*έχω* ‘иметь’ + инфинитив» в классическом греческом означала возможность или вероятность и употреблялась в модальном значении, но уже со II в. н. э. эта конструкция используется в футуральном значении. Первоначально она может быть отнесена к нижним социальным регистрам, но в период позднего средневековья (XII—XV вв.) и ранненогреческий период (XVI—XVII вв.) шкала ее использования сдвигается уже к среднему и высокому регистрам [Nogrocks 2010: 297, 300].

Традиционно самые ранние примеры использования данной конструкции в перфектном значении относились к «Морейской хронике» (XIV в.) и автору XII в. Михаилу Гликке [Setatos 1993]. Янссен проанализировала большое количество средневековых текстов в рамках проекта по созданию грамматики среднегреческого языка (проект, над которым работает группа исследователей под руководством Д. Холтона в Кембридже) и показала, что примеры, на которые опирались исследователи, утверждавшие, что современная форма аналитического перфекта появилась в греческом языке еще в XIII в., основаны на фантомных явлениях (неверных прочтениях рукописей) и не отражают реальной картины. Янссен утверждает, что первые достоверные примеры использования перфекта засвидетельствованы только в переводе Дон Кихота, датируемом, предположительно, 1720 г. Интересно, что все ранние примеры использования перфекта (конец XVII в.) относятся к ареалу, где и сейчас используется перфект (север Греции, а также Трансильвания, Албания, Македония, Валахия). При этом примеров использования пассивного аналитического перфекта вообще не засвидетельствовано. Речь идет о классическом перфектном значении: действие относится к прошлому, но его последствия ощущаются и в момент говорения.

- (24) καί άλλα άσπρα έχει δώσει διά κίρι (1697, Дуррес, Албания) [Janssen 2013]

‘он **потратил** также какие-то деньги на свечи’

- (25) δι’ εκείνα τα ρούχα οπου σου έχω **παράγγειλει**, να μου τα στείλεις (1697, Эльбасан, Албания) [Mertzios 1947]

‘пошли мне ту одежду, которую я тебе **заказал**’

Таким образом, конструкция появляется в письменных текстах к концу XVII в. в центральных областях Балканского полуострова, северной материковой части Греции, причем, как справедливо отмечает Янссен, именно в тех регионах, где и сегодня распространен перфект (при том, что в большинстве диалектов греческого он отсутствует). Естественно было бы предположить влияние языковых контактов, но греческий — единственный язык Балканского ареала, который использует в перфекте инфинитивную форму. Предположительно, перфект заполнил морфологическую лауну греческого языка, но, по мнению М. Янссен, это произошло уже после образования греческого государства.

Так, автор одной из ранних грамматик Димитрий Дарварис отмечает: «Греческий язык не использует перфект, но вместо него использует аорист. Некоторые тем не менее

сконструировали (εσύνθεσαν) перфект по образцу французского и итальянского, он используется простолюдинами (ὄχλος) и поэтами — “я написал” (έχω γράψει), “я прочитал” (έχω διαβάσει)» ([Darvaris 1806], цит. по [Janssen 2013]).

Конструкция используется рядом поэтов времен Дарвариса с северо-востока Греции, такими как Виларас, выросший в Яннине, Хатзи-Сехретис, автор Жизнеописания Али-Паши Тепеленского, происходивший из Дельвины (Албания). Показательно, что данная форма отсутствует в языке Константинополя, она не засвидетельствована в фанариотской поэзии (см. поэзию Христопулоса или любовную лирику фанариотов).

Совершенно очевидно, что никакое синхронное описание невозможно без учета плана диахронии. Маргинальный статус новогреческого перфекта, а также тот факт, что в разговорной речи он используется гораздо реже аориста и в художественных текстах также встречается крайне редко, возможно, коррелирует с тем обстоятельством, что новогреческий перфект возник как калька средневропейского (французского) аналитического перфекта. В свете этой гипотезы тезис большинства исследователей греческого языка о том, что экспансия аориста в разговорном греческом и редукция перфекта имели место лишь в течение последних десятилетий, представляется нам сомнительным. Кажется весьма вероятным, что аналитический перфект в течение всего периода своего существования воспринимался как отчасти искусственная форма и употреблялся значительно реже аориста.

Для нашего рассуждения существенно, что аналитический новогреческий перфект отличается от классического презентного или собственно перфекта, представленного аналитической конструкцией с презентной формой вспомогательного глагола ‘иметь’ и причастием смыслового глагола, т. е. посессивной конструкцией [Сичинава 2008: 739]. Важно, что новогреческий перфект изначально не имел значения результата, которое вычитывается из посессивной аналитической конструкции — ‘я имею это сделанным’.

В новогреческом засвидетельствована форма, идеально соответствующая классической перфектной посессивной конструкции, ср. *έχω την επιστολή γραμμένη* ‘я имею письмо написанным’, *έχω το σταθί μου ματωμένο* ‘я имею меч окровавленным’, где *έχω* — форма глагола ‘иметь’ в первом лице и единственном числе, а *γραμμένη, ματωμένο* — пассивное причастие прошедшего времени. Интересно, что эта форма так и не подверглась грамматикализации. Глагол *έχω* ‘имею’ сохранил свою лексическую семантику. Причастие согласуется с дополнением, конструкция допускает интерполяцию наречия, ср. *Το έχω καλά γραμμένο* ‘Я написал это хорошо’.

Довольно неожиданно данная конструкция традиционно трактовалась исследователями как исконно греческая (при том, что она совпадает с балканской и романской моделью аналитического перфекта), в то время как «έχω + инфинитив» воспринималась как результат романского влияния. Дж. Хоррокс первым высказал гипотезу о том, что эта форма имеет романское происхождение [Horrocks 2010: 228]. Интересно, что вплоть до конца XVIII в. греческие грамматики содержат только перфектную посессивную конструкцию (*έχω* + причастие), при этом «έχω + инфинитив» продолжает отсутствовать в этих грамматиках [Μανωλέσσου 2012].

Большинство исследователей, занимавшихся перфектом, высказывали предположение о постепенном ослаблении связи перфекта в новогреческом с понятием текущей релевантности. Все они указывают на то, что в течение последних десятилетий форма перфекта становится все менее и менее употребительна [Ralli et al. 2007; Lelouda-Voss 1997].

При этом семантический потенциал перфекта также сужается: из четырех традиционно выделяемых типов перфекта — результативного, экспириенциального, имедиатного и перфекта наличной ситуации — новогреческий перфект сохранил только значение экспириенциального и отчасти стативного, инклюзивного перфекта. Определяющей становится характерная для перфекта семантика «экспириенциальности». Значимым представляется невозможность перфекта передавать семантику *hot news*, которая часто воспринимается обычно как своеобразная визитная карточка перфекта.

Так, предложение *Έχεις δει τον Ηρακλή* переводится как ‘Ты когда-нибудь видел Геракла (статую Геракла)?’ или ‘Случалось тебе видеть статую Геракла?’ (экспириенциальный перфект), тогда как то же предложение с аористом *Είδες τον Ηρακλή* переводится как ‘Ты видел

Геракла?» (причем имеется в виду «Ты видел статую, которую мы только что прошли?»). В подобных контекстах значения из рассматриваемой семантической области строго распределены между формами перфекта и аориста.

Однако мы очень часто сталкиваемся с ситуацией, когда в целом ряде контекстов аорист может заменить перфект (но не наоборот). При этом, как будет показано ниже, довольно сложно объяснить причины предпочтительности аориста (и практически невозможно предсказать). Речь идет о прагматической установке говорящего. Представляется, что аорист, очевидно, вытесняет перфект, часто принимая на себя его функции. Таким образом, остроумное предположение Т. В. Цивьян [1973: 99] о наличии корреляции понятий «сложность» / «несущественность различий» (она исследовала это явление на балканском материале) находит подтверждение и в греческом материале.

Действительно, создается впечатление, что во многих случаях, когда мы вынуждены прибегать к принципу текущей релевантности, наша аргументация имеет интерпретационную силу, но не имеет предсказательной. Можно согласиться с Д. В. Сичиновой, утверждающим, что «предельно субъективная, определяемая условиями речевого акта прагматическая “релевантность” выражаемой ситуации» [Сичинова 2008: 744] как основа семантики перфекта как нельзя лучше объясняет особенности употребления перфекта в различных «перфектных» языках, в том числе в испанском и новогреческом.

Представляется, однако, что не следует, как это обычно делается, относить испанский и греческий перфект к одной группе. В новогреческом языке результативное значение перфекта, с одной стороны, абсолютно предсказуемо развилось в экспериенциальное (примеры (26) и (27) цит. по [Holton et al. 1997: 230]):

- (26) а. Έχεις πάει (PERF) στο Λονδίνο;
‘Ты **бывал** в Лондоне? / **Бывал** ли ты когда-либо в Лондоне?’
б. Πήγες (AOR) στο Λονδίνο;
‘**Был** ли ты в Лондоне?’
- (27) а. Ο Ταχτσής έχει γράψει (PERF) μόνο ένα μυθιστόρημα.
‘Тахтсис **написал** только один роман’.
б. Ο Ταχτσής έγραψε (AOR) μόνο ένα μυθιστόρημα.
‘Тахтсис **написал** только один роман’.

Возможно даже предложение, нарушающее главное правило использования перфекта — запрет на указание времени и запрет на использование в нарративе, ср. (28).

- (28) Ο Ταχτσής έχει γράψει (PERF) το Τρίτο Στεφάνι το 1962.
‘Тахтсис **написал** «Третий венец» в 1962 году’.

На русский язык предложения в (27) переводятся одним и тем же образом: ‘Тахтсис написал только один роман’. Однако (27а) для говорящего существенно то, что написанный известным греческим писателем роман продолжает сохранять свое значение и в момент высказывания. Во (27б) это нейтральная констатация факта. Семантика «текущей релевантности» возникает или исчезает в зависимости от сознательной установки говорящего, и перфект, соответственно, теряет свою грамматичность, перестает быть обязательным.

Приведем весьма показательный диалог, свидетелями которого мы стали:

- (29) — Έγραψες (AOR) το γράμμα στον θείο σου;
‘Ты **написал** письмо дяде?’
— Το έχω γράψει (PERF).
‘**Написал**’.
— Ψέματα, μάμα, τώρα τό γράψε! (AOR)
‘Неправда, мама, он сейчас это **написал**!’ (Сестра уточняет ответ брата, подчеркивая, что действие произошло только что.)

Попытаемся проанализировать конкретные употребления временных форм. Первоначально вопрос задается в аористе, что совершенно естественно, поскольку аорист становится наиболее нейтральным выражением прошедшего времени в греческом языке и почти полностью вытесняет перфект. Употребление перфекта становится маркированным. Употребление аналитического перфекта в ответе говорит о том, что письмо действительно было написано некоторое время назад и данное обстоятельство релевантно для характеристики говорящего. Сестра исправляет брата и говорит, что письмо написано только что, и при этом употребляет аорист.

Можно сделать вывод, что аорист приобрел в новогреческом семантику *hot news*, в то время как перфект в некоторых контекстах стал выступать как указатель на давно прошедшие события. Это значение, как представляется, вполне соотносится с экспериенциальным значением.

3.2. Сопоставление новогреческого и испанского перфектов

Интересные результаты дает контрастивное исследование новогреческого и испанского перфекта, произведенное Е. В. Горбовой на материале корпуса параллельных текстов [Горбова 2013]. В основе корпуса лежит текст романа Никоса Казандзакиса «Последнее искушение» (1955) и его перевод на испанский язык. Количественные данные произведенного анализа достаточно эффектны и свидетельствуют, на наш взгляд, об очевидном аористическом дрейфе: в новогреческом оригинале присутствует 12 перфектных форм, в испанском переводе — 468 форм перфекта в индикативе. При этом испанские переводы 12 новогреческих перфектных форм распределены так, как это показано в таблице.

Таблица

**Способы передачи новогреческого перфекта
в испанском переводе романа «Последнее искушение»**

Новогр. \ Исп.	PERF	AOR	RES
PERF	8	3	1

Сопоставительный анализ, представленный Е. В. Горбовой, свидетельствует о неравнозначности роли перфекта в новогреческом и испанском, что противоречит тенденции исследователей включать их в одну группу. Так, В. А. Плунгян пишет: «В глагольной системе полноценный перфект должен быть противопоставлен какому-нибудь нерезультативному прошедшему времени (пунктивному аористу или аспектуально нейтральному претериту). Из европейских языков такой перфект представлен, например, в английском, испанском, греческом, македонском, финском» [Плунгян 2011а: 390]. В свете всего вышесказанного сложно говорить о «полноценности» новогреческого перфекта — кажется, что он возник как своеобразная стилизация, но уже в подражание не древнегреческому (ради поддержания «античного мифа»), а среднеевропейской грамматической модели.

Возвращаясь к контрастивному анализу романа Казандзакиса с текстом перевода на испанский, следует отметить, что поразительно небольшое количество перфектных форм, возможно, связано с отсутствием аналитического перфекта в критском диалекте, носителем которого являлся Казандзакис. Делать окончательные выводы можно лишь на основании сопоставления разнородных и разновременных новогреческих текстов⁷.

⁷ При анализе глагольных систем диалектов современного новогреческого языка становится очевидно, что, за исключением пелопоннесско-ионийского диалекта, на котором основан литературный стандарт, и отчасти северно-греческого, перфект прекратил существование (или вообще не существовал) в большинстве новогреческих диалектов. Последнее можно утверждать лишь

3.3. Использование новогреческого перфекта в постдиглоссном состоянии как параллели к кафаревусным формам аориста

Исследование современного языкового материала новогреческого показало, что в постдиглоссном состоянии ситуации намеренной архаизации языка и возврата к кафаревусе⁸ развивается довольно неожиданный модус использования аналитического перфекта.

Так, для глаголов *στέλνομαι* ‘посылаюсь’, *εγγράφομαι* ‘записываюсь’, *συλλαμβάνομαι* ‘захватываюсь’ практически неупотребительными оказываются предписываемые демотической⁹ нормой формы аориста *στάλθηκα*, *εγγράφθηκα*; скорее в контекстах типа ‘я записался в университет’ или ‘письмо было отослано’ употребляются кафаревусные формы пассивного аориста *εστάλην* ‘[я] был послан’, *εγγράφην* ‘был написан’, *συελήφθην* ‘был захвачен’, формально выведенные из употребления и запрещенные нормой после реформы 1976 г. Интересно, что параллельно с этими кафаревусными и, очевидно, книжными формами возможно использование форм перфекта — *έχω εγγραφθεί* ‘записался’, *έχω σταλεί* ‘послал’. Можно предположить, что перфект, употребляющийся значительно реже, чем аорист, воспринимается носителями как более книжная и престижная форма.

Интересный пример гиперкорректного использования перфекта приводит в своей статье кипрская исследовательница Марилена Кариолему [Karyolemu 1994: 25]. Формально считается, что в Греции и на Кипре функционирует одна и та же литературная норма. В школьном и университетском образовании, в речи образованных людей существует установка на афинскую литературную норму. При этом кипрские социолингвисты традиционно говорят о существовании кипрского койне (речь образованного городского населения, ориентированная на афинскую норму, но при этом с некоторыми девиациями, своеобразными «уступками» кипрским диалектным чертам). В частности, характерной особенностью кипрского городского койне является полное отсутствие форм аналитического перфекта.

По наблюдению Кариолему, носители городского кипрского койне склонны к использованию перфекта в значении нерезультативного прошедшего времени (пунктивного аориста или аспектуально нейтрального претерита). Данное явление можно, по-видимому, интерпретировать как гиперкоррекцию.

Особенно часто, как кажется, перфект используется в речи жительниц Никосии, имеющих университетское образование. Как показывают социолингвистические исследования, женской речи, как правило, свойственна большая ориентация на норму и престиж, чем мужской речи. Избыточное употребление перфекта (вытесняющего аорист в речи жительниц Никосии) является очевидным стилистическим приемом.

4. Заключение

Мы можем постулировать своеобразную «рукотворность» греческого языка, особую важность его эстетической функции на всем протяжении его бытования, что впоследствии отразилось на истории становления новогреческого стандарта.

Выработавшееся уже на ранней стадии развития языкознания восприятие языка как эстетической ценности, представление об эталонных текстах, напряженный интерес к философии языка отразился на всей последующей истории греческого и во многом сказался на сохранности многих кафаревусных форм и поразительной консервативности лексического

с известной долей определенности, поскольку до сих пор отсутствует диалектный атлас Греции, равно как и исчерпывающие описания многих диалектов и говоров.

⁸ Кафаревуса (букв. «очищенная») — форма книжного литературного языка, возникшая в XVIII в. Официальный язык Греции до 1976 г.

⁹ Демотика (букв. «народная») — форма литературного языка, основанная на разговорно-обиходном узусе греческого и используемая с начала XX в.

фонда. Представляется, что и судьба греческого перфекта косвенным образом отражает эту тенденцию к архаизаторству.

В современном греческом мы имеем дело с трансформацией семантики перфекта, когда он начинает означать давно прошедшее время, с одной стороны, и приобретает значение «текущей релевантности» весьма широкого спектра, с другой. В этих условиях можно говорить о постепенном размывании граммы новогреческого перфекта, поскольку на синхронном срезе она, очевидно, не удовлетворяет такому свойству грамматической категории, как обязательность [Плунгян 2011а: 30]. В этом контексте, учитывая приведенные выше данные диахронии, правомерно задаться вопросом, идет ли речь о неокончательной грамматикализации или неполной деграмматикализации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AOR — аорист
DUAL — двойственное число
IMPF — имперфект
PERF — перфект
PQPF — плюсквамперфект
PRAES — настоящее время
RES — (экзистенциальный) результатив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Dio. — Дион Кассий, «Римская история»
Plut. Alex. — Плутарх, «Жизнеописание Александра»
Plut. Rom. — Плутарх, «Жизнеописание Ромула»
Хен. Суг. — Ксенофонт, «Киропедия»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 270—284. [Benveniste E. The correlations of tense in the French verb. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: Progress, 1974. Pp. 270—284.]
- Герман 2000 — Герман М. Ю. Сложное прошедшее. СПб: Искусство, 2000. [German M. Yu. *Slozhnoe proshedshee* [Passé composé]. St. Petersburg: Iskuststvo, 2000.]
- Горбова 2013 — Горбова Е. В. Испанский перфект: еще перфект или уже перфектив / претерит // Вопросы языкознания. 2013. №4. С. 97—125. [Gorbova E. V. Spanish perfect: Still a perfect, or already a perfective / preterite? *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 4. Pp. 97—125.]
- Елоева 1989 — Елоева Ф. А. Введение в новогреческую филологию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. [Eloeva F. A. *Vvedenie v novogrecheskuyu filologiyu* [An introduction to Modern Greek philology]. Leningrad: Leningrad State Univ. Publ., 1989.]
- Елоева 2011 — Елоева Ф. А. Diglossie après diglossie. Случай современной Греции // Лингвистика от Востока до Запада. Сб. в честь 70-летия В. Б. Касевича. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2011. С. 137—151. [Eloeva F. A. Diglossie après diglossie. The case of Modern Greece. *Lingvistika ot Vostoka do Zapada. Sbornik v chest' 70-letiya V. B. Kasevicha*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., Philology Department, 2011. Pp. 137—151.]
- Кисилиер, Федченко 2011 — Кисилиер М. Л., Федченко В. В. О языке новогреческой литературы // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2011. Т. VII. Ч. 1. С. 409—444. [Kisilier M. L., Fedchenko V. V. About the language of Modern Greek literature. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. 2011. Vol. VII. Part 1. Pp. 409—444.]
- Косериу 1963 — Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. 1963. Вып. 3. С. 143—309. [Coseriu E. Synchrony, diachrony, and history. *Novoe v lingvistike*. 1963. No. 3. Pp. 143—309.]

- Крысин 2007 — Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5—17. [Krysin L. P. Russian literary norm and the modern speech practice. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2 (14). Pp. 5—17.]
- Плунгян 2011a — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011.]
- Плунгян 2011b — Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира. Доклад на конференции Греческого центра СПбГУ «Перфект на Балканах и вне Балкан» 25 апреля 2011 г. СПб, 2011. [Plungian V. A. *K tipologii perfekta v yazykakh mira. Doklad na konferentsii Grecheskogo tsentra SPbGU «Perfekt na Balkanakh i vne Balkan» 25 aprelya 2011 g.* [More on perfect typology in the world's languages. A report at the conference of the Greek Center, St. Petersburg State Univ., «Perfect in the Balkans and outside the Balkans», April 25, 2011]. St. Petersburg, 2011.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Бондарко А. В., Кустова Г. И., Розина Р. И. (ред.). Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711—749. [Sichinava D. V. The connection between form and semantics of perfect: An unexplored pattern. *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst: Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Bondarko A. V., Kustova G. I., Rozina R. I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 711—749.]
- Цивьян 1973 — Цивьян Т. В. Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка // Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П. (ред.). Балканское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 93—140. [Tsiv'yan T. V. Appositon in relation to some development trends in Modern Greek syntactic structures. *Balkanskoe yazykoznanie*. Bernshtein S. B., Klepikova G. P. (eds). Moscow: Nauka, 1973. Pp. 93—140.]
- Черноглазов 2004 — Черноглазов Д. А. Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX—XI века) // Византийский временник. 2004. Т. 63. С. 137—154. [Chernoglazov D. A. Ioannes Zonara's chronicle and its sources (IX—XI centuries). *Vizantiiskii vremennik*. 2004. Vol. 63. Pp. 137—154.]
- Черноглазов 2006 — Черноглазов Д. А. Римская история устами византийского хрониста XII века (еще раз о методе Зонары-историографа) // Византийский временник. 2006. Т. 65. С. 191—203. [Chernoglazov D. A. Roman history presented by a 12th-century Byzantine chronicler (the method of Zonaras as historiographer revisited). *Vizantiiskii vremennik*. 2006. Vol. 65. Pp. 191—203.]
- Якобсон 1975 — Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Басина Е. Я., Поляков М. Я. (ред.). Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс. 1975. С. 198—230. [Jakobson R. O. Linguistics and poetics. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*: *Sbornik statei*. Basina E. Ya., Polyakov M. Ya. (eds). Moscow: Progress. 1975. Pp. 198—230.]
- Bentein 2012 — Bentein K. Perfect periphrases in Post-Classical and Early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account. *Journal of Greek Linguistics*. 2012. Vol. 12. Pp. 205—275.
- Browning 1983 — Browning R. *Medieval and Modern Greek*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö, Hedin E. Current Relevance and Event Reference. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 385—402.
- Darvaris 1806 — Darvaris D. *Γραμματική Απλοελληνική*. Wien, 1806.
- Dindorf 1868—1875 — Dindorf L. (ed.). *Joannis Zonarae Epitome historiarum*. Vol. 1—6. Lipsiae, 1868—1875.
- Ferguson 1959 — Ferguson Ch. Diglossia. *Word*. 1959. Vol. 15. No. 4. Pp. 325—340.
- Fleischman 1983 — Fleischman S. From pragmatics to grammar: Diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance. *Lingua*. 1983. Vol. 60. Pp. 183—214.
- Giannaris 2011 — Giannaris Th. Pluperfect periphrases in Medieval Greek: A perspective on the collaboration between linguistics and philology. *Transactions of the Philological Society*. 2011. Vol. 109. No. 3. Pp. 232—245.
- Givón 1985 — Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax. *Iconicity in syntax*. Heimen J. (ed.). Amsterdam: Benjamins. Pp. 187—219.

- Harris 1982 — Harris M. The «past simple» and «present perfect» in Romance. *Studies in the Romance verb*. Harris M., Vincent N. (eds). London: Croom Helm, 1982. Pp. 42—70.
- Hedin 1987 — Hedin E. *On the use of the perfect and the pluperfect in Modern Greek* (Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Graeca Stockholmiensia. Vol. VI.) Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1987.
- Hinterberger 2007 — Hinterberger M. Die Sprache der byzantinischen Literatur: Der Gebrauch der synthetischen Plusquamperfektformen. *Byzantinische Sprachkunst*. Hinterberger M., Schiffer E. (Hrsg.). Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 107—142.
- Hinterberger 2014 — Hinterberger M. The synthetic perfect in Byzantine literature. *The Language of Byzantine Learned Literature*. Hinterberger M. (ed.). Turnhout: Brepols Publishers, 2014. Pp. 176—204.
- Holton et al. 1997 — Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I. *Greek. A comprehensive Grammar of the Modern Language*. London: Routledge, 1997.
- Horrocks 2010 — Horrocks J. *Greek. A history of the language and its speakers*. 2nd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010.
- Hunger 1981 — Hunger H. *Anonyme Metaphrase zu Anna Komnene, Alexias XI—XIII: Ein Beitrag zur Erschließung der byzantinischen Umgangssprache* (Wiener Byzantinistische Studien, Bd XV.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981.
- Hunger, Ševčenko 1986 — Hunger H., Ševčenko I. *Des Nikephoros Blemmydes Βασιλικὸς Ἀνδριάς und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaïotes*. (Wiener Byzantinische Studien, Bd XVIII.) Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986.
- Janssen 2013 — Janssen M. C. Perfectly absent: The emergence of the Modern Greek perfect in Early Modern Greek. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2013. Vol. 37. No. 2. Pp. 245—260.
- Karyolemou 1994 — Karyolemou M. Linguistic attitudes and metalinguistic discourse: An investigation in the Cypriot press. *Themes in Greek linguistics: Papers of the First International congress on the Greek language*. Philippaki-Warbuton I., Nikolaidis K., Sifianou M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 253—259.
- Lelouda-Voss 1997 — Lelouda-Voss Ch. *Die Perfekterfassung und das neugriechische Perfekt*. (Europäische Hochschulschriften, Reihe XXI Linguistik. Bd 181.) Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997.
- Leone 1972 — Leone P. A. M. (ed.). *Ioannis Tzetzae Epistulae*. Leipzig: Teubner, 1972.
- Lindstedt 2000 — Lindstedt J. The perfect — aspectual, temporal and evidential. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 365—383.
- Μανδηλάρας 1973 — Μανδηλάρας Β. *The verb in the Greek non-literary papyri*. Αθήνα: Hellenic Ministry of Culture and Sciences, 1973.
- Μαυωλέσσου 2012 — Μαυωλέσσου Ι. Μεσαιωνική γραμματική και μεσαιωνικές γραμματικές. *Πρώιμη Νεοελληνική Δημόδης Γραμματεία*. Μαυρομάτης Γ., Αγιώτης Ν. (εκδ.). Ηράκλειο: Βικελαία Δημοτική Βιβλιοθήκη, 2012. Σ. 293—311.
- McCawley 1971 — McCawley J. D. Tense and time reference in English. *Studies in linguistic semantics*. Fillmore Ch., Langendoen T. (eds). New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. Pp. 96—113.
- Mertzios 1947 — Mertzios D. Κεφάλαιον Ζ': Εμπορική αλληλογραφία εκ Μακεδονίας (1695—1699). *Μνημεία μακεδονικής ιστορίας*. Θεσσαλονίκη: Εταιρείας Μακεδονικών Σπουδών, 1947. Σ. 209—255.
- Moser 1998 — Moser A. *The history of the perfect periphrases in Greek*, Ph.D. diss. University of Cambridge, 1998.
- Ralli et al. 2007 — Ralli A., Melissaropoulou D., Tsolakidis S. Ο παρακείμενος στη νέα ελληνική και στις διαλέκτους: παρατηρήσεις για τη μορφή και την εξέλιξη του. *Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα*. 2007. Τ. 27. Σ. 361—372.
- Setatos 1993 — Setatos M. Ο νεοελληνικός παρακείμενος. *Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτέλειου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης*. Περίοδος 2. Τεύχος Τμήματος Φιλολογίας 3. 1993. Σ. 486—501.
- Squartini, Bertinetto 2000 — Squartini M., Bertinetto P. M. The simple and compound past in Romance languages. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 403—440.

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОТ ФОРМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО К ПРЕДЛОГУ (на материале соматизмов)

© 2016 г. Екатерина Николаевна Виноградова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация
ekaterinavin@mail.ru

В статье рассматривается процесс грамматикализации на материале перехода словоформ имен существительных в предлоги как часть речи. В качестве иллюстративного материала представлены и ранжированы по степени грамматикализации 27 предложных единиц, включающих соматизмы *глаз* и *лицо*; аргументируется категоризация 15 из них как собственно предлогов.

Ключевые слова: грамматикализация, имя существительное, предлог, предложная единица, соматизм

GRAMMATICALIZATION IN RUSSIAN: FROM NOUN TO PREPOSITION (a case study of body part names)

Ekaterina N. Vinogradova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation;
ekaterinavin@mail.ru

The article is devoted to grammaticalization in Russian. On the base of body part nouns *glaz* ('eye') and *litso* ('face') the grammaticalization channel «noun⇒preposition» has been described. Twenty-seven prepositional units have been revealed and ranked according to the degree of their grammaticalization. Fifteen of them have been proven to be highly grammaticalized and to belong to prepositions as a part of speech.

Keywords: body part name, grammaticalization, noun, preposition, prepositional unit

Введение

В последние несколько десятилетий лингвисты активно занимаются теорией грамматикализации [Lehmann 1995; Heine et al. 1991a; Steiner 2010], изучением ее источников и путей [Traugott, Heine 1991; Bybee et al. 1994]; созданием лексикона грамматикализации [Heine, Kuteva 2002], учебников и справочников по грамматикализации [Hopper, Traugott 2003; Narrog, Heine 2011] и т. д.¹ Отечественная лингвистика также не стоит на месте в этом направлении, см. работы [Плунгян 2001; 2011; Майсак 2000; Зализняк 2001; Резникова 2003]. Учеными предлагается целый ряд порой противоречивых определений данного процесса [Campbell, Janda 2001], и, по утверждению авторов [Narrog, Heine 2011], специалисты в области грамматикализации все чаще возвращаются к классическому определению Е. Куриловича: «Грамматикализация состоит в расширении сферы употребления морфемы при переходе от лексического к грамматическому или от менее грамматического к более

¹ Подробный обзор современного состояния теории грамматикализации, а также ее истоков представлен в работе [Майсак 2005].

грамматическому статусу, например, от словообразовательного форманта к словоизменительному» [Kurilowicz 1965: 69]². Как показывает один из основателей рассматриваемой теории К. Леман [Lehmann 2011], идея грамматикализации «виталя в умах» лингвистов, особенно западных специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, еще в XIX в. Большой интерес для нас представляет схема путей грамматикализации предлогов³, предложенная К. Брокельманом более ста лет тому назад [Brockelmann 1908—1913], см. таблицу 1.

Таблица 1

Путь грамматикализации предлогов

грамматикализация	слабая —————> сильная			
стадия	1	2	3	4
категория	N _{rel}	предложное наречие ⁴	вторичный предлог	первичный предлог

К. Леман [Lehmann 1985] предлагает схожий механизм появления и развития предлогов и послелогов от существительных: реляционное имя существительное > вторичный предлог или послелог > первичный предлог или послелог > агглютинативный аффикс > флективный аффикс⁵. Отметим, что предлогам уделяется значительное место в работах по грамматикализации, ср., например, [König 2011; Lehmann 2002; Heine et al. 1991b; Rauh 1991; Hallan 2001; DeLancey 2005] и т. д. Анализируя [Heine, Kuteva 2002], можно сделать вывод, что источниками предлогов в разных языках мира могут служить (ср. также обобщения, сделанные в [Heine 2008]):

а) **предлоги**⁶: удмуртский предлог *beryn* с пространственным значением ‘за, сзади’ грамматикализовался в предлог *bere* с временным значением ‘после’; англ. предлог *for* с бенефактивным значением грамматикализовался в предлог *for* с целевым значением (*I bought the mirror for Mary* → *I bought the mirror for the bedroom*); русск.⁷ предлог со значением директива-старта⁸ грамматикализовался в предлог, обозначающий материал (фабрикатив): *иду из бассейна* → *сумка из кожи крокодила* и т. д.;

² Приведем также цитату из [Жирмунский 1965: 12]: «Грамматикализация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания, с последующим превращением его из лексически значимого (полнозначительного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом — в аналитическую форму слова». Так, новые предлоги, в частности, в русском языке системно появляются из существительных, употребляемых в определенных конструкциях, например: *в течение чего, вследствие чего, в отличие от чего, в связи с чем, наподобие чего, путем чего* и т. п.

³ Конечно, термин «грамматикализация» К. Брокельман не употреблял.

⁴ Отметим, что не со всем в этой схеме можно согласиться, о более системном происхождении наречий от предлогов, а не наоборот, см., например, [Панков 2009; Всеволодова и др. 2013].

⁵ Здесь уместно вспомнить знаменитый афоризм Т. Гивона «Today's syntax is tomorrow's morphology» («Сегодняшний синтаксис — это завтрашняя морфология») [Givón 1971: 413].

⁶ На наш взгляд, для русской традиции нетипично считать развитие новых значений у предлогов проявлением процесса грамматикализации, в том числе и потому, что в подобных случаях трудно говорить о том, что единица становится более грамматической. Тем не менее, решение данного вопроса не входит в задачи нашего исследования.

⁷ Для наглядности мы приводим примеры из русского языка, не упоминаемые в [Heine, Kuteva 2002].

⁸ Под значением «директива-старта» мы понимаем исходную точку, отправной пункт, ср. также схожий термин «аблатив».

б) **существительные**: алб. *midis* ‘центр’ > предлог *midis* ‘между’; лат. *casa* ‘дом’ > франц. предлог *chez* ‘в, на’; русск. *качество* > предлог *в качестве* и т. д.;

в) **глаголы**: кит. глагол *dao* ‘достичь, прибыть’ грамматикализовался в предлог *dao* со значением директива-финиша⁹; в суахили *kutoka* ‘приехать из’ > *kutoka* ‘из’ (пространственный или временной предлог); русск. предлоги *благодаря*, *несмотря на*, *включая* грамматикализовались из глагольных форм и т. д.;

г) **прилагательные**: итал. *primo* ‘первый’ > *prima di* ‘перед (временное значение)’; латв. *pirmais* ‘первый’ > *pirms* ‘перед (временное значение)’ и т. д.

Начиная, по крайней мере, с К. Брокельмана [Brockelmann 1908—1913] все ученые, занимающиеся грамматикализацией предлогов (за исключением, пожалуй, тех, кто рассматривает в качестве источников предлогов глаголы, ср., например, [Clark 1979; König, Kortmann 1991; Kortmann, König 1992]), обращают внимание на то, что значительную часть существительных-источников предлогов представляют соматизмы, см. кроме вышеупомянутых работ также, например, [Svorou 1994; Hollenbach 1995; de Leon 1992] и т. д. Так, во «Всемирном лексиконе грамматикализации» [Heine, Kuteva 2002] отмечается 17 концептов-соматизмов, которые выступают источниками грамматикализации предлогов в разных языках мира: *спина*, *живот*, *кишки (bowels)*, *грудь*, *ягодицы (buttocks)*, *ухо*, *глаз*, *лицо*, *бок*, *нога*, *рука*, *голова*, *губа*, *печень*, *рот*, *шея*, *плечо*. Именно грамматикализация существительных-соматизмов¹⁰ в предлоги и является основной темой данной статьи.

Конечно, в русском языке соматизмы сохранили свою лексическую и грамматическую независимость и не превратились в аффиксы, однако материал показывает, что часто в определенных конструкциях они обретают черты грамматикализирующихся единиц¹¹. Ведь грамматикализация начинается с семантических изменений, в ходе которых неграмматическое значение становится грамматическим, постепенно расширяя сочетаемость, становясь более общим и абстрактным (так называемая генерализация значения). Более того, в русском языке¹² соматизмы не только участвуют в выражении пространственных отношений (human body part model), но и часто переходят на следующую степень грамматикализации, получая более отвлеченное значение (например, реляционное или характеристическое).

Работа в проекте «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2013; Канюшкевич 2008—2010; Українські прийменники 2003] позволила увидеть, что в русском языке активно идет процесс перехода имен существительных в предлоги (т. е. собственно грамматикализация). Отметим, что в русистике единицы, находящиеся на пересечении полей предлога и имени существительного, давно вызывают

⁹ «Директив-финиш» употребляется для обозначения конечной точки направленного движения, ср. также подобный термин «аллатив».

¹⁰ Надо отметить, что соматизмы системно используются в различных языках мира для выражения пространственных отношений, отражая антропоцентрическую модель ориентации в пространстве, или human body part model (т. е. модель, опирающуюся на представление о соотношении частей человеческого тела): произвольный объект отождествляется по своему положению в пространстве и форме с человеческим телом, и затем его ориентирование строится по аналогии с ориентированием человеческого тела, причем в разных языках для этого выбираются разные части тела. Данная модель, однако, как показано в обзоре С. Ю. Бородай [Бородай 2013], не является универсальной. Так, С. Левинсон [Levinson 2003], выделяя три типа референциальных пространственных систем, отмечает, что использование для обозначения характеристик ориентира частей человеческого тела является особенностью лишь двух из этих систем: встроенной (в большей степени) и относительной.

¹¹ Ср. с мнением В. И. Подлесской и Е. В. Рахилиной: «Конечно, в русском языке значимость лексем-ориентиров не утрачена: когда мы говорим *лицом* или *носом* <в угол>, мы отождествляем эти слова с частями тела человека. Тем не менее, определенные “следы” грамматикализации есть и в русском — и они... проявляются в жесткой лексикализованности употреблений названий частей тела (в определенных контекстах. — Е. В.)» [Подлесская, Рахилина 2000: 99].

¹² Как и в других славянских, ср. [Канюшкевич 2010; Виноградова, Чекалина 2013].

интерес исследователей [Черкасова 1967; Шиганова 2001; Шереметьева 2008; Попова 2014]. В работах лингвистов предлагаются различные термины (предложно-падежные сочетания, несобственно предлоги, фразеологические предлоги, релятивные фразеологизмы, отыменные релятивы, предложно-падежные формы и пр.), даются различные по своему объему перечни подобных единиц. Однако на данный момент единых подходов к изучению таких единиц, а также объективных критериев категоризации предлога не выявлено: например, [РГ 1980] включает в разряд отыменных предлогов *без помощи кого-чего, без сопровождения кого-чего, в контраст кому-чему, вне границ чего, вне пределов чего, вне рамок чего, вне сферы чего*, а [СОШ 1992], несмотря на более широкую номенклатуру единиц, помечаемых «предлог» и «в значении предлога», эти единицы никак не маркирует.

В связи с отсутствием терминологического единства определим основные понятия, используемые в статье. Прежде всего, приведем принятую нами в качестве рабочей дефиницию предлога из [РГ 1980: 706]:

Предлог — это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются: *говорить о поездке, беседовать в течение часа* <...>. Предлогами выражаются те же общие отношения, которые выражаются косвенными падежами существительных <...>: это всегда один из видов отношения определительного (по месту, времени, причине, условию, цели и др.) или объектного, либо это отношения необходимого информативного восполнения.

Функции предлогов, таким образом, сводятся к следующим [Всеволодова и др. 2013]:

а) семантическая — конкретизация роли вводимого им имени в денотативной структуре высказывания;

б) формально-синтаксическая — введение имени существительного в синтаксическую структуру на правах словоформы, зависимой в логико-структурном отношении, т. е. такой, к которой может быть поставлен вопрос от другой словоформы;

в) морфосинтаксическая — формирование предлогом синтаксемы, которая образует вместе с ним в рамках синтаксических построений единое целое.

В круг нашего рассмотрения, кроме собственно предлогов, входят единицы, выполняющие в той или иной степени аналогичные предлогам функции, которые, однако, при традиционном подходе сложно назвать предлогами. Для обозначения всего широкого пласта как собственно предлогов, так и единиц, функционально подобных им, используется термин «предложная единица» (ПЕ). Итак, в рамках нашего исследования в разряд предложных попадают все единицы, выполняющие функции предлога, то есть и собственно предлоги (единицы, относящиеся к служебным частям речи и никаким другим функциям, помимо функции предлога, не выполняющие) и эквиваленты предлогов (единицы, в определенных условиях выполняющие функции предлога, но сохраняющие свою принадлежность к другой части речи) [Всеволодова 2012]. Приведем примеры ПЕ, включающих соматизмы¹³:

- *глазами* кого-чего: *Россия и мир глазами русского капитала* [НКРЯ. Русский репортер. 2009];
- *через голову* кого-чего: *Премьер без тени сомнения ответил ему, что такое обращение через голову правительства будет неконституционным* [НКРЯ. В. Абарин. Хайль Виндзор!];
- *в лице* кого-чего: *И здесь у нас есть глобальный конкурент в лице Украины* [НКРЯ. А. Севенюк. «ЕвразХолдинг» реализует стратегию развития];
- *руками* кого-чего: *...Сирия продолжает воевать с Израилем руками Ливана* [НКРЯ. Э. Мирзоев. Исламская увертюра Путина];
- *в руках* кого-чего: *...реорганизация... обернется монополизацией информации в руках отдельных ведомств* [НКРЯ. А. Голыц. Кремлевский звездопад];
- *за спиной* (у) кого-чего (реляционное): *И все честно, открыто, ни в какие переговоры за спиной комитетов и министерств Мустыгины не вступали* [НКРЯ. А. Азольский. Лопушок];

¹³ Здесь и далее примеры даны как в [Всеволодова и др. 2013] и др. работах авторов; большая часть примеров взята из [НКРЯ], примеры из других источников условно обозначены «Интернет».

- **за спиной** (у) кого-чего (временное): *Исходные данные для строительства демократии у Соединенных Штатов конца XVIII века и России века XX были примерно те же, разве что за спиной у Америки не было тяжкого груза византизма* [НКРЯ. М. Симашко. Пятый Рим];
- **по стопам** кого-чего: *От позиции Питера зависит судьба еще двух договоров — с Ленинградской и Мурманской областями, они в любом случае готовы пойти по стопам северной столицы* [НКРЯ. Е. Григорьева. До полного соответствия. Договоров о разграничении полномочий стало вдвое меньше];
- **устами** кого-чего: *...арабы ответили, устами газеты «Фелестин», что и «сионизм» в духе гг. Магнеса и Лурье для них, арабов, неприемлем* [НКРЯ. В. Жаботинский. Круглый стол с арабами].

В данной статье мы рассмотрим процессы грамматикализации на материале ПЕ с двумя соматизмами: **глаз** и **лицо**. Вначале представлена словарная характеристика рассматриваемых ПЕ, далее описываются механизмы грамматикализации и выделяются операциональные критерии, которые позволяют ранжировать ПЕ по степени грамматикализации; эти критерии применяются к изучаемым «кандидатам» в предлоги и показывается, что часть единиц невозможно квалифицировать как предлоги, часть находится в приадресной зоне функционально-грамматического поля предлога, остальные пока грамматикализованы меньше.

Лексемы **глаз** и **лицо**, отражая антропоцентрический характер языка, употребляются в огромном количестве фразеологизмов, устойчивых сочетаний (см., например, [Гудков, Ковшова 2007]), а также образуют целый ряд ПЕ. Именно с формирования ПЕ, постепенной метафоризации значения и расширения сочетаемости начинается, на наш взгляд, грамматикализация данных лексем, вернее, грамматикализация конструкций с данными лексемами, так как корректнее говорить о грамматикализации конструкции в целом¹⁴.

Нами было выделено 27 единиц, «претендующих» на роль предложных:

- ✓ 18 ПЕ, включающих лексему **лицо**: **в лице** кого-чего, **от лица**_{1,2} кого-чего, **перед лицом**_{1,2}¹⁵ кого-чего, **лицом к**_{1,2} кому-чему, **лицом к лицу** с кем-чем, **в лицо**_{1,2} кому-чему, **перед лицо** кого-чего, (не) **к лицу**_{1,2} кому-чему что/что делать, **с лицом** кого-чего, **на лице** чего, **с лица** чего, **по лицу** чего, **на лицо** чего¹⁶;

¹⁴ Ср. с выводом Дж. Байби и ее коллег о том, что «именно конструкция целиком, а не просто лексическое значение основы является предшественником и, следовательно, источником грамматического значения» (здесь и далее перевод наш. — Е. В.) [Bybee et al. 1994: 11].

¹⁵ Отметим, что для некоторых единиц оказалось необходимым выделить 2, а иногда и 3 лексико-семантических варианта (ЛСВ), различающихся как семантикой, так и синтаксическим поведением. Таковы **лицом**_{1,2} кого-чего, **лицом к**_{1,2} кому-чему, (не) **к лицу**_{1,2} кому что (делать), **в лицо**_{1,2} кому-чему, **в глаза**_{1,2,3} кому-чему, **на глаза**_{1,2} кому, **от лица**_{1,2} кого-чего. Далее в статье каждый ЛСВ рассматривается отдельно.

¹⁶ Приведем примеры для «неочевидных» единиц:

Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени [НКРЯ. Ф. Достоевский. Записки из подполья]; *Знай, что иконописцы в этом городе не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку в мастерстве* [НКРЯ. С. Еремеева. Лекции по русскому искусству]; *К примеру, в первую же ночь после ухода израильской армии из Вифлеема мощным экскаватором был благополучно снесен с лица истории такой археологический факт, как римский акведук первого века новой эры* [НКРЯ. Д. Рубина. Окна]; *О царица змей, ради Аллаха отпусти меня на волю и прикажи одному из твоих слуг вывести меня на лицо земли, а я дам тебе клятву, что не войду в баню всю мою жизнь* (Интернет. Р. Бертон. Арабские ночи. 1001 ночь); *Но как только заберется наша сестра у Полины выше ушей своих да выдаст какой-нибудь красивый документик, вроде твоего, тут конец его роли: он исчезает, яко воск от лица огня* [НКРЯ. А. Амфитеатров. Марья Лусьева]; *Что значит в самом деле, что самый праздник исчез, а видимые признаки его так ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «Христос воскрес!»* [НКРЯ. Н. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями].

- ✓ 9 ПЕ, включающих лексему *глаз*: *глазами* кого-чего, *на глазах* у кого-чего, *в глаза*_{1,2,3} кому-чему¹⁷, *в глазах* кого-чего, *на глаза*_{1,2} кому-чему, *глазом* кого-чего.

1. Словарная характеристика

Авторитетные словари русского языка относят большинство из выделенных единиц к фразеологизмам и устойчивым сочетаниям (хотя во многих случаях отмечается управление такого сочетания!), некоторые из них [СОШ 1992] маркирует «в значении предлога». Представим данные по словарям подробнее.

В [МАС, I, II] как фразеологизмы¹⁸ выделяются следующие единицы: **в лице** кого, **от лица**₁ кого, **перед лицом**_{1,2} кого-чего, **лицом к** кому-чему, **лицом к лицу с** кем, **(не) к лицу**_{1,2} кому, **в лицо**_{1,2} чему; смотреть *на что чьими глазами*, *на глазах чьих* или *у кого*, *на глаза*_{1,2} кому, *в глазах чьих*, *в глаза* (говорить), смотреть правде, смерти, гибели и т. п. **в глаза**. ПЕ *с каким лицом*, *перед лицо* кого-чего, *на лице* чего, *с лица* чего, *на лицо* чего, *от лица*₂ чего, *по лицу* чего, *в глаза* кого (бросаться) не отмечаются.

В [БАС, III, VI] пометой для обозначения употребления слова в речи¹⁹ маркируются: **на глазах** у кого-либо, **в глазах** кого, **в глаза** (говорить), смотреть прямо **в глаза** чему-либо, бросаться, бить **в глаза**, **на глаза** кому попасться, **на глаза** кому показаться. Как фразеологические сочетания и идиомы выделены **в лице** кого-либо, **от лица** кого-либо, **перед лицом** кого-, чего-либо, **лицом к** деревне, производству, (не) **к лицу**_{1,2} кому-либо, **в лицо**_{1,2}, **перед лицом** кого-, чего-либо, стереть **с лица** земли; к устойчивым оборотам отнесена единица **лицом к** кому-чему. ПЕ **лицом к лицу с** кем-чем, **с каким лицом**, **на лице** чего, **на лицо** чего, **от лица** чего, **по лицу** чего, **глазами** кого не отмечаются.

В [СОШ 1992] как наиболее употребительные сочетания²⁰ слов даются: **в лицо** говорить, бросаться **в глаза**, глядеть **в глаза** опасности, смерти, **в глаза** говорить (открыто), **на глаза**

¹⁷ Некоторые единицы с лексемой *глаз* уже гораздо ближе к наречиям, чем к предлогам. Таковы, например, единицы *с глаз* кого-чего (долой) и *за глаза* кого-чего, которые регулярно выступают с 0-формой актанта (ср., например: *Тебе чай с сахаром или без?* — контекстуально обусловленная 0-форма актанта после предлога *без*), постепенно переходя в наречия как часть речи, т. е. в этом случае мы наблюдаем грамматический процесс перехода ПЕ в наречия: *С глаз моих долой, бесстыжая!* [НКРЯ. П. Мельников-Печерский. В лесах] → *Мечтает теперь Иван Савельевич только об одном, чтобы этого Алоизия убрали из Варьете куда-нибудь с глаз долой* [НКРЯ. М. Булгаков. Мастер и Маргарита]; **за его глаза* (примеров с ненулевой формой актанта не обнаружено) → *С той поры знаменитого охотника Чарли Мэна весь округ называет за глаза не иначе как — старым ослом* [НКРЯ. М. Горький. Чарли Мэн]; ср. также *А девушки, ругавшие его за глаза, в глаза были предупредительны и почтительны* [НКРЯ. В. Вересаев. Два конца]. Таким образом, наши материалы в очередной раз подтверждают, что не наречия переходят в предлоги, а наоборот.

¹⁸ Авторы не разделяют фразеологизмы и сочетания, функционирующие в качестве предлога: «Кроме фразеологических оборотов в собственном смысле в Словаре даются также а) словосочетания, выступающие в роли наречий, предлогов и союзов (например: **без удержу**, **в силу**, **при помощи**, **тем не менее** и т. п.)» [МАС, I: 9].

¹⁹ «...в образной речи, в сравнении, в устойчивых сочетаниях, фразеологических оборотах и т. п.» [БАС, I: XVII]. Начиная с четвертого тома появляется разграничение «фразеологических оборотов и идиом», с одной стороны, и «слова в типических устойчивых сочетаниях его или при показе сравнительных оборотов», а также «связанного употребления слова в тех или иных синтаксических оборотах», с другой [БАС, VI: V].

²⁰ «В качестве примеров даются короткие фразы, наиболее употребительные сочетания слов, а также пословицы, поговорочные, обиходные и образные выражения, показывающие употребление данного слова. Если такие выражения нуждаются в дополнительном объяснении, т. е. если все выражение приобретает какой-н. новый смысл (образный, переносный при сохранении значения самого слова), то после него в круглых скобках дается краткое объяснение» [СОШ 1992: 8].

попасться, **на глаза** показаться; в качестве отдельного значения (!) выделяется **глазами кого**. К фразеологизмам отнесены **к лицу**, **лицом к кому-чему**, **с лица** земли стереть. ПЕ в **лице кого-чего**, **от лица кого-чего**, **перед лицом кого-чего**, **на глазах у кого** или **кого** и **в глазах кого** или **чьих** маркируются «в значении предлога с род. п.». Единицы **лицом к лицу с кем-чем**, **с каким лицом**, **перед лицо кого-чего**, **на лице чего**, **на лицо чего**, **от лица чего**, **по лицу чего** не отмечаются.

Таким образом, большинство рассматриваемых ПЕ выделяются словарями как фразеологизмы и устойчивые сочетания; ПЕ в **лице кого-чего**, **от лица кого-чего**, **перед лицом кого-чего**, **на глазах у кого** и **в глазах кого** СОШ ранжирует как близкие к предлогам. ПЕ **с каким лицом**, **от лица чего**, **по лицу чего**, **на лице чего**, **на лицо чего** не отмечаются ни в одном из привлеченных словарей.

Анализ наших материалов показал, что, конечно, не все из этих ПЕ уже стали предлогами, часть из них находится еще в зоне постепенного перехода, ведь грамматикализация — процесс градуальный, пословный, существуют «более» и «менее» грамматикализованные единицы²¹. Как же определить, какие единицы уже грамматикализовались, т. е. стали собственно предлогами, а какие находятся лишь на «пути» в предлоги?

2. Критерии определения степени грамматикализации

Зарубежные исследователи (см. работы выше; ниже перечисление по [Heine, Kuteva 2002]) выделяют следующий перечень механизмов грамматикализации:

а) десемантизация (desemanticization, semantic bleaching) — выцветание, ослабление семантического значения, ср. с десемантизацией²² в [Гак 1965];

б) расширение, или генерализация контекстов (extension, context generalization) — употребление в новых контекстах;

в) декатегоризация (decategorialization) — потеря морфосинтаксических свойств, характерных для менее грамматикализованных форм;

г) фонетическое упрощение (phonetic erosion).

Эти четыре механизма²³, как отмечают [Heine, Kuteva 2002], тесно связаны: десемантизация происходит от того, что формы, имеющие конкретное значение, в определенных контекстах интерпретируются как имеющие более абстрактное, грамматическое значение. Получив грамматическое значение, эти формы значительно «отрываются» от своих старых употреблений: теряют свои категориальные характеристики, имевшиеся в старых употреблениях, подвергаясь процессу декатегоризации; далее они начинают использоваться все чаще и чаще, их появление становится предсказуемым, и, наконец, они теряют какие-то фонетические характеристики.

²¹ Ср. с мнением, изложенным в [Heine, Kuteva 2002]: «...возникают новые грамматические значения, но требуется значительное время на то, чтобы произошли соответствующие синтаксические, морфологические и/или фонетические изменения. Во многих языках предлоги, бесспорно выполняющие грамматические функции, до сих пор имеют структуру своих предыдущих употреблений как наречных групп (adverbial phrases), например, англ. *by means of*, *in front of*, *with respect to* <...>».

²² Ср. с мнением В. Г. Гака: «...грамматикализация словосочетания, приводящая к формированию аналитических структур, неразрывно связана с десемантизацией одного из компонентов словосочетания, с ослаблением его собственного значения и превращением его в полуслужебный или служебный компонент. Грамматикализация и десемантизация предстают как две стороны одного и того же процесса» [Гак 1965: 129].

²³ Думается, что эти факторы не применимы к немотивированным (первообразным) предлогам, так как они характеризуют сам процесс грамматикализации, т. е. обретения новых грамматических смыслов, что не представляется актуальным для первообразных предлогов типа **в**, **на**, **к**, **от**, **до**, **у** и т. п. Также, на наш взгляд, они слабо применимы к тем случаям грамматикализации, выделяемым зарубежными исследователями, когда предлог получает новое значение (англ. *for* с бенефактивным значением > *for* с целевым значением).

Отечественные лингвисты также сформулировали ряд методов определения перехода слов одной части речи в другую. Так, Т. С. Тихомирова [1972] выделила в качестве объективного критерия такого перехода совокупность трех факторов:

- а) лексико-семантического — утеря прежних/приобретение новых смыслов;
- б) морфологического — выпадение из морфологической парадигмы, в частности, словоизменительной;
- в) синтаксического — разрушение синтагматических связей.

Хорошо видно, что факторы Т. С. Тихомировой совпадают с первыми тремя механизмами, выделяемыми теоретиками грамматикализации (за исключением порядка их следования). Практическая работа с языковым материалом показала, что в рамках этих механизмов необходимо найти более конкретные операциональные критерии, показывающие степень грамматикализации (или предположенности) определенной ПЕ. Ряд таких критериев дается в работе [Всеволодова 2011], однако во многом они нуждаются в дополнении, классификации, а также осмыслении и уточнении на конкретном языковом материале.

В ходе нашего анализа предложных единиц русского языка удалось систематизировать и изменить список операциональных критериев, при этом были выбраны наиболее релевантные из них, а также добавлен ряд новых критериев. Результаты этой работы приводятся ниже в корреляции с механизмами грамматикализации.

1) Семантические факторы (десемантизация).

Метафоризация значения проявляется в сочетаемости ПЕ со словами, при других формах собственно предложного существительного с ним не сочетающихся:

*Очень соблазнительно покарать нечестивцев **руками** члена СНГ* [НКРЯ. А. Самарина. Очень быстрое реагирование] → **руки члена СНГ*, ср. прямое значение: *Высоко поднятые сильными руками солдат, носилки двинулись вперед. Свою действительность он создает **без посредства искусства*** [НКРЯ. А. Генис. Довлатов и окрестности] → **посредство искусства*²⁴; «*Early music*» начался почти исключительно **тицанием** западных партнеров, а сейчас вклад консульств в фестивальный бюджет составляет всего 20%, а остальное — *русские деньги* [НКРЯ. «Петербургский Час пик». 2003] → **тицание западных партнеров*.

Зачастую происходит сдвиг значения:

***Иждивением** монахини Надежды в новом храме устроили придел в честь чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери* [НКРЯ. «Журнал Московской патриархии». 2004] ≠ *иждивение монахини Надежды* ('монахиня получает некое иждивение').

2) Синтаксические факторы (генерализация контекстов²⁵).

Безусловно, первым и основным требованием к включению единицы в разряд предложных является способность присоединять имя актанта и самостоятельно управлять им: *в чем?* — *в платье*, *ввиду чего?* — *ввиду военного положения*, *в виде чего?* — *(фото-рамка) в виде ананаса*, однако этой же способностью обладают и существительные (*вид чего? ананаса, вид чего? военного положения* и т. п.), в связи с чем представляется нелогичным использование данного критерия для определения степени грамматикализации ПЕ.

²⁴ Часто встречаются сочетания в рамках ПЕ *через посредство кого-чего*: *Задачи Главполитпросвета в области художественного воспитания масс можно разделить на три рубрики: 1) агитационно-пропагандистская работа **через посредство искусства**, 2) всяческая помощь выявлению...* [НКРЯ. А. Луначарский. Наши задачи в области художественной жизни].

²⁵ Наш материал показал, что синтаксические факторы (изменение синтаксического поведения словоформ) в поле предлогов не всегда представляет собой расширение контекстов. Очень часто это, наоборот, сужение набора синтаксических свойств, ср., например, невозможность вставить внутрь ПЕ прилагательное-модификатор: *необыкновенная сила* — *в силу прибыльности предприятия* — **в необыкновенную силу прибыльности предприятия*.

- невозможность вставить внутрь ПЕ прилагательное-модификатор²⁶ (ПЕ не «впускает» согласованное определение):

Их выбросы вольются в естественное течение космических потоков и явлений [НКРЯ. И. Папанов. У истоков легенд]; — *Вскипятите молоко с кокосовой стружкой и дайте ему постоять в течение часа* [НКРЯ. Г. Поскребышева. Хозяйке — на заметку] — **в естественное течение часа*;

Остановился на небесно-голубых глазах приятеля — он смотрел на меня так, будто от этого ответа зависела вся его жизнь [НКРЯ. О. Ефремова. История одного самоубийства]; — *Можно посадить любого — на глазах у всей страны* [НКРЯ. С. Шаргунов. POSHLOST] — **на небесно-голубых глазах у всей страны*.

- невозможность для собственно предложного существительного занять позицию в исходной прототипической модели предложения^{27, 28}, ср., ПЕ типа **заботами** кого, **тищанием** кого, **усилиями** кого и т. п., которые системно выступают в страдательных оборотах: **Усилиями журналистов и политтехнологов обществу был навязан стереотип...**, что на любых выборах... от избирателя ничего не зависит [НКРЯ. А. Храмчихин. Комплекс полноценности]. Однако в действительном обороте при нормативном: *Журналисты и политтехнологи навязали обществу стереотип...* (в качестве подлежащего выступает актант ПЕ **усилиями** кого) вряд ли возможно **Усилия журналистов навязали...*²⁹; следовательно, здесь можно говорить об определенной степени грамматикализации. Как представляется, в активном обороте-конверсиве степень грамматикализации еще выше: **Усилиями журналистов и политтехнологов в обществе появился стереотип...** Ср. аналогичный пример:

На клумбах заботами Леонарды Яковлевны были посажены тюльпаны → **На клумбах заботы Леонарды Яковлевны посадили тюльпаны* → *На клумбах Леонарда Яковлевна посадила тюльпаны* → *На клумбах заботами Леонарды Яковлевны росли оранжевые тюльпаны* [НКРЯ. Т. Тронина. Русалка для интимных встреч].

О высокой степени грамматикализации можно говорить и в случае страдательного оборота, если агенсом не является лицо (лица), названное припредложным существительным:

В 1930 году после долгого тюремного заключения он был приговорен к далекой ссылке, но хлопотами своих прихожан, почти всего села, был отпущен к себе в Селищи [НКРЯ. «Журнал Московской патриархии». 2003] = власти отпустили благодаря хлопотам прихожан.

3) Морфологические факторы (декатегоризация).

- тип синтаксемы³⁰, формируемой ПЕ³¹:
 - наиболее подвержены грамматикализации ПЕ, формирующие свободные синтаксемы: *В 17 лет это уже были блестяще образованные — в рамках эпохи — люди, сложившиеся личности* [НКРЯ. В. Липневич. Первые опыты];

²⁶ См. [Vinogradova 2014].

²⁷ Подробнее см. [Виноградова 2013].

²⁸ Приведем еще одну возможную формулировку: невозможность для лексических единиц с предложной функцией трансформационных операций с базовыми словами, ср.: *открыть дверь с помощью соседа — сосед помог* (не предложное употребление с помощью) — *открыть дверь с помощью топора — *топор помог* (предложное употребление с помощью).

²⁹ Другими словами, несмотря на то, что слово **усилиями** стоит в составе этого сочетания в творительном падеже и управляет актантом-агенсом, все словосочетание не может функционировать как агентивное дополнение, из-за чего фразу **Усилиями журналистов и политтехнологов обществу был навязан стереотип...** невозможно трансформировать во фразу **Усилия журналистов навязали...*

³⁰ Подробнее о типах синтаксем см. ниже.

³¹ Подробнее см. [Виноградова 2012].

- ПЕ, формирующие связанные синтаксемы, определяются слабее: *Я считаю, что таких писателей, как Достоевский и Толстой, никак нельзя уложить в рамки одной эпохи, их эпохи* [НКРЯ. М. Бахтин. О полифоничности романов Достоевского];
- обусловленные синтаксемы, определяясь моделью предложения, представляют собой более крупные, чем предложные, конструкции и не формируют ПЕ: ср. сомнительность предложного статуса *в радость кому: Даже ремонт был мне в радость, потому что я его делала для себя* [НКРЯ. «Мир & Дом. City». 2004];
- морфологическая специализация по отношению к другим словам того же ряда, или обособление от других слов с аналогичным категориальным значением, ср.: признаковые имена: *в цвет чего, в тон чего, в размер чего*, но не: *в структуру чего, в форму чего: цвет торшера — форма торшера*, но только *ваза в цвет торшера*, а не **ваза в форму торшера*; соматизмы: *лицо ребенка — лоб ребенка, от лица ребенка*, но не: **ото лба ребенка; глаза матери — очи матери — брови матери*, но только *глазами матери*, а не **очами матери, *бровями матери*;
- наличие морфосинтаксических вариантов, характеризующее более определенные (грамматикализованные) единицы: ср. управление существительного только *цвет чего? (платья)* и вариативность грамматического управления ПЕ: *в тон чего — в тон чему — в тон к чему — в тон с чем* (при невозможности *тон чему? — тон к чему? — тон с чем?*);
- выпадение из морфосинтаксической парадигмы (отсутствие других системных для имени существительного словоформ): *в рамках теории катастроф — *у рамок теории катастроф — *перед рамками теории катастроф — *к рамкам теории катастроф — рамкам теории катастроф* и т. п.

4) Фонетические факторы (фонетическое упрощение³²).

Конечно, как уже отмечалось, механизмы грамматикализации пересекаются, а операциональные критерии пока не универсальны, зачастую тот или иной критерий «работает» для некоторой группы ПЕ. Тем не менее, как представляется, на основании указанных критериев можно делать определенные выводы относительно степени грамматикализации ПЕ.

Продemonстрируем действие релевантных для изучаемых ПЕ критериев ранжирования по степени грамматикализации, представив их в порядке, который отражает, на наш взгляд, иерархию данных критериев.

2.1. Тип синтаксемы

Работа над словарем ПЕ [Всеволодова и др. (в печати)] показала, что важным критерием является тип синтаксемы, формируемой ПЕ. Понятие синтаксемы, введенное А. М. Мухиным [Мухин 1961] и разработанное Г. А. Золотовой [Золотова 1982], оказалось очень востребованным при описании грамматики русского языка в прикладных целях. Г. А. Золотова выделила три типа синтаксем: свободные, обусловленные и связанные³³.

Свободные синтаксемы вне зависимости от контекста имеют самостоятельное значение, которое сохраняется и вне предложения, ср. названия кинофильмов: «В августе 44-го»,

³² Отметим, что фонетическое упрощение в чистом виде пока не обнаружено в мотивированных предлогах, на данный момент отмечены лишь отдельные фонетические изменения, происходящие при грамматикализации: ср., например, переход ударения в предлоге *в связи с чем: В связи с преступными элементами замечены многие члены правительства* (существительное), но *В связи с выборами занятия в школе отменяются* (предлог), см. подробнее [Виноградова 2014].

³³ Отметим, что для наших практических целей оказалось более удобным использовать понятие синтаксемы (как более строгое и однородное), а не детерминанта. В то же время очевидна связь этих понятий: роль распространителей предложения характерна только для обусловленных и свободных синтаксем, тогда как связанные синтаксемы не способны разорвать присловные связи.

«На крючке», «В движении», «На море!», «От 180 и выше», «Про Федота-стрельца, удалого молодца», «Тебе, настоящему», «За тобой», «В стиле jazz», «В тумане», «От сердца к сердцу» и т. п. Именные свободные синтаксемы часто представляют собой лингвистические универсалии и по своему лексическому составу сходны во многих языках. В практике преподавания они вводятся, как правило, когда речь идет о той или иной категории: выражение временных отношений, выражение пространственных отношений и т. п.

Обусловленные синтаксемы выявляют свое содержание в структуре предложения и не могут использоваться вне предложения, ср., например: *Муж из него никакой; Меня знобит; У него взрослая дочь; Из грязи в князи; Книг — море* и т. д. С употреблением обусловленных синтаксисом инофоны, изучающие русский язык, обычно знакомятся через модель предложения.

Наконец, связанные синтаксемы не имеют самостоятельного значения и появляются в зависимой позиции при том или ином слове, ср. ряд связанных синтаксисом, формируемых предлогом *из*:

выкинуть из головы, вывести из терпения, вытеснить из употребления, исходить из предположения, большинство из нас, наихудший из поэтов, узнать из газет, комиссия из пяти человек, стадо из коров и овец и т. д.

Таким образом, представляется, что о значении синтаксемы, формируемой ПЕ, можно говорить для свободных и обусловленных синтаксисом, в то время как связанные синтаксемы могут выражать различные смыслы, проявляющиеся в зависимости от управляющего слова.

В ходе анализа языкового материала выяснилось, что тип синтаксемы, формируемой ПЕ, значительно влияет на возможность предложивания: так, свободные и связанные синтаксемы часто подвергаются грамматикализации, при этом, на наш взгляд, свободные синтаксемы более склонны к грамматикализации. Что касается обусловленных синтаксисом, то представляется, что они, формируя более крупные конструкции, не могут грамматикализироваться в предлоги.

1. ПЕ, формирующие свободные синтаксемы³⁴:

- ✓ *в лице* кого-чего: *В лице* Евгении Финкель [НКРЯ. А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства];
- ✓ *глазами* кого-чего: *Глазами* мента [НКРЯ. Д. Виноградов. Глазами мента];
- ✓ *глазом* кого³⁵: *Глазом* знатока (Интернет);
- ✓ *лицом* к₂ кому-чему (локатив): *Лицом к* бизнесу [НКРЯ. А. Волинец. Коллегия МВЭС];
- ✓ *лицом к лицу* с кем-чем: *Лицом к лицу* с Америкой [НКРЯ. Г. Арбатов. Человек Системы];
- ✓ *на глазах у* кого-чего: *На глазах у* всей страны (Интернет);
- ✓ *на лице* чего: Видно было (*на лице* Москвы), как ударами страстей некогда были сотворены эти губы, нос [НКРЯ. А. Платонов. Записные книжки];
- ✓ *от лица*, кого-чего: *От лица* государства [НКРЯ. Л. Фомина. От лица государства];
- ✓ *перед лицом*, кого-чего ('в присутствии'): *Словно какие-то отзвуки старых советских слов: «Я, юный пионер... перед лицом своих товарищей...»* [НКРЯ. Н. Горланова. Портрет в интерьере];
- ✓ *перед лицом*, кого-чего ('в условиях'): *Перед лицом* фактов (Интернет);
- ✓ *по лицу* чего: *По лицу* Земли (Н. Рерих, Интернет);
- ✓ *с лицом* кого: *Н каждый день пил молоко и каждый раз клал в стакан муху, потом спрашивал строго у лакея: «Это что такое?»*. *С лицом* жертвы. *Без этого он не мог дня прожить* [НКРЯ. А. Чехов. Записные книжки];

³⁴ В качестве примеров здесь намеренно приводятся реальные употребления вне предложения (в парентезе, при парцелляции): заголовки статей, названия книг и т. д. Именно понятность значения данных синтаксисом вне контекста позволяет отнести их к классу свободных.

³⁵ ПЕ *глазом* кого и *глазами* кого не синонимичны, поэтому не рассматриваются нами как морфосинтаксические варианты.

2. ПЕ, формирующие связанные синтаксемы:

- ✓ **в глаза**₁ кому-чему (говорить и т. п.): *До Родионова, наверное, ни один из сорока российских министров обороны не умел г о в о р и т ь в глаза власти всю беспощадную правду о состоянии армии* [НКРЯ. В. Баранец. Генштаб без тайн];
- ✓ **в глаза**₂ кому-чему (смотреть и т. п.): *Чтобы не позориться и дальше, надо научиться с м о т р е т ь в глаза своему позору* [НКРЯ. Е. Евтушенко. «Волчий паспорт»];
- ✓ **в лицо**₁ кому-чему (говорить и т. п.): *Он вообще любит в ы с к а з ы в а т ь в лицо Западу все, что о нем думает* [НКРЯ. «Вечерняя Москва». 2002];
- ✓ **в лицо**₂ чему (смотреть и т. п.): *Отказавшись паниковать, смело г л я д я в лицо обстоятельствам, храня веру и здравый смысл, эта женщина не позволила понятию «невозможно» все испортить* (Интернет);
- ✓ **лицом к**₁ кому-чему (директив-финиш): *Россия в последнее время о б р а щ е н а лицом к делам СНГ* [НКРЯ. С. Лурье. Жесткий разговор о любви];
- ✓ **на лицо** чего: *И с а д я т с я, окаянные, на лицо истины и душат ее, за горло взяв, и мешают росту силы ее всячески, враги наши и всего сущего!* [НКРЯ. М. Горький. Исповедь];
- ✓ **перед лицо** кого-чего: *Здесь на одной стороне изображено, как крестьянин п р и в о д и т пленного силена перед лицо какого-то высокопоставленного лица, в сказке соответствующего царю* [НКРЯ. В. Пропп. Исторические корни волшебной сказки];
- ✓ **от лица**₂ чего: *И с ч е з от полиции... яко дым от лица огня* [НКРЯ. М. Горький. На дне];
- ✓ **с лица** чего: *Отклонение судом апелляции ТВ-6 не значит, что уже завтра «киселевский» канал будет с т е р т с лица эфира* [НКРЯ. К. Веретенникова. Ликвидаторы. ТВ-6 готовится нести человеческие потери].

3. ПЕ, формирующие обусловленные синтаксемы:

- ✓ **в глаза**₃ кому-чему что (бросается и т. п.³⁶): *...физикам бросилось в глаза, что существуют группы (мультиплеты) частиц, масса которых... одинакова* [НКРЯ. Я. Смородинский. Симметрия: и физика и лирика]; *Современникам бросилась в глаза эта склонность Грозного к Западу и к западным людям* [НКРЯ. Г. Флоровский. Пути русского богословия];
- ✓ **в глазах** кого-чего (пропозиция): *Итак, что же представляет собой малый и средний бизнес в глазах банков?* [НКРЯ. М. Попов. Денег куры не клюют?]; *Ты понимаешь, что в глазах закона ты — преступник?* [НКРЯ. И. Ефимов. Суд да дело];
- ✓ **на глаза**₁ кого-чего/кому-чему что (попалось): *На прошлой неделе на глаза моей жене попало меховое пальто, и это мне стоило 3000 долларов!* [НКРЯ. Коллекция анекдотов: семья]; *Пушкин пугается, что это любезное, почти любовное воспоминание, доказывающее нескромность, попадет на глаза любимой женщины* [НКРЯ. Ю. Тынянов. Безыменная любовь];
- ✓ **на глаза**₂ кого-чего/кому-чему кто (показался): *В-третьих, теперь понятны слова Курта, что он не хочет показываться на глаза Курцеру* [НКРЯ. Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом]; *Да и мало кто из местных жителей знал о его существовании, поскольку на глаза людей затворник не стремился показываться* [НКРЯ. В. Бурлак. Хранители древних тайн];
- ✓ (не) **к лицу**₂ кому что (делать) ('прилично, пристало')³⁷: *...исполнительной власти не к лицу суетиться по поводу своих «рабочих мест» — работать надо* [НКРЯ. А. Чудодеев. Пятьдесят три вопроса президенту]; *На самом деле Европе есть чем гордиться и не к лицу впадать в глупые амбиции* [НКРЯ. А. Сахаров. Тревожное время];
- ✓ (не) **к лицу**₂ кому что ('идет, подходит'): *Так что к лицу Москве и черетелиевский памятник Петру, и клыковский памятник Жукову, и разрушение бассейнов, и строительство храмов* [НКРЯ. Д. Губин. Пятая колонка]; *...деревянные конструкции к лицу саду любого стиля* [НКРЯ. А. Саулит. Мода и направления. Тренды: дерево в саду].

³⁶ Данная ПЕ, вероятно, находится на стыке морфологии и фразеологии. Например, А. М. Бабкин рассматривает эту единицу как фразеологизм. Однако он тоже ставит вопрос: если обороты *бросаться в глаза, кидаться в глаза, метаться в глаза, бить в глаза и лезть в глаза* — это варианты одной фразеологической единицы, то вопрос о том, какой же именно? Конечно, при чисто внешнем лексико-грамматическом подходе можно вообразить модель: варьируемый глагол + *в глаза* [Бабкин 2009].

³⁷ ПЕ (не) **к лицу**₂ кому что *делать* употребляется в подавляющем большинстве случаев в проpositельных и отрицательных конструкциях. В качестве актанта системно выступает инфинитив.

В дальнейшем шесть единиц, формирующих обусловленные синтаксемы, исключаются из нашего рассмотрения.

2.2. Метафоризация

При метафоризации лексема в определенной конструкции начинает употребляться со словами-партнерами, изначально ей не свойственными, что демонстрирует изменение семантики лексемы. Высокая степень метафоризации выражается в невозможности употребления лексемы со словами-партнерами вне конструкции ПЕ, под средней степенью метафоризации понимается сдвиг значения лексемы в ПЕ по отношению к исходной лексеме.

1. ПЕ³⁸, обладающие высокой степенью метафоризации:

- ✓ **в глаза₁** кому-чему (говорить): Ждали героя, который мог бы смело и прямо сказать **в глаза** правительству жестокую правду [НКРЯ. К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве] → ***глаза** правительства; Но делать отсюда вывод, что мы хотели войны с Польшей или готовили ее, — значит лгать **в глаза** фактам и здравому смыслу [НКРЯ. Л. Троцкий. Моя жизнь] → ***глаза** фактов и здравого смысла; ср. с прямым употреблением: Сей посол дерзнул сказать **в глаза** Василию то же, называя его не царем, а злым изменником [НКРЯ. Н. Карамзин. История государства Российского] → **глаза** Василия;
- ✓ **в глаза₂** кому-чему (смотреть): Моряк, сударыня, всегда глядит **в глаза** смерти [НКРЯ. Б. Житков. «Сию минуту-с!...»]; Надо смотреть правде **в глаза**, чего уж... [НКРЯ. Л. Гурченко. Аплодисменты] → ***глаза** правды; «ТАЙПИТ» заглянул **в глаза** рынку офисной мебели [НКРЯ. «Мебельный бизнес». 2003] → ***глаза** рынка офисной мебели; ср. с прямым употреблением: — Он пригнулся над столом, заглядывая **в глаза** Корытину [НКРЯ. Б. Екимов. Пиночет] → **глаза** Корытина;
- ✓ **в лице** кого-чего³⁹: Западные партнеры, и прежде всего США, выдели **в лице** Москвы опытного строителя орбитальных станций [НКРЯ. П. Смирнов. «Мир» в обмен на доллары] → ***лицо** Москвы; На выборах 1999 года народ голосовал за стабильность **в лице** «Единства» [НКРЯ. М. Виноградов, Н. Ратиани. Союзы без правых сил. В борьбе за президентский ресурс российские либералы теряют электорат] → ***лицо** «Единства»; ср. с прямым (не метафоризированным) употреблением: ...наш разговор продолжался, и вдруг я заметил **в лице** мамы как бы содрогание [НКРЯ. Ф. Достоевский. Подросток] → **лицо** мамы;
- ✓ **в лицо₁** кому-чему⁴⁰ (говорить): ...и бросить **в лицо** власти правду о ней [НКРЯ. Д. Самойлов. Общий дневник] → ***лицо** власти; Эренбург называет, бросая **в лицо** фашизму, имя своей матери: Ханна → ***лицо** фашизма [НКРЯ. А. Борщаговский. Несыгранный «Гамлет»]; ср. с прямым употреблением: — Я в восхищении, — заорал прямо **в лицо** поднимающемуся по лестнице господину Жаку кот [НКРЯ. М. Булгаков. Мастер и Маргарита] → **лицо** господина Жака;
- ✓ **в лицо₂** кому-чему (смотреть): Не бойся взглянуть **в лицо** удаче, а бойся, что с нею легко разминуться [НКРЯ. Л. Зорин. Медный закат] → ***лицо** удачи; Но Израиль должен смотреть **в лицо** фактам [НКРЯ. И. Солоневич. Миф о Николае II] → ***лицо** фактов; ср. с прямым употреблением: Королевич подкрался, вскочил на переднее колесо и заглянул **в лицо** старика, пощекотав ему бороду [НКРЯ. В. Катаев. Алмазный мой венец] → **лицо** старика;

³⁸ Здесь и далее при проверке операциональными критериями ПЕ рассматриваются в алфавитном порядке.

³⁹ ПЕ **в лице** кого-чего и **от лица** кого-чего являются конверсивами: завод **в лице** директора ↔ директор **от лица** завода.

⁴⁰ ПЕ (говорить) **в лицо₁** кому-чему и (говорить) **в глаза₁** кому-чему, а также (смотреть) **в лицо₂** кому-чему и (смотреть) **в глаза₂** кому-чему синонимичны: Ждали героя, который мог бы смело и прямо сказать **в глаза** правительству жестокую правду [НКРЯ. К. Станиславский. Моя жизнь в искусстве]; ...Джиббинс бросил с трибуны **в лицо** правительству дерзкую фразу [НКРЯ. Б. Лавренев. Крушение республики Итль]; Надо просто объективно смотреть **в глаза** реальности [НКРЯ. Б. Немцов, И. Засурский. Борису Немцову дали семь дел. «Общая газета»]; Давайте взглянем **в лицо** реальности [НКРЯ. В. Баранов. Малый народ как малый параметр].

- ✓ **глазами** кого-чего: «Глазами дружбы» [НКРЯ. «Техника — молодежи». 1977] → ***глаза дружбы**; *Невозможно видеть реальность иначе как **глазами** Партии* [НКРЯ. М. Голубовский. Биотерапия рака, «дело КР» и сталинизм] → ***глаза Партии**; *...перевод книги немца Дитера Гро «Россия **глазами** Европы»* [НКРЯ. Л. Аннинский. Десять лет, которые растрясли мир] → ***глаза Европы**; ср. с прямым употреблением: *...мелькание перед глазами малыша разноцветных шариков или фигурок развивает у него зрение → глаза малыша*;
- ✓ **лицом к**, кому-чему (повернуться) (директив-финиш): *...наука должна повернуться **лицом к** производству, ближе, тесней связаться с жизнью* [НКРЯ. В. Гроссман. Жизнь и судьба] → ***лицо производства**; *Новому министру мы можем дать наказ: повернуть министерство **лицом к** проблемам автомобилистов* [НКРЯ. «За рулем». 2004] → ***лицо министерства**; ср. с прямым употреблением: *Старушка поднялась, высокая, с прямой спиной, и повернулась лицом к Анастасии* [НКРЯ. К. Яхонтова. Смятение Анастасии] → **лицо старушки**;
- ✓ **лицом к**, кому-чему (локатив): *Ведомственная наука **лицом к** региону* → ***лицо науки** (Интернет); ср. прямое употребление: *Я сидела в сторонке, лицом к камину* [НКРЯ. Е. Белкина. От любви до ненависти] → *мое лицо*; во многих предложениях субъект пропозиции не назван: ***Лицом к** космонавтике* [НКРЯ. В. Лебедев. Лицом к космонавтике]; *Рассказ Юсефа Шоруру «**Лицом к** рингу»* [НКРЯ. Н. Коротаева, Н. Цветкова. Голоса континентов]; *Сейчас вот партией брошен лозунг — «**лицом к** деревне», — говорит он* [НКРЯ. А. Богданов. Эх, Антон!];
- ✓ **лицом к лицу** с кем-чем: *религия Аполлона **лицом к лицу** с религией Зевса* (Интернет) → ***лицо религии Аполлона**; *Россия остается сама с собой, **лицом к лицу** с фактом духовного упадка и экономического разорения своего народа* [НКРЯ. З. Гиппиус. Он и мы] → ***лицо факта духовного упадка**; ср. с употреблением в «более» прямом (абсолютно прямое значение сомнительно) значении⁴¹: *Как-то столкнулся я лицом к лицу с Булатом Окуджавой* [НКРЯ. В. Голяховский. Русский доктор в Америке] → *мое лицо, лицо Булата Окуджавы* (лица конкретных людей);
- ✓ **на глазах у** кого-чего: *Жалакявичус **на глазах у** всего Международного кинофестиваля открывал дверцу автомобиля Марине Влади!* [НКРЯ. Г. Шергова. ...Об известных всем] → ***глаза всего Международного кинофестиваля**; *Он плыл при тихой погоде, **на глазах у** всех судов вниз по проливу* [НКРЯ. Н. Карпов. Крым — Галлиполи — Балканы] → ***глаза всех судов**; ср. с прямым употреблением: *Все возбуждены, смеются и радуются. На глазах у многих слезы* [НКРЯ. В. Ермоленко. Из солдатского дневника] → *глаза многих людей*;
- ✓ **от лица**, кого-чего: — *Что мы, мол, будем **от лица** хлебозавода и как бы безо всякой идеи выходить* [НКРЯ. С. Самсонов. Одиннадцать] → ***лицо хлебозавода**; *В 1996 году... Ельцин уже не мог говорить **от лица** всего демократического движения → **лицо** всего демократического движения* [НКРЯ. А. Собчак. Дюжина ножей в спину]; ср. с прямым употреблением: *Оторвал взгляд от лица старикашки, приобретшего теперь уже грязно-лимонный оттенок* [НКРЯ. М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все] → **лицо старикашки**;
- ✓ **перед лицом**, кого-чего («в условиях»): *Перед лицом крепостных веков, **перед лицом** Колымы, Норильска, Воркуты женщина стала равноправна мужчине* [НКРЯ. В. Гроссман. Все течет] → ***лицо крепостных веков**, ***лицо Колымы**; *Самое страшное — оказаться не **перед лицом** жестокости, а **перед лицом** забвения* [НКРЯ. Д. Быков. Книжная полка Дмитрия Быкова]; → ***лицо жестокости**, ***лицо забвения**, ср. с прямым употреблением: *В руке тетя Леля держала посудное полотенце, и полотенце это летало перед самым лицом прабабушки* [НКРЯ. А. Заичев. Братья] → **лицо прабабушки**;
- ✓ **с лица** чего: *Только что с большой помпой открыли Калининский проспект, стерший с **лица** Москвы многие переулки и закоулки старого Арбата* [НКРЯ. А. Козлов. Козел на саксе] → ***лицо Москвы**; *А Карл похвалялся стереть с **лица** земли, или, точнее, с **лица** географической карты, Россию, разделить ее на части и отдать части отдельным лицам* [НКРЯ. П. Ковалевский. Петр Великий и его гений] → ***лицо географической карты**, ср. с прямым употреблением: *Но великодушная улыбка, обнажающая ряд белоснежных зубов, похожих на свиные хрючки, так и не сходила с **лица** пожилого степенного санитара* [НКРЯ. О. Павлов. Карагандинские девятины] → **лицо пожилого степенного санитара**.

⁴¹ В прямом значении компонент **лицом к лицу** обычно может быть элиминирован: *Как-то столкнулся я (лицом к лицу) с Булатом Окуджавой*.

2. ПЕ, обладающие средней степенью метафоризации:

- ✓ **перед лицом** *кого-чего* ('в присутствии'): *Сегодня в Колонном зале Дома Союзов перед лицом Верховного суда СССР предстанет плеяда «героев» шахтинского дела* [НКРЯ. М. Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность] ≠ *лицо Верховного суда* (например, в употреблении типа *Совершенно никчемная затея с целью сохранить лицо Верховного суда ПМР, севшего в дужу с протестом* (Интернет)), ср. с прямым употреблением: *Он отчаянно нахлобучил шляпу и потряс перед лицом Гены сжатыми кулаками* [НКРЯ. А. Волос. Недвижимость] → *лицо Гены*; *Нужно ли удивляться, что Нобелевский комитет перед лицом такого ареопага знатных номинантов прислушался к ним, а не к Хвольсону* [НКРЯ. В. Гинзбург, И. Фабелинский. К истории открытия комбинационного рассеяния света] ≠ *лицо ареопага*;
- ✓ **перед лицо** *кого-чего* (*явиться, привести*) (редк.)⁴²: *Она пришла на заседание месткома, где разбиралось дело учительницы, — явилась перед лицо этих одичалых мещан* [НКРЯ. Л. Чуковская. Памяти Фриды] ≠ *лицо этих одичалых мещан*; *Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени* [НКРЯ. Ф. Достоевский. Записки из подполья] ≠ *лицо публики*.

3. ПЕ, для которых метафоризация не отмечена:

- ✓ **с лицом** *кого*⁴³: *Вышел заведующий — чернокудрый детина с лицом мясника* [НКРЯ. И. Грекова. Дамский мастер] → *лицо детины, лицо мясника*. Данная единица имеет значение 'похожий на кого-что-либо', обычно вводит характеристику человека (левый распространитель — личное имя), зачастую имеет пресуппозицию 'таковым не является, но похож на...': *Нейман, этот мясник с лицом младенца, ему был физически противен* [НКРЯ. Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей];
- ✓ **глазом** *кого*: *Рита, конечно, не открывала незнакомым людям двери, но глазом профессионального журналиста она моментально определила, что от этой женщины никакой угрозы не исходит* [НКРЯ. Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда»] → *глаз Риты, глаз профессионального журналиста*. Данная единица имеет характеризационное (сравнительное) значение, синонимом выступает конструкция с союзом **как**: *Враги забросили идеологическое оружие, и твоя обязанность была разглядеть глазом ученого все то, что он глазом криминалиста еще видел в тумане* [НКРЯ. В. Дудинцев. Белые одежды] = 'твоя обязанность как ученого была разглядеть все то, что он как криминалист еще видел в тумане'.

Представляется, что указанные две единицы могут стать предложениями только в перспективе, на данный момент не «включились» в процесс грамматикализации, поэтому они не анализируются нами в дальнейшем.

Отметим, что метафоризация может сопровождаться **фразеологизацией**⁴⁴, при которой (несмотря на сильную метафоризацию) закрепляется очень узкая сочетаемость ПЕ, что ставит вопрос о признании подобных единиц скорее фразеологизированными употреблениями, чем ПЕ. Таковы, в частности единицы:

- ✓ **на лице** *чего*: *Зерна на лице земли... Неизвестно, кто сыплет нас, кто выметает прочь...* [НКРЯ. М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь]; в подавляющем большинстве примеров сочетается с существительным *земля*, отмечены также **на лице** *воды, на лице России, на лице Москвы*;
- ✓ **на лицо** *чего*: *Когда глетчеры, совершая свое великое наступление на лицо земли, ползли с севера, от полюса, к югу, льды и снега одели ее — эту высочайшую вершину — в броню фирна* [НКРЯ. М. Ромм. Штурм Пика Сталина]; обычно сочетается с существительным *земля*, отмечены **на лицо** *воды, на лицо России, на лицо Москвы*;

⁴² Очевидно, что ПЕ **перед лицо** *кого-чего* (директив-финиш) образует семантическую парадигму с ПЕ **перед лицом**, *кого-чего* (локатив).

⁴³ Омоним ПЕ с каким **лицом** — **с лицом** *кого-чего*: *...компрадорски-бюрократический «патриотизм с лицом Чубайса»... для России бесперспективен абсолютно...* [НКРЯ. Н. Коньков. ЮКОСт в горле-2].

⁴⁴ Мы не выделяем здесь отсутствие фразеологизации в отдельный операциональный критерий, поскольку он позволил бы отделить ПЕ от фразеологизмов, но не от собственно имен существительных, что является задачей данного исследования.

- ✓ *от лица*₂ чего: Да воскреснет Бог и десницею твоею и духом, на тебе сущим, да расточатся врази богоотцев наших и да исчезнут со всеми ложными учениями *от лица* земли нашей [НКРЯ. Г. Чулков. Императоры: Психологические портреты]; чаще всего присоединяет существительные *земля, вода, огонь*;
- ✓ *по лицу* чего: Прокатились через это поле беженцы и рассеялись *по лицу* земли [НКРЯ. Б. Горбатов. Непокоренные]; обнаружены контексты с существительными *земля, степь, Россия, Вселенная*.

Нам представляется нецелесообразным рассматривать данные единицы в поле предлога в связи с их высокой фразеологизированностью. Отметим, однако, что это именно те единицы, которые системно превращаются в аффиксы во многих языках мира (см. подробное описание грамматикализации слов, называющих части тела, в пространственных служебных показателях в монографии [Svorou 1994]). В русском языке данные ПЕ начали процесс грамматикализации, но по каким-то причинам он остановился. Единственной нефразеологизированной единицей данного ряда является, на наш взгляд, ПЕ *с лица* чего⁴⁵.

2.3. Невозможность ПЕ присоединять прилагательное-модификатор

О значительном изменении синтаксического потенциала существительного свидетельствует невозможность присоединять согласованное определение в рамках ПЕ: *добрый знак*, но для предлога *в знак* чего — **в добрый знак* чего; *благие цели*, но для предлога *в целях* чего — **в благих целях* чего; *прекрасный повод*, но для предлога *по поводу* чего — **по прекрасному поводу* чего и т. д. Подчеркнем, что речь идет о присоединении именно согласованного определения-модификатора типа *И, во-вторых, сопутствующий ей распад страны произойдет на у д и в л е н н ы х г л а з а х* нынешнего поколения, мгновенно, очень болезненно и необратимо (Интернет), а не согласованного определения, называющего имя актанта как в случае *Через секунду на в а ш и х г л а з а х у добрых дяденек вырастет сто ног* [НКРЯ. «Профессионал». 1998] = *на глазах у вас*⁴⁶. Хотя, возможно, способность принимать притяжательное местоимение, называющее имя актанта, свидетельствует о том, что процесс грамматикализации не завершен.

⁴⁵ Отметим, что ПЕ *с лица* чего употребляется в широком ряде контекстов. Материал показал, что в качестве актанта (правого распространителя) к данной ПЕ присоединяются различные имена: *с лица* земли, земного, планеты, обитаемой людьми земли; *Родины, Европы, России, нашей чудесной страны, родной своей французской земли, республики, столицы, нашей матушки-Москвы, Пушкинской площади, Невского проспекта, всех больших и главных петербургских улиц; карты, географической карты; современного языка; истории* и т. д.

⁴⁶ Отметим, что вопрос об имени актанта-прилагательного является одним из краеугольных в грамматике предлога. Например, отдельного рассмотрения требует единица *с каким лицом*: «Математика *с человеческим лицом*» [НКРЯ. В. Баранов. Малый народ как малый параметр], «Цензура *с рыночным лицом*» [НКРЯ. В. Плотников. СМИ без цензуры — диктатура], «социализм *с немецким лицом*» [НКРЯ. М. Карпов. Список Визенталья], которая представляет собой сильно метафоризированную свободную синтаксему (ср.: **лицо рынка*), однако признание этой единицы предложной противоречит лингвистическому чутью. Как известно, Н. Ю. Шведова принципиально развела случаи типа 1) *летать в условиях Севера*, где *в условиях* выполняет предложную функцию, и 2) *летать в трудных условиях Севера*, — где наличие согласованного определения маркирует словоформу *в условиях* как собственно существительное [РГ 1980]. Тем не менее, возникает вопрос, как быть, если сам актант выражен прилагательным (а не конкретизатором типа *в трудных условиях Севера*): *в условиях Севера* — *в северных условиях*, ведь часто это вопрос исключительно сочетаемости синтаксических единиц: *из экономических соображений* — **из соображений экономики, из чувства патриотизма* — **из патриотического чувства*. Ср.: *Нам ЕС с лицом Квасьяневского и Адамкуса совершенно не интересен* — *Нам ЕС с турецким лицом гораздо более симпатичен* [НКРЯ. О. Власова. Турецкий берег стал ближе]. Эта же проблема категоризации остро встает и при актанте-притяжательном местоимении, ср.: *на наших глазах* и *на глазах у нас*, логично ли признавать *на глазах* кого сочетанием с существительным, а *на глазах у кого* — предлогом?

1. ПЕ, не «выпускающие» прилагательное-модификатор⁴⁷:

- **лицом к₂** кому-чему (локатив): *Россия лицом к Азии* [НКРЯ. А. Ларин. К вопросу о китайской «демографической экспансии»] → **п р е к р а с н ы м лицом к Азии*;
- **лицом к лицу** с кем-чем: *В Греции религия Аполлона стала лицом к лицу с более древней религией Зевса*⁴⁸ (Интернет) → **з а м е ч а т е л ь н ы м лицом к прекрасному лицу с древней религией Зевса*;
- **на глазах** у кого-чего: *...на глазах у почтенной публики из малого дитяти расцветает самая настоящая красавица* [НКРЯ. М. Вейдер. Чистые глазенки. 10 причин посмотреть «Детей шпионов-2»] → **на изумленных глазах у публики* (отметим, что для ПЕ без у-локализатора определение возможно: *На изумленных глазах публики появилась группа из солнечной страны — «Ямайский и островитяне»* (Интернет));
- **от лица₁** кого-чего: *От лица экономического блока Кудрин назовет членам кабинета десять приоритетов развития страны* [НКРЯ. Е. Короп. Правительство написало задачник] → **от а р и с т о к р а т и ч е с к о г о лица* экономического блока⁴⁹.

2. ПЕ, допускающие прилагательное-модификатор:

- **в глаза₁** кого-чего (говорить): *Пусть видит Америка нас, пусть целится в нас полчище, — сказала Тракторина Петровна в черное небо — прямо в з в е з д н ы е глаза Америки, целящейся в нас* [НКРЯ. С. Василенко. Дурочка];
- **в глаза₂** кого-чего (смотреть): *Мы просто еще раз, по-нашему, по-партийному прямо, хотим взглянуть в ч е с т н ы е глаза правительства: действительно ли оно убеждено, что для выживания реформ должны умереть газеты?* [НКРЯ. «Комсомольская правда». 1992];
- **в лице** кого-чего: *Эти взаимоотношения не основывались на каком-либо правительственном акте, а вытекали из смешения в к о л л е к т и в н о м лице Временного правительства, — верховной и исполнительной власти* [НКРЯ. А. Деникин. Очерки русской смуты];
- **в лицо₁** кого-чего (говорить): *Сенсорный вакуум... иных уж нет, а те далеке... Зато она умеет смеяться в с т р а ш н о е лицо реализма... «Я орел, я летаю одна...»* [НКРЯ. З. Плавинская. Отражение];
- **в лицо₂** кого-чего (смотреть): *Им было страшно глядеть в п о т е м н е в ш е е лицо России — в последнюю минуту, перед тем как, перелившись из сердца в сжатые кулаки, станет революцией народное горе* [НКРЯ. Л. Леонов. Русский лес];
- **глазами** кого-чего: *Чтобы не мешать образам внешнего мира свободно действовать, я ходил, слушал, смотрел, жил, ни о чем не думая, и стал видеть мир б е с п е ч н ы м и глазами художника* [НКРЯ. Л. Гумилевский. Судьба и жизнь];
- **лицом к₁** чему (директив-финиш): *Но, подрастая, ребенок ожидает отца, он уже до конца насыщается природными силами и чувствами матери... ребенок обращается л ю б о п ы т н ы м лицом к миру, он хочет променять природу на людей, и его первым другом товарищем... является отец* [НКРЯ. А. Платонов. Чевенгур];

⁴⁷ ПЕ *перед лицом* кого-чего не удалось операционально проверить относительно этого критерия ввиду низкой ее частотности.

⁴⁸ Основанием для включения в круг нашего рассмотрения ПЕ *лицом к лицу* с кем-чем явилось то, что, как показали материалы, это не сочетание фразеологизма *лицом к лицу* с предлогом *с кем-чем*, а единое образование, ни один из компонентов которого невозможно элиминировать: «*Лицом к лицу с Америкой*» [НКРЯ. Г. Арбатов. Человек Системы] ≠ *с Америкой*; *Мы стояли лицом к лицу с этим зданием* [НКРЯ. И. Полянская. Площадь (1996)] ≠ *мы стояли с этим зданием*; *Лицом к лицу с Пропастью. Размышления над бездной* [НКРЯ. К. Серафимов. Экспедиция во мрак] ≠ *с пропастью*; *Мише было жаль Бориса Сергеевича, одиноко стоявшего на сцене лицом к лицу с враждебным собранием* [НКРЯ. А. Рыбаков. Бронзовая птица] ≠ *Борис стоял на сцене с враждебным собранием*; *История ставит нас лицом к лицу с морскими державами* [НКРЯ. В. Вишневский. Дневники военных лет] ≠ *История ставит нас с морскими державами*.

⁴⁹ Нами обнаружен лишь один пример с прилагательным-модификатором, сомнительный, на наш взгляд, для современного русского языка: — *Господин наш, князь великой, всяя Руси государь, Иван Васильевич, — заговорил, или, лучше сказать, запел дьяк в нос, — от пр е с в е т л о г о лица* своего избрал меня, своего недостойного холопа, сказать тебе, боярину: едет к нам от немцев лекарь Онтон [НКРЯ. И. Лажечников. Басурман].

- **перед лицом₁** кого-чего ('в присутствии'): *Уважаемые олимпийцы! Перед с т р о г и м лицом суда сейчас предстанут двое преступников* (Интернет);
- **перед лицом₂** кого-чего ('в условиях'): *Даже крупнейшие города мира порой выглядят очень жалко перед б е с п р и с т р а с т н ы м лицом стихии* (Интернет);
- **с лица** чего: — *Зришь же ты, боже, неуклюжесть эту слоновою и не метешь ее с п р е к р а с н о г о лица земли!* [НКРЯ. А. Левитов. Московские «комнаты снебилью»].

2.4. Наличие морфосинтаксических вариантов

Продemonстрируем, почему наличие морфосинтаксических вариантов, или морфосинтаксической парадигмы в терминах М. В. Всеволодовой⁵⁰, является признаком грамматикализации ПЕ. Представляется, что многие словосочетания, начиная употребляться в функции предлога, в начале своего «предложного пути» имеют управление, наиболее эксплицитно отражающее денотативную роль присоединяемого актанта, например, (*сделать что-либо*) **на благо кому**⁵¹ (адресат), (*говорить*) **в глаза кому** (адресат), **в ансамбле с чем** (комитатив), **в компании с кем** (комитатив), **в компенсацию (кому) за что** (финитив) и т. п. Однако в процессе употребления синтаксические связи «выцветают», ослабевают, и на место семантически обусловленному употреблению приходит чисто формальная зависимость, на которую, как показал С. А. Лутин [Лутин 2007], изначально указывал родительный падеж: **на благо кого**, **в глаза кого**, **в ансамбле чего**, **в компании кого**, **в компенсацию (кому) чего** и т. п. Таким образом, появление у ПЕ морфосинтаксических вариантов (в приведенных примерах по падежу актанта) свидетельствует о потере ею части семантических и синтаксических связей, что, на наш взгляд, и является признаком грамматикализации.

Для изучаемых ПЕ можно говорить о наличии морфосинтаксических вариантов трех типов: вариативность по наличию/отсутствию первообразного предлога (в постпозиции), вариативность по падежу актанта и вариативность по числу предлоγοобразующего существительного.

1. ПЕ с вариативностью по наличию/отсутствию первообразного предлога в постпозиции:

- ✓ **на глазах у кого** | **на глазах кого**: *И, глядь, один из приятелей жениха через два-три дня уже подъезжает к ней весьма смело, на глазах у всего курса* [НКРЯ. А. Славовский. Гибель гитариста] | *А тут среди бела дня, на глазах писательской общественности!* [НКРЯ. В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру].

Отметим, что в подобных случаях соотносятся родительный приименной и у-локализатор [Арутюнова 1976], во многом специфичный для русского языка, что вполне системно для ПЕ: **за спиной кого** — **за спиной у кого**, **за плечами кого** — **за плечами у кого**, **в руках**

⁵⁰ «Морфосинтаксическая парадигма — это ряд синонимичных образований, различающихся: падежной формой припредложного слова, отсутствием/наличием экспликатов (первичные предлоги в постпозиции к базовому слову, семантически не значимые, но определяющие падежную форму актанта: например, **в цвет к чему**, **в цвет с чем**) или редупликатов (синонимичные предлоги, объединенные в одну ПЕ: например, **апартаменты вблизи у моря** — **апартаменты у моря**, **апартаменты вблизи моря**; **к вопросу о чем** — **к вопросу чего**, **о чем**) типа **в цвет чего/чему/к чему/с чем/под что**; падежной формой базового слова: **в интерес/в интересе клиента**, формой числа базового слова: **в интересе/в интересах клиента**. Такая парадигма характерна для уже предложженных единиц» [Всеволодова и др. 2013: 69].

⁵¹ Анализ языкового материала в НКРЯ показал, что в текстах, созданных до 1880 г., чаще употребляется вариант **на благо** + дат. п. (8 вхождений с дат. п. против 6 с род. п.), что говорит о первичности ПЕ **на благо** + дат. п. Однако в современном языке **на благо** + род. п. употребляется почти в 10 раз чаще, чем **на благо** + дат. п. (статистические подсчеты по всему объему текстов НКРЯ с исключением омонимичных форм (типа **на благо России**): **на благо** + род. п. — 551 вхождение, **на благо** + дат. п. — 66 вхождений) [Виноградова, Чекалина 2008]. О других примерах подобной вариативности ПЕ см. также [Виноградова, Чекалина 2006].

кого — **в руках у кого**, **в устах кого** — **в устах у кого** и т. д. Родительный приименной, как отмечено выше, изначально указывал на чисто формальную зависимость, что объясняет преобладание управления актантом в родительном падеже для большинства мотивированных предлогов. У-локализатор же позволяет менять коммуникативную перспективу высказывания:

*Один из приятелей жениха подъезжает к ней **на глазах у** всего курса — Один из приятелей жениха подъезжает к ней **у** всего курса **на глазах**; **На глазах у** всего курса один из приятелей жениха подъезжает к ней — **У** всего курса **на глазах** один из приятелей жениха подъезжает к ней весьма смело.*

Во многих языках здесь возможна только формальная зависимость (**на глазах кого**). Однако далеко не все рассматриваемые ПЕ имеют подобные морфосинтаксические варианты, ср.: ***в лице у** директора завода, ***в глазах у** матери (возможно только прямое значение — **в л и ц е у** директора завода появилось смущение, **в г л а з а х у** матери светилась любовь), ***от лица у** завода, ***перед лицом у** завода, ***в лицо, глаза у** завода, ***глазами у** завода.

2. ПЕ с вариативностью по падежу актанта:

- ✓ **в глаза₁** кому-чему | **кого-чего** (говорить): *Пожалуй, трудно поверить, чтоб кто-нибудь осмелился сказать такую дерзость **в глаза** народу в нескольких шагах от самого государя* [НКРЯ. И. Михайлов. Казанская старина] | *И это Я, этот грязный, худой, голодный раб, что задрал вверх свое тюремное лицо и хрипло орет **в равнодушные глаза** Судьбы* [НКРЯ. Л. Андреев. Дневник сатаны];
- ✓ **в глаза₂** кому-чему | **кого-чего** (смотреть): *Надо трезво смотреть **в глаза** событиям* [НКРЯ. В. Некрасов. В окопах Сталинграда] | *Люди, заглянувшие однажды **в глаза** войны, поистине знают цену миру* [НКРЯ. «Жизнь национальностей». 2003];
- ✓ **в лицо₁** кому-чему | **кого-чего** (говорить): *...как научились и парижский драматург..., и нищий шинкарь... кричать **в лицо** всему свету: я еврей!* [НКРЯ. В. Жаботинский. Четыре сына] | *Александр Васильевич... громко **в лицо** суда проговорил...* [НКРЯ. Н. Гейнце. В тине адвокатуры]⁵²;
- ✓ **в лицо₂** кому-чему | **кого-чего** (смотреть): *Надо иметь мужество смотреть прямо **в лицо** горькой истине* [НКРЯ. Л. Овруцкий. До и после] | *Твой страх мешает тебе заглянуть **в лицо** истины* [НКРЯ. В. Дурненков. Мир молится за меня].

3. ПЕ с вариативностью по числу предлогообразующего существительного (соматизма) (на основании данных по частотности (НКРЯ)⁵³ мы можем говорить лишь о зарождающейся тенденции, о возможном появлении морфосинтаксических вариантов в форме мн. ч.):

- ✓ **в лице** кого | **в лицах** кого: *В то самое время, когда Запад **в лице** России заключает мир с Востоком...* [НКРЯ. Д. Мережковский. Грядущий хам] | *Пять братьев Романовых... с сожалением взирали на уничтожение человечества **в лицах** первых сановников государства!* [НКРЯ. Ф. Булгарин. Димитрий Самозванец];
- ✓ **лицом к₁** кому-чему | **лицами к₁** кому-чему: *Но эти фантазии оставим сказочникам, а сами обернемся **лицами к** суровой правде* [НКРЯ. Б. Окуджава. Путешествие дилетантов] | *В излучине озера, у лестницы, возвышались черными очертаниями два каменные гиганта, сторожа тысячелетий, — сидели, обращенные **лицами к** созвездиям* [НКРЯ. А. Н. Толстой. Аэлита];
- ✓ **лицом к₂** кому | **лицами к₂** кому: *...сказал мэр во вчерашней телепередаче «**Лицом к городу**»* [НКРЯ. «Вечерняя Москва». 2002] | *Мужчины стоят **лицами к** реальности* (устн.);
- ✓ **от лица₁** кого | **от лиц₁** кого: *Мужественная усатая физиономия... улыбалась, по-свойски, по-товарищески, как раньше бы сказали — **от лица** поколения* [НКРЯ. В. Аксенов. Остров Крым] | *...эти положения были снова повторены и развиты **от лиц** оппозиции главою партии народной свободы П. Н. Милоковым* (Интернет);
- ✓ **перед лицом** кого | **перед лицами** кого: *Поэтому сейчас, **перед лицом** суда, хочу заявить: не считаю себя менее виновным* [НКРЯ. В. Тендряков. Суд] | *Драться не буду, торжественно обещаю **перед лицами** товарищей!* (Интернет).

⁵² Отметим, что подобные варианты часто неравнозначны по частотности употребления.

⁵³ Частотность членов морфосинтаксической парадигмы ПЕ: **в лице** кого (309) / **в лицах** кого (4), **от лица₁** кого (97) / **от лиц₁** кого (0), **перед лицом₁** кого (343) / **перед лицами** кого (0), **лицом к** кому (36) / **лицами к** кому (0).

2.5. Морфологическая специализация (по отношению к другим словам того же ряда)

Существительные в составе ПЕ обособляются от других слов с аналогичным категориальным значением, ср.: признаковые имена: *сила тока* — *мощность тока* — *в силу обстоятельств*, но не **в мощность обстоятельств*. Отметим, однако, что данный критерий сильно связан с избирательной сочетаемостью слов, поэтому, вероятно, не является универсальным. Анализ показал, что все рассматриваемые ПЕ можно охарактеризовать как имеющие грамматическую специализацию по отношению к другим существительным-соматизмам.

- ✓ *в глаза₁ кому-чему* (говорить) — *в лицо₁ кому-чему* (говорить) — *в лоб кому-чему* (говорить), но не (говорить) **в нос кому-чему*, **в рот кому-чему*, **в щеки кому-чему*, **в брови кому-чему* и т. д.;
- ✓ *в глаза₂ кому-чему* (смотреть) — *в лицо₂ кому-чему* (смотреть), но только в прямом значении *смотреть в нос кому-чему*, *в грудь кому-чему*, *в щеки кому-чему* и т. д.;
- ✓ *в лице кого-чего* — *в руках кого*, но только в прямых значениях употребляются *во рту кого-чего*, *в носу кого-чего*, *в физиономии кого-чего* и т. д.;
- ✓ *глазами кого-чего* — *устами кого-чего* — *руками кого-чего*, но только в прямом значении *ногами кого-чего*, *ушами кого-чего*, *очами кого-чего*, *ладонями кого-чего*, *губами кого-чего* и т. д.;
- ✓ *лицом к_{1,2} кому-чему* — *спиной к кому-чему*, но не **глазами к кому-чему*, **носом к кому-чему*, **грудью к кому-чему* (либо в прямом значении) и т. д.;
- ✓ *лицом к лицу с кем-чем* — *плечом к плечу с кем-чем* — *нос к носу с кем-чем*, но не **лбом ко лбу с кем-чем*, **глазами к глазам с кем-чем*, **грудью к груди с кем-чем* и т. д.;
- ✓ *на глазах у кого-чего* — *на руках у кого-чего*, но только прямое значение *на лице у кого-чего*, *на носу у кого-чего*, *на ногах у кого-чего*, *на ушах у кого-чего* и т. д.;
- ✓ *от лица₁ кого-чего* — *от рук кого-чего*, но только в прямом значении *от носа кого-чего*, *от лба кого-чего*, *от груди кого-чего* и т. д.;
- ✓ *перед лицом₁ кого-чего* ('в присутствии') — *перед носом кого-чего*, но только в прямом значении *перед руками кого-чего*, *перед грудью кого-чего*, *перед лбом кого-чего* и т. д.;
- ✓ *перед лицом₂ кого-чего* ('в условиях'), но только в прямом значении *перед руками кого-чего*, *перед грудью кого-чего*, *перед лбом кого-чего* и т. д.;
- ✓ *перед лицо₂ кого-чего*, но не **перед нос кого-чего*, **перед лоб кого-чего*, **перед глаза кого-чего* и т. д.;
- ✓ *с лица чего*, но только в прямом значении *с носа кого*, *с груди кого*, *со лба кого* и т. д.

Обобщим в таблице 2 данные по применению критериев грамматикализации к единицам с соматизмами *глаз* и *лицо*⁵⁴.

⁵⁴ В [Chekalina et al. 2014] было проведено сопоставительное исследование ПЕ с лексемами *глаз* и *лицо* и их эквивалентов в болгарском и украинском языках. Что касается ПЕ с лексемой *глаз*, было выявлено, что аналогами трех русских единиц с авторизационным значением *глазами* *кого-чего*, *в глазах* *кого-чего*, *на глазах (у) кого-чего* в украинском языке являются четыре единицы с таким же значением и подобным синтаксическим поведением: *очима* *кого-чего*, *в очах* *кого-чего*, *на очах у/в* *кого-чего*, *при очах (у/в)* *кого-чего*. В болгарском языке обнаружены две ПЕ: *през очите* и *в очите* *на*, неизоморфные, как оказалось, русским эквивалентам. ПЕ *в глаза_{1,2} кому* обнаружены только в украинском и русском языках. К особенностям украинских ПЕ относятся возможность употребления в форме ед. ч. (*в око кому*, *на око кому*), наличие фонетических вариантов для формы мн. ч. (*в очі / у вічі кому*) и управление именем в дательном падеже. В болгарском языке эти ПЕ не имеют эквивалентов с соматизмом *глаз*.

Для лексемы *лицо* обнаружены эквивалентные ПЕ во всех трех рассматриваемых языках: *в лицо_{1,2} кого-чего / кому-чему*, *в лице* *кого-чего*, *лицом к_{1,2} кому-чему*, *перед лицом_{1,2} кого-чего*. Только русско-украинские соответствия имеются для единиц *перед лицо* *кого-чего*, *с лицом* *кого-чего*, *с лицом* *кого-чего* — *с лицами* *кого-чего*; украинским эквивалентом ПЕ *от лица₁ кого* является ПЕ с другой лексемой. Наконец, не имеют предложных аналогов в болгарском и украинском языках русские (*не*) *к лицу_{1,2} кому что (делать)*.

Таблица 2

Характеристика ПЕ на основании операциональных критериев

	ПЕ	Тип синтаксемы	Метафоризация	Невозможность при- соединения опреде- ления	Наличие морфо- синтаксических вари- антов	Морфологическая специализация
1	<i>в глаза₁ кому-чему (говорить)</i>	связ.	+	–	+	+
2	<i>в глаза₂ кому-чему (смотреть)</i>	связ.	+	–	+	+
3	<i>в глаза₃ кому что (бросается)</i>	обусл.	0	0	0	0
4	<i>в глазах кого</i> (пропозиция)	обусл.	0	0	0	0
5	<i>в лице кого-чего</i>	своб.	+	–	?	+
6	<i>в лицо₂ чему (смотреть)</i>	связ.	+	–	+	+
7	<i>в лицо₁ кому-чему (говорить)</i>	связ.	+	–	+	+
8	<i>глазами кого</i>	своб.	+	–	–	+
9	<i>глазом кого</i>	своб.	–	0	0	0
10	<i>(не) к лицу₁ кому что</i>	обусл.	0	0	0	0
11	<i>(не) к лицу₂ кому что (делать)</i>	обусл.	0	0	0	0
12	<i>лицом к₁ кому-чему (директив)</i>	связ.	+	–	?	+
13	<i>лицом к₂ кому-чему (локатив)</i>	своб.	+	+	?	+
14	<i>лицом к лицу с кем-чем</i>	своб.	+	+	–	+
15	<i>на глаза₁ кому что (попалось)</i>	обусл.	0	0	0	0
16	<i>на глаза₂ кому кто (показался)</i>	обусл.	0	0	0	0
17	<i>на глазах у кого</i>	своб.	+	+	+	+
18	<i>на лице чего</i>	своб.	фр.	0	0	0
19	<i>на лицо чего</i>	связ.	фр.	0	0	0
20	<i>от лица₁ кого-чего</i>	своб.	+	+	?	+
21	<i>от лица₂ чего</i>	связ.	фр.	0	0	0
22	<i>перед лицом₁ кого-чего</i> (‘в присутствии’)	своб.	+/-	–	?	+
23	<i>перед лицом₂ кого-чего</i> (‘в условиях’)	своб.	+	–	–	+
24	<i>перед лицо кого-чего</i>	своб.	+/-	?	–	+
25	<i>по лицу чего</i>	своб.	фр.	0	0	0
26	<i>с лица чего</i>	связ.	+	–	–	+
27	<i>с лицом кого</i>	своб.	–	0	0	0

Серая заливка используется для наглядного выделения единиц, отнесенных в результате анализа к предложным.

«0» помечаются единицы, исключенные из поля рассмотрения на том или ином этапе.

Знаком «?» отмечены спорные случаи.

Знаком «+/-» обозначается средняя степень метафоризации.

Сокращением «фр.» обозначаются случаи сильной фразеологизации, при которых ПЕ имеет связанную (очень узкую) сочетаемость.

Заключение

Итак, в результате анализа из 27 единиц, «претендующих» на вхождение в функционально-грамматическое поле предлога, 12 были исключены на основании «диагностики», проведенной при помощи операциональных критериев:

а) шесть как формирующие обусловленные синтаксемы: **в глаза₃ кому что (бросается), в глазах кого** (пропозиция), **(не) к лицу_{1,2} кому что (делать), на глаза₁ кому что (попалось), на глаза₂ кому кто (показался)**;

б) два как неметафоризированные: **глазом кого, с лицом кого**;

в) четыре как фразеологизированные: **на лице чего, на лицо чего, по лицу чего, от лица₂ чего**.

Пятнадцать ПЕ сильно грамматикализованы и могут быть отнесены к приядерной зоне функционально-грамматического поля предлога. Более грамматикализованными на основании проведенного анализа можно считать ПЕ **лицом к₂ кому-чему** (локатив), **лицом к лицу с кем-чем, на глазах у кого-чего, от лица₁ кого-чего**, чуть меньшей степенью грамматикализации обладают **в глаза_{1,2} кому-чему, в лице кого-чего, в лицо_{1,2} кому-чему, глазами кого-чего, лицом к₁ кому-чего** (директив), **перед лицом_{1,2} кого-чего, с лица чего**, наконец, менее всего определжилась ПЕ **перед лицо кого-чего**.

На наш взгляд, уместно поставить вопрос о включении данных единиц в лексикографическую практику, в частности, в словари и лексические минимумы в виде отдельных статей с атрибуцией, в связи с тем что их адекватная интерпретация возможна только в качестве ПЕ. При этом необходимо дать характеристику ПЕ по целому ряду показателей, демонстрирующих особенности их синтаксического поведения по сравнению с соответствующими существительными. Во [Всеголова и др. 2013] выработана атрибуция предлога, состоящая из 15 пунктов, среди которых морфологическая форма присоединяемого слова, стилистическая характеристика, просодические и фонетические характеристики, варианты, статус единицы, морфосинтаксический тип единицы, тип синтаксемы, позиции синтаксемы, парадигматика (в том числе сочетаемость с анафорическими местоимениями, способность сочетаться с 0-формой имени актанта, адъективация имени актанта), синонимы, антонимы, способность к образованию союзных средств, употребление в разного рода паремиях и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. [Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow: Nauka, 1976.]
- БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М.; Л., 1950—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tt.* [A dictionary of Modern Standard Russian in 17 vol.]. Moscow; Leningrad, 1950—1965.]
- Бабкин 2009 — Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. М.: Либроком, 2009. [Babkin A. M. *Russkaya frazeologiya, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology, its development and sources]. Moscow: Librokom, 2009.]
- Бородай 2013 — Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17—54. [Borodai S. Yu. The problem of linguistic relativity today: Studies in spatial conceptualization. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 4. Pp. 17—54.]
- Виноградова 2012 — Виноградова Е. Н. Грамматикализация в процессе понимания и порождения связанной речи (на примере предложных единиц) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы III Конгресса Российского общества преподавателей русского языка

- и литературы. Т. I. СПб.: Изд. дом «МИРС», 2012. С. 62—65. [Vinogradova E. N. Grammaticalization in the process of understanding and production of coherent speech (a case study of prepositional units). *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. Materialy III Kongressa Rossiiskogo obshchestva prepodavatelei russkogo yazyka i literatury*. Vol. I. St. Petersburg: MIRS Publ. House, 2012. Pp. 62—65.]
- Виноградова 2013 — Виноградова Е. Н. Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. №4. С. 138—163. [Vinogradova E. N. Motivated prepositions and equivalents of prepositions: Ways of grammaticalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2013. No. 4. Pp. 138—163.]
- Виноградова 2014 — Виноградова Е. Н. Фразеологизация как механизм предложивания (в зеркале других славянских языков) // *Frazeologia a przeklad*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2014. С. 367—375. [Vinogradova E. N. Phraseologization as a mechanism of transformation into prepositions (compared with other Slavic languages). *Frazeologia a przeklad*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2014. Pp. 367—375.]
- Виноградова, Чекалина 2006 — Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Статья 2: Синонимия и антонимия предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2. С. 18—37. [Vinogradova E. N., Chekalina V. L. Grammar of the Russian preposition revisited. Article 2: Synonymy and antonymy of prepositional units. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2006. No. 2. Pp. 18—37.]
- Виноградова, Чекалина 2008 — Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. **На благо всех или на благо всем?** // А. Загнітко (наук. ред.). 36. наук. праць: Лінгвістичні студії: Вип. 16. Донецьк: ДонНУ, 2008. С. 51—55. [Vinogradova E. N., Chekalina V. L. **Na blago vseh or na blago всем?** *Zb. nauk. prac': Lingvistichni studii'*. Zagnitko A. (ed.). No. 16. Donetsk: Donetsk National Univ., 2008. Pp. 51—55.]
- Виноградова, Чекалина 2013 — Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. **Такие разные глаза...** Предложные единицы, включающие лексему **глаз/глаза** (зарисовки на материале славянских языков) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 47. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 103—123. [Vinogradova E. N., Chekalina V. L. **Takie raznye glaza...** Prepositional units including the word **glaz/glaza** 'eye/eyes' (sketches on the basis of Slavic languages). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. No. 47. Moscow: MAKSS Press, 2013. Pp. 103—123.]
- Всеволодова 2011 — Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103—136. [Vsevolodova M. V. Revisiting operational methods of prepositional units categorization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2011. No. 3. Pp. 103—136.]
- Всеволодова 2012 — Всеволодова М. В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 5. С. 30—78. [Vsevolodova M. V. A system of morphosyntactic types of Russian prepositions. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2012. No. 5. Pp. 30—78.]
- Всеволодова и др. 2013 — Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М.: Изд-во «Едиториал УРСС», 2013. [Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits* [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional grammatic description of real usage: Introduction to fact-based grammar and lexicography of Russian prepositional units]. Book 1. Moscow: Editorial URSS, 2013.]
- Всеволодова и др. (в печати) — Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц (объективная грамматика). Кн. 2: А — В РЯДАХ (кого-чего). Кн. 3: В РЯДУ (кого-чего) — ВЫШИНЫ (сколько). М.: Изд-во «Едиториал УРСС» (в печати). [Vsevolodova M. V., Vinogradova E. N., Chaplygina T. E. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiyu real'nogo upotrebleniya: Reestr russkikh predlozhnykh edinits (ob'ektivnaya grammatika)* [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional grammatic description of real usage: An inventory of Russian prepositional units (fact-based grammar)]. Book 2: A — V RYADAKh (kogo-chego). Book 3: V RYADU (kogo-chego) — VYShINY (skol'ko). Moscow: Editorial URSS (in print).]
- Гак 1965 — Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов.

- М.; Л.: Наука, 1965. С. 31—90. [Gak V. G. Desemanticization of the linguistic sign in analytical structures of syntax. *Analiticheskie konstruktii v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M., Sunik O. P. (eds). Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 31—90.]
- Гудков, Ковшова 2007 — Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. [Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu* [Bodily code of Russian culture: Materials for dictionary]. Moscow: Gnozis, 2007.]
- Жирмунский 1965 — Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Жирмунский В. М., Суник О. П. (ред.). Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 5—57. [Zhirmunskii V. M. On analytical structures. *Analiticheskie konstruktii v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M., Sunik O. P. (eds). Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 5—57.]
- Зализняк 2001 — Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25. [Zaliznjak Anna A. Semantic derivation in synchrony and diachrony: a project of «The Catalogue of semantic shifts». *Voprosy jazykoznanija*. 2001. No. 2. Pp. 13—25.]
- Золотова 1982 — Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. [Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Канюшкевич 2008—2010 — Канюшкевич М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 частках. Гродна, 2008—2010. [Kanushkevich M. I. *Belaruskija pryznawniki i ih analagu. Gramatyka rjeal'naga wzhyvannja. Matjeryjaly da slownika. U 3 chastkah* [Belorussian prepositions and their equivalents. Real usage grammar. Materials for a dictionary. In 3 parts]. Grodno, 2008—2010.]
- Канюшкевич 2010 — Канюшкевич М. І. Соматизмы в функции предлога (К вопросу о границах категории персональности) // А. Загнітко (наук. ред.). 36. наук. праць: Лінгвістичні студії. Вип. 20. Донецьк: Изд-во ДонНУ, 2010. С. 79—86. [Kanyushkevich M. I. Somatisms in the function of prepositions (On the scope of the category of personality). *Zb. nauk. prac': Lingvistychni studii'*. Zagnitko A. (ed.). No. 20. Donetsk: Donetsk National Univ., 2010. Pp. 79—86.]
- Лутин 2007 — Лутин С. А. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М.: Рос. университет дружбы народов, 2007. [Lutin S. A. *Russkii genitiv v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Russian Genitive in the functional semantic aspect]. Moscow: People's Friendship Univ. of Russia, 2007.]
- Майсак 2000 — Майсак Т. А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1. С. 10—32. [Maisak T. A. Grammaticalization of verbs of movement: An essay in typology. *Voprosy jazykoznanija*. 2000. No. 1. Pp. 10—32.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [A typology of grammaticalization of patterns with verbs of movement and verbs of position]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. Евгеньевой А. П. М., 1981—1984. [*Slovar' russkogo yazyka: V 4 tt.* [A dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Evgen'eva A. P. (ed.). Moscow, 1981—1984.]
- Мухин 1961 — Мухин А. М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица // Филологические науки. 1961. №3. С. 53—66. [Mukhin A. M. Syntaxeme as a functional syntactic unit. *Filologicheskie nauki*. 1961. No. 3. Pp. 53—66.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Панков 2009 — Панков Ф. И. Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12—19. [Pankov F. I. Russian adverbs in their correlation with Russian prepositions. *Mir russkogo slova*. 2009. No. 1. Pp. 12—19.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Грамматикализация // Электронная энциклопедия «Кругосвет» (www.krugosvet.ru), 2001. [Plungian V. A. Grammaticalization. *Elektronnaya entsiklopediya «Krugosvet»* (www.krugosvet.ru), 2001.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities. 2011.]

- Подлесская, Рахилина 2000 — Подлесская В. И., Рахилина Е. В. «Лицом к лицу» // Логический анализ языка: Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 98—107. [Podlesskaya V. I., Rakhilina E. V. «Litsom k litsu» 'Face to face'. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki prostranstv*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 98—107.]
- Попова 2014 — Попова З. Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. [Popova Z. D. *Predlozhno-padezhnye formy i oboroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniyakh (sintaksicheskie otnosheniya i funktsii)* [Prepositional case forms and phrases with derivative prepositions in Russian utterances (syntactic relations and functions). Voronezh: Voronezh State Univ. Publ. House, 2014.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. [*Russkaya grammatika: V 2 t.* [Russian grammar: In 2 vol.]. Vol. I. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980.]
- Резникова 2003 — Резникова Т. И. Грамматикализация конструкций с глаголом «делать» (Типология и семантика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. [Reznikova T. I. *Grammatikalizatsiya konstruktssii s glagolom «delat'» (Tipologiya i semantika)*. Avtoref. kand. diss. [Grammaticalization of patterns with the verb "to do" (Typology and semantics). Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 2003.]
- СОИШ 1992 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1992.]
- Тихомирова 1972 — Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. [Tikhomirova T. S. *Protsessy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom yazyke*. Avtoref. kand. diss. [Adverbialization of the Instrumental non-prepositional case forms in Polish. Author's abstract of the cand. diss.]. Moscow, 1972.]
- Українські прийменники 2003 — Українські прийменники: Синхронія і діяхронія: пробний зошит / За ред. Загнітка А. П. Донецьк: ДонНУ, 2003. [*Ukrai'ns'ki pryjmennyky: Synhronija i diahronija: probnyj zoshyt* [Ukrainian prepositions: Synchrony and diachrony: a trial edition]. Zagnitko A. P. (ed.). Donetsk: Donetsk National Univ., 2003.]
- Черкасова 1967 — Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. [Cherkasova E. T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transformation of autonomous words to prepositions]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Шереметьева 2008 — Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. [Sheremet'eva E. S. *Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Denominative relatives in Modern Russian. Semantic-syntactic essays. Vladivostok: Far Eastern Univ. Publ., 2008.]
- Шиганова 2001 — Шиганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2001. [Shiganova G. A. *Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. dokt. diss. [A system of lexical and phraseological prepositions in Russian. Author's abstract of the doct. diss.]. Chelyabinsk, 2001.]
- Brockelmann 1908—1913 — Brockelmann C. *Grundriß der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen*. Bds 1—2. Berlin: Reuters and Reichard, 1908—1913.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Campbell, Janda 2001 — Campbell L., Janda R. Introduction: Conceptions of grammaticalization and their problems. *Language sciences*. 2001. Vol. 23. No. 2—3. Pp. 93—112.
- Chekalina et al. 2014 — Chekalina V., Sytar H., Vinogradova E. Facing the prepositions (Prepositional units in the Russian, Bulgarian and Ukrainian languages). *Linguistic studies: International collection of scientific papers*. Vol. 29. Zagnitko A. P. (ed.). Donetsk: DonNU, 2014. Pp. 100—108.
- Clark 1979 — Clark M. Coverbs: Evidence for the derivation of prepositions from verbs — new evidence from Hmong. *Working papers in linguistics* (Hawaii). 1979. Vol. 11. No. 2. Pp. 1—11.
- DeLancey 2005 — DeLancey S. Adposition as a non-universal category. *Linguistic diversity and language theories*. Frajzyngier Z., Hodges A., Rood D. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 185—202.
- Givón 1971 — Givón T. Historical syntax and synchronic morphology: An archeologist's field trip. *Papers from the 7th Meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago: Univ. of Chicago, 1971. Pp. 394—415.

- Hallan 2001 — Hallan N. Paths to prepositions? A corpus-based study of the acquisition of a lexico-grammatical category. *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Bybee J., Hopper P. J. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Pp. 91—120.
- Heine 2008 — Heine B. Grammaticalization of cases. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 458—469.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002 (Kindle edition).
- Heine et al. 1991a — Heine B., Claudi U., Hünemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual frame work*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
- Heine et al. 1991b — B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. From cognition to grammar – evidence from African languages. *Approaches to grammaticalization*. E. Traugott, B. Heine (eds). Vol. 1. (Typological studies in language 19) Amsterdam: John Benjamins, 1991. Pp. 149—187.
- Hollenbach 1995 — Hollenbach B. Semantic and syntactic extensions of body-part terms in Mixtecan: The case of ‘face’ and ‘foot’. *International journal of American linguistics*. 1995. Vol. 61. No. 2. Pp. 168—190.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization* (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003 (Kindle edition).
- König 2011 — König C. The grammaticalization of adpositions and case marking. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Narrog H., Heine B. (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011. Available at: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199586783.001.0001/oxfordhb-9780199586783-e-41>.
- König, Kortmann 1991 — König E., Kortmann B. On the reanalysis of verbs as prepositions. *Approaches to prepositions*. Rauh G. (ed.). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1991. Pp. 109—125. (Tübinger Beiträge zur Linguistik. Bd 358.)
- Kortmann, König 1992 — Kortmann B., König E. Categorical reanalyses: the case of deverbal prepositions. *Linguistics*. 1992. Vol. 30. Pp. 671—697.
- Kurilowicz 1965 — Kurilowicz J. The evolution of grammatical categories. *Diogenes*. 1965. Vol. 51. Pp. 55—71.
- Lehmann 1985 — Lehmann C. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change. *Lingua e Stile*. 1985. Vol. 20. Pp. 303—318.
- Lehmann 1995 — Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch*. München: LINCOM Europa, 1995.
- Lehmann 2002 — Lehmann C. German abstract prepositional phrases. *Clause combining and text structure*. Korzen J., Herslund M. (eds). Frederiksberg: Samfundslitteratur, 2002. Pp. 87—106.
- Lehmann 2011 — Lehmann C. Grammaticalization of Semitic case relators. *Aula Orientalis*. 2011. Vol. 29. Pp. 5—183.
- de Leon 1992 — de Leon L. Body parts and location in Tzotzil: Ongoing grammaticalization. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1992. Bd 45. No. 6. Pp. 570—589.
- Levinson 2003 — Levinson S. C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Narrog, Heine 2011 — Narrog H., Heine B. (eds). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Rauh 1991 — Rauh G. (ed.). *Approaches to prepositions*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1991. (Tübinger Beiträge zur Linguistik. Bd 358.)
- Svorou 1994 — Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Steiner 2010 — Steiner T. *Expanding the definition of grammaticalization*. Hamburg: GRIN Verlag, 2010.
- Traugott, Heine 1991 — Traugott E., Heine B. (eds). *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1—2. (Typological studies in language. 19.) Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Vinogradova 2014 — Vinogradova E. The grammaticalization paths (New prepositions in Russian language). *Linguistic studies: International collection of scientific papers*. Vol. 29. Zagnitko A. P. (ed.). Donetsk: DonNU, 2014. Pp. 50—56.

Статья поступила в редакцию 13.11.2014.

МОКШАНСКИЙ РЕЗУЛЬТАТИВ И ДИАХРОНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ*

© 2016 г. Алексей Андреевич Козлов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация;
Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация
scripturas@mail.ru

Статья посвящена синтаксису и семантике результативного причастия с показателем *-f* в мокшанском языке. Это причастие может выступать как в собственно результативной конструкции, согласуясь по лицу и числу с подлежащим, так и возглавлять имперсональные клаузы. В первом случае причастие образуется от предельных пассивных предикатов (некоторым образом «навязывая» остальным предикатам требуемые характеристики), а во втором, наоборот, требует неопределенных предикатов с одушевленным субъектом. Кроме этого, описывается различие в семантике частиц *apak* и *af*, обе из которых могут использоваться для отрицания результативного причастия. Для наблюдаемых фактов предлагается диахроническое объяснение в терминах грамматики конструкций.

Ключевые слова: грамматика конструкций, имперсонал, мокшанский язык, морфосинтаксис, перфект, результатив

MOKSHA MORDVIN RESULTATIVE AND THE DIACHRONY OF RESULTATIVE CONSTRUCTIONS

Alexey A. Kozlov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation
scripturas@mail.ru

The article focuses on the syntax and semantics of Moksha Mordvin resultative participle in *-f*. The participle can either be used in a bona fide resultative construction, agreeing in person and number with the subject, or head an impersonal clause. In the first case, the participle is formed from telic patientive predicates (in a way imposing prototypically resultative semantics on other kinds of predicates), while in the second case it demands that the predicate be atelic and its subject be animate. Besides, the difference between two particles *apak* and *af*, both of which can be used to negate the participle, is considered. For the facts observed a diachronical explanation in terms of Construction Grammar is given.

Keywords: construction grammar, impersonal, Moksha, Mordvin, morphosyntax, perfect, resultative

1. Введение

Как известно, в некоторых языках Восточной Европы результативные причастия могут терять свои исходные свойства.

* Настоящее исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а «Исследование морфосинтаксических параметров межязыкового варьирования в уральских и алтайских языках». Кроме того, при написании статьи автору очень помогли замечания П. М. Аркадьева, Д. Д. Дундуа, Т. А. Майсака и М. А. Холодиловой.

В терминах [Haspelmath 1994] прототипическое восточноевропейское результативное причастие ориентировано на объект, т. е. чаще всего в атрибутивной позиции оно релятивизует прямое дополнение, а в предикативной повышает его же в позицию подлежащего. Обозначает оно результат предельного процесса — определенное, лексикографически заданное состояние:

- польский
- (1) *Koza jest przywiązana* — коза COP.3SG привязать-PTCP-SG.F
'Коза привязана'.
- (2) *Przywiązana koza beczy* — привязать-PTCP-SG.F коза блять.PR.3SG
'Привязанная коза блеет'.

Но в некоторых языках, например в польском или эстонском, результативные причастия претерпевают очень похожие друг на друга диахронические изменения. Показатель результативного причастия может начать расширять сочетаемость, начав присоединяться к неопределённым или к непереходным глаголам. Потом утрачивается согласование причастия с подлежащим по роду и числу, исходное прямое дополнение становится возможным не повышать в позицию подлежащего и т. д. Диахронически производные конструкции такого рода представлены в примерах (3)—(5) из польского и латышского языков, а также из одного севернорусского диалекта: в отличие от примеров (1)—(2), в них нет ни повышения прямого дополнения, ни согласования.

- польский
- (3) *bi-t-o piotr-a* [Seržant 2011: 363]¹
бить-PR-SG.INVAR Пётр:M.ACC
'Петра побили'.
- латышский
- (4) *nereti dzirdēts vecākus sākam* <...> [Ibid.]
нередко слышать:PR.M.SG.NOM родитель:ACC.PL сказать:CONV
'Часто слышишь, как родители говорят, что...'
- СЕВЕРНОРУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ
- (5) *zdes' verno u dožž'a byto* [Ibid.]
'Здесь наверняка был дождь'.

Такой путь диахронического развития довольно хорошо описан и изучен; утверждается, что это одна из многочисленных ареальных особенностей «циркумбалтийского» языкового ареала: похожие явления отмечены в украинском, польском, литовском [Wiemer 2004; Geniušene 2006], эстонском, водском, карельском [Holvoet 2002], в севернорусских диалектах [Tommola 2000], в немецком [Perlmutter 1978] и др.

В этой статье мы намерены описать похожее поведение результативного причастия еще в одном языке, а именно мокшанском. Он принадлежит к мордовской подгруппе финно-угорской группы языков; количество носителей — около 450 тысяч человек на северо-западе Республики Мордовии. Следует отметить, что, в отличие от родственных прибалтийско-финских, мордовские языки (мокшанский и близкородственный эрзянский) никогда не относят к циркумбалтийскому ареалу.

Материал нашего исследования составляют данные центрального диалекта мокшанского языка; они были собраны в экспедициях отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2013—2014 гг. в селах Лесные Сияли, Лесное Ардашево, Лесное Цибаво и Лесное Плуково Темниковского района Республики Мордовии. Каждый

¹ Мы приводим примеры (3)—(5) в том виде, в котором они даны в [Seržant 2011], переводя строку глосс и строку перевода с английского на русский.

из языковых примеров, которые мы приводим в качестве аргументов, был подтвержден (а в случае отрицательного материала — признан неприемлемым) пятью или шестью носителями.

Наша статья устроена следующим образом. В разделе 2 мы кратко опишем те аспекты грамматики мокшанского языка, которые будут важны нам далее, прежде всего систему глагольных категорий и маркирование неглагольной предикации. В разделе 3 мы обратимся собственно к интересующему нас причастию: оно образует две основные конструкции, которые мы условно называем результивной и имперсональной. Разделы 3.1.1 и 3.1.2 посвящены результивной конструкции: в первом из них мы рассмотрим некоторые ее морфосинтаксические свойства, во втором — ее аспектуальную семантику. В разделе 3.2 мы опишем поведение результивного причастия в имперсональной конструкции, а в разделе 4 подведем краткие итоги.

2. Краткие сведения о мокшанской грамматике

2.1. О мокшанской аспектуальной системе

Система видо-временных категорий мокшанского языка выглядит крайне аскетично.

В нем есть три времени — настоящее (которое может также иметь референцию к будущему), прошедшее, а также малочастотный плюсквамперфект, основная функция которого — обозначение так называемого «прекращенного прошлого» [Plungian, van der Auwera 2006].

Большинство непроеизводных мокшанских глаголов не маркированы по виду, т. е. допускают и перфективную, и имперфективную интерпретации:

- (6) *baba-z'ə* *pid'ə-s'* *l'em* *kaftə* *časctə*
бабушка-POSS.1PL варить-PST.3SG суп два час:EL
'Бабушка **сварила** суп за два часа'.
- (7) *məz'ardə* *mon* *suva-n'* *baba-z'ə* *pid'ə-s'* *l'em*
когда я войти-PST.1SG бабушка-POSS.1PL варить-PST.3SG суп
'Когда я пришел, бабушка **варила** суп'.

Такой аскетизм системы словоизменения восполняется, впрочем, большим количеством словообразовательных аспектуальных категорий.

Наиболее регулярной из них является имперфектив, который выражается с помощью морфологически распределенных аффиксов *-n'ə-*, *-s'ə-*, *-nd-*, *-kšn'ə*. Имперфектив имеет крайне широкий спектр значений; в основном это разного рода глагольная множественность, в частности, в нормальном случае показатель имперфектива обязателен в хабитуальных контекстах. В примере (8) мы видим настоящее время от имперфективного деривата; опустить показатель имперфектива в этом контексте невозможно:

- (8) *vas'ε* *ban'ε-t'* *uš-n'ə-si* / **ušci*
Вася баня-DEF.GEN топить-IPFV-NPST.3SG.S.3SG.O топить:NPST.3SG.S.3SG.O
aŋ *jotkši-va* *a* *n'ed'al'εši-va*
NEG суббота-PROL а воскресенье-PROL
'Вася **топит** баню не по субботам, а по воскресеньям'.

Однако глагольной множественностью значения имперфектива не ограничиваются. Кроме этого, он — конечно, только в прошедшем времени — имеет общефактическое значение ('хотя бы один раз в прошлом имело место P'):

- (9) *mon* *šobdava* *suv-s'ə-n'* *pe'l'-əzə-nzə*
я утро зайти-IPFV-PST.1SG у-ILL-3SG.POSS
'Я утром **заходил** к нему'.

Кроме имперфектива, мокшанская система аспектуальной деривации располагает показателями инхотатива, семейфактива и т. д.

Из других глагольных показателей необходимо упомянуть суффиксальный пассив на *-əv-*, который сочетается абсолютно со всеми глагольными лексемами. При переходных глаголах показатель *-əv-* регулярно выступает в качестве маркера пассивного залога (см. (10); в отдельных случаях также декаузатива или рефлексива); с непереходными глаголами он имеет довольно причудливый спектр значений, например возможности (11) или сатуративное (12) (подробнее о семантике этого показателя см. [Стенин 2013], отсюда же три следующих ниже примера):

- (10) *pakrov-s' luv-ənd-əv-i fs'eras'ijскеj praz'n'ik-əks*
 Покров-DEF.SG считать-IPFV-PASS-NPST.3SG всероссийский праздник-TRANSL
 'Покров **считается** всероссийским праздником'.
- (11) *da mon af uja-v-an*
 да я NEG плыть-PASS-NPST.1SG
 'Да я **не смогу проплыть!**'
- (12) *jaɣsa-v-ən' l'em-də*
 есть-PASS-PST.1SG суп-ABL
 'Я **наелся** супа'².

2.2. Правила маркирования прямого объекта

Вторая особенность мокшанской грамматики, важная для последующего изложения, — правила маркирования прямого объекта.

Мокшанское имя изменяется не только по падежу и числу, но и по определенности (в некоторых случаях последняя может выражаться кумулятивно с граммемой падежа); кроме этого, оно может присоединять посессивные показатели. Правда, противопоставление по числу и определенности есть только в трех падежах из 15 — номинативе, генитиве и дативе. Специализированного падежа для маркирования прямого дополнения (как и в родственных эрзянском и прибалтийско-финских языках) нет вообще.

Прямое дополнение в общем случае кодируется двумя способами: неопределенным номинативом и определенным генитивом. Выбор падежа зависит от референциального статуса именной группы³:

- (13) *mon rama-n' kši*
 я купить-PST.3SG хлеб
 'Я купил хлеба'.
- (14) *mon rama-jn'ə t'ε kši-t'*
 я купить-PST.3o.1sg.s. этот хлеб-DEF.GEN
 'Я купил этот хлеб'.

Из примера (14) видно, что если прямое дополнение оформляется определенным генитивом, то глагол принимает показатели субъектно-объектного спряжения, согласуясь по лицу и числу не только с подлежащим, но и с прямым дополнением. Соответствие между оформлением именной группы и типом спряжения глагола жесткое: предложения вроде **Mon raman' kšit'* (с генитивом и субъектным спряжением) или **Mon ramajn'ə kši* (с субъектно-объектным спряжением при номинативе) неграмматичны.

Эта довольно стройная система осложняется еще одной особенностью. Если предикат, во-первых, инкрементальный (типа *pil'əndams* 'пилить, распиливать' или *ažəndams* 'рассказывать, рассказать'), а во-вторых, имеет неопределенное прочтение ('попилил' / 'пилит' и т. п.), то генитив определенного склонения на прямом дополнении становится невозможен.

² Здесь употреблен непереходный глагол *jaɣcams* 'есть', маркирующий пациенса аблативом.

³ Во многом сходная ситуация описана в [Сердобольская, Толдова 2012] для шокшинского эрзянского.

В таком случае определенное прямое дополнение выражается послеложной группой с локативным послелогом *esə* ‘в’ (который, в свою очередь, управляет генитивом), а глагол согласуется по лицу и числу только с подлежащим.

Пример (15) иллюстрирует исходное, локативное употребление послелога *esə*, а (16) и (17) — его употребление в качестве маркера прямого дополнения:

- (15) *mon er'-s'ə-n' s'embə oš-n'ə-n' esə*
я жить-IPFV-PST.1SG каждый город-PL.DEF-GEN в:IN
‘Я во всех городах жил’.
- (16) *t'ε žočk-t' esə mon pil'ənd-an kaftə časctə n'i*
этот бревно-DEF.GEN в:IN я пилить-NPST.1SG два час:EL уже
‘Это бревно я пило уже два часа’.
- (17) *t'ε basn'ε-t' esə vas'ε az-ənd-i n'i pek kuvat'*
этот басня-DEF.GEN в:IN Вася говорить-IPFV-NPST.3SG уже очень долго
‘Эту басню Вася рассказывает уже очень долго’.

Следует отметить, что *esə* обязателен для оформления прямого дополнения только при эпизодической интерпретации предиката. Во всех других имперфективных контекстах, например в хабитуальных, объект может быть маркирован генитивом:

- (18) *kaza-t' an'-n'ə-si an'c'ək t'ed'ε-z'ə*
коза-DEF.GEN кормить-IPFV-NPST.3SG.S.3SG.O только мама-POSS.1SG
‘Козу кормит только мама’.

Мокшанский — язык с *pro-drop*’ом, не только субъектным, но и — в клаузах с формами субъектно-объектного спряжения — объектным. Опущенный субъект третьего лица множественного числа может интерпретироваться в том числе и имперсонально:

- (19) *škola-n'əkə-n' s'olg-əz'*
школа-POSS.1PL-GEN закрыть-PST.3.O.3PL.S
‘У нас школу закрыли’.

Другой способ имперсонализации — нефинитный — будет подробно обсуждаться в разделе 3.2.

2.3. Маркирование неглагольной предикации

Последнее явление, которое необходимо обсудить, прежде чем мы перейдем к описанию результативных причастий, — это маркирование неглагольной предикации.

«Сказуемое изменение имен» в эрзянском и мокшанском неоднократно обсуждалось в литературе, посвященной этим языкам, см. [Коляденков, Заводова 1962; Turunen 2006; 2010; Цыпкайкина 2007; Kholodilova 2015]. Прилагательные, существительные (и в именительном, и в некоторых косвенных падежах) и послеложные группы в предикативной позиции могут (а чаще всего и должны) принимать некоторые «глагольные» флексии.

Во-первых, они согласуются с подлежащим по числу:

- (20) *t'ε kn'iga-t-n'ə polka-sə-t*
этот книга-PL-DEF полка-IN-PL
‘Эти книги на полке’.

Во-вторых, при первом или втором лице субъекта они принимают глагольные лично-числовые показатели:

- (21) *mon daša-s'-an*
я Даша-DEF-1SG
‘Я — та самая Даша’.

В-третьих, при референции к прошедшему времени к ним присоединяется суффиксальная копула прошедшего времени *-əl'*- (формально идентичная глагольному показателю плюсквамперфекта):

- (22) *vel'ə-n'əkə min' pek oc'uv-əl'*
 деревня-1PL.POSS мы.OBL очень большой.OBL-PQP
 'Деревня у нас была очень большая'.

Естественно, в предикативной позиции могут употребляться и причастия. Мокшанский язык располагает двумя причастиями: активным причастием несовершенного вида на *-i/-j* и результативным на *-f*, которые так или иначе могут быть образованы от любой глагольной основы.

Замечателен тот факт, что имперфективное причастие на *-i/-j* омонимично формам третьего лица настоящего времени:

- (23) *s'ε mora-j loman'-c' suva-s'*
 тот петь-PTCP.ACT человек.DEF войти-PST.3SG
 'Тот **поющий** человек вошел'.

- (24) *s'ε loman'-c' mora-j*
 тот человек.DEF петь-NPST.3SG
 'Тот человек **поет**'.

- (25) *s'ε lomat'-t'-n'ə mora-j-t'*
 тот человек-PL-DEF петь-NPST.3-PL
 'Те люди **поют**'.

«Йотовое» настоящее время характерно именно для мордовских языков — этот показатель не имеет аналогов в родственных языках и не восстанавливается на прафинноугорском уровне; считается, что оно развилось именно из имперфективного причастия на *-i/-j* [Бубрих 1953: 51].

Результативное причастие на *-f*, которое будет предметом нашего рассмотрения далее, также претерпело сдвиги в значении, и тоже довольно существенные, но гораздо менее тривиальные.

3. Причастие на *-f*: два типа употребления

Причастие на *-f* имеет два существенно разных типа употреблений.

Во-первых, оно может выступать в роли атрибутивного модификатора именной группы (который обычно предшествует вершине) или обычного неглагольного предиката при подлежащем в предложениях того же типа, что и выше в примерах (20)—(22):

- (26) *sa-f loman'-c'*
 прийти-RES человек-DEF
 'Пришедший человек'

- (27) *mon sa-f-an n'i*
 я прийти-RES-1SG уже
 'Я уже **пришел**' (букв. 'Я уже пришедший').

Во-вторых, оно может употребляться имперсонально — без выраженного подлежащего. В этих случаях, вне зависимости от того, как интерпретируется субъект ситуации, личностно-числовой показатель на причастии отсутствует:

- (28) *is'akəmbə klub-sə kiš-n'ə-f*
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES
 'Вчера в клубе **плясали** (мы / они / только молодежь и т. п.)'.

Семантические и морфосинтаксические свойства причастия на *-f* зависят от того, в какой конструкции оно находится.

В предложениях типа (26) и (27) и набор интерпретаций, и акциональные ограничения у причастия устроены одинаково: если форма может быть употреблена как сказуемое, то она может выступать и как атрибутивный модификатор. Однако картина, которую мы наблюдаем в (28), иная: в имперсональных клаузах причастие накладывает на глагол совершенно другие ограничения. Поэтому мы будем считать, что причастие может образовывать две разные конструкции: результивную и имперсональную — и обсудим каждую из них отдельно. В дальнейшем мы будем рассматривать только те употребления результивной конструкции, когда причастие находится в предикативной позиции.

Здесь нужно сделать важное отступление. С формальной точки зрения все употребления причастия, которые будут рассматриваться ниже, являются формами непрошедшего времени — им соответствуют формы прошедшего времени с суффиксальной копулой *-əl'*:

- (29) *mon sa-f-əl'-ən' n'i*
я прийти-RES-PQP-1SG уже
'(К тому времени) я уже **пришел**' (букв. 'Я уже был пришедший').
- (30) *is'akəmbə klub-sə kiš-n'-ə-f-əl'*
вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES-PQP
'Вчера в клубе **плясали**'.

Специально формы с копулой мы рассматривать не будем; отметим лишь, что в отношении аспектуальных свойств они отличаются от форм без копулы. Этот фрагмент мокшанской грамматической системы испытал ощутимое влияние русского языка: формы на *-f-əl'* часто употребляются в «официальной» речи, являясь кальками русских конструкций типа *был организован, был проведен*:

- (31) *mirəpr'ijat'ijə kona jota-ft-f-əl' vel'ə-n' admin'istracija-sə*
мероприятие который пройти-CAUS-RES-PQP деревня-GEN администрация-IN
'Мероприятие, которое **было проведено** в администрации села'.

Если основное значение предикативных причастий без элевой копулы — результивное (как мы увидим ниже), то формы с копулой приближаются к значению обычного пассивного претерита. О похожем поведении русского результивного причастия см. [Князев 2007: 497—525].

3.1. Результивная конструкция

3.1.1. Аргументная структура и акциональные ограничения

В терминах [Haspelmath 1994], *f*-овое причастие, несомненно, ориентировано на пациента (patient-oriented).

В атрибутивной позиции оно может релятивизовать, а в предикативной — повышать любые прямые дополнения у предельных⁴ предикатов (так называемый «объектный результив»). Чаще всего, конечно, таким прямым дополнением оказывается пациент (32), однако, кроме этого, им может оказаться, например, стимул (33):

- (32) *kaza-s' šimber'f sot-f*
коза-DEF весь.день привязать-RES
'Коза целый день **привязана**'.

⁴ Как известно, термин «предельный» может интерпретироваться в русской аспектологии весьма неоднозначно. Здесь мы будем понимать его в духе [Татевосов 2010]: предельные события означают вхождение в состояние, вхождение в процесс или квант мультипликативного процесса. Предикаты типа *спел (песню)* мы называем предельными, а типа *пел / попел (песню)* — непредельными. Так как мокшанские глаголы аспектуально не маркированы, чаще всего они допускают и предельную, и непредельную интерпретации.

- (33) *gelguž-s' n'i n'ej-f ki-s' malə*
 Цибаево-DEF уже увидеть-RES дорога-DEF близкий
 'Цибаево уже **показалось** (букв. 'увидено') — дорога уже недалеко'.

Кроме этого, такое причастие образуется от предельных непереходных глаголов с единственным пациентивным аргументом (S_P); получается, соответственно, «субъектный результатив»:

- (34) *mon n'ingə urmas'kət-f-an, možət sa-j ned'al'ε-t' l'is'-an*
 я еще заболеть-RES-1SG может прийти-PTCP.ACT неделя-DEF.GEN выйти-1SG
 'Я еще **болею** (букв. 'заболевший'), может, на следующей неделе выйду'.

- (35) *t'ε šufc' kunarə n'i pra-f*
 это дерево:DEF давно уже упасть-RES
 'Это дерево давно уже **лежит упавшее**'.

Единственный агентивный аргумент (S_A) оно, наоборот, ни релятивизовать, ни сделать подлежащим результативной конструкции не может:

- (36) **mon vešk-f-an / az-f-an*
 я свистнуть-RES-1SG сказать-RES-1SG
 (Ожидаемое значение: 'Я **свистнувший / сказавший**'.)
 (37) **vešk-f / az-f loman'*
 свистнуть-RES сказать-RES человек
 (Ожидаемое значение: '**Свистнувший / сказавший** человек'.)

Есть, однако, одно исключение (впрочем, вполне ожидаемое): показатель результативного причастия может сочетаться с предельными глаголами движения — неважно, с дейктическим или абсолютным ориентиром:

- (38) *vas'ε sa-f / tu-f / suva-f / valk-f*
 Вася прийти-RES уйти-RES войти-RES спуститься-RES
 'Вася **пришел / ушел / вошел / спустился**'.

Аспектуальное ограничение результативная конструкция имеет одно — она должна обозначать результирующее состояние⁵. Поэтому *f*-овое причастие реагирует на то, есть ли у глагола акциональная интерпретация вхождения в состояние (ES), вне зависимости от его акционального класса: например, глагол *sotəms* 'привязывать, привязать' из примера (32) — слабый предельный (ES P, P) в терминологии [Татевосов 2010]⁶; *n'ejəms* 'увидеть, видеть' из примера (33) — слабый инцептивно-стативный (ES S, S).

Притом результирующее состояние не обязательно должно быть, например, наблюдаемым:

- (39) *l'εm-s' siv-f*
 суп-DEF съесть-RES
 'Суп **съеден**'.
 (40) *jarmak-n'ə sala-f-t*
 деньги:PL-DEF украсть-RES-PL
 'Деньги **украдены**'.

⁵ Этот термин понимается нами в широком смысле: например, в примере (33) причастие от глагола *n'ejəms* 'увидеть' обозначает отношение зрительного контакта между стимулом и невыраженными экспериментерами (участниками речевого акта).

⁶ Предложенная С. Г. Татевосовым форма записи типа ES P, P исчисляет возможные аспектуальные значения глагольной лексемы. S — это состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс. Исследуются, как правило, две диагностические формы — «наиболее перфективная» и «наиболее имперфективная» (чаще всего претерит/аорист и презенс), которым соответствуют множества значений до и после запятой.

Эти свойства результитивной конструкции, конечно, вполне ожидаемы. В терминах [Недялков, Яхонтов 1983] мокшанский обладает и объектным, и субъектным результиativом с общерезультитивным значением — это очень частая для языков мира ситуация. Однако конструкция может демонстрировать и типологически необычное поведение тогда, когда в ней начинают употребляться неопредельные предикаты.

Правда, таких в мокшанском языке крайне мало: как мы писали выше, большая часть мокшанских глагольных лексем не маркирована по виду, поэтому среди доступных акциональных интерпретаций чаще всего бывает предельная. Если, однако, предельных интерпретаций у глагола действительно нет (а условие пациентивности единственного участника выполняется), то причастие спорадически может иметь экспериентивные (41) и перфектно-«инклюзивные» — как, например, английские формы Present Perfect в сочетании со стативными предикатами — употребления (42):

- (41) *vital'ik-s' s'er'et'-f urma-sə*
Виталик-DEF болеть-RES болезнь-IN
i s'a-s me-s son' šama-c loftana
и to-EL что-EL он.OBL лицо-POSS.3SG бледный
'Виталик **болел** (букв. 'болел болезнью'), и поэтому у него лицо бледное {на всю жизнь}'.
- (42) *vec' vedərka-t' esə jot šobdava aščə-f*
вода:DEF ведро-DEF.GEN в.IN с утро находиться-RES
'Вода в ведре с утра **стоит**'.

Оба глагола — *s'er'ed'əms* 'болеть' и *aščəms* 'находиться' — относятся к стативному акциональному классу (S, S).

Такое поведение результитивного причастия, в общем, не является совсем неожиданным. Но кроме этого, существует еще один класс употреблений результитивного причастия — в отличие от последнего, весьма обширный и продуктивный.

Образуюсь от глагольных основ, имеющих устойчивую неопредельную интерпретацию, причастие превращает неопредельные ситуации, которые обозначали эти основы, в предельные. На вход конструкции могут подаваться не только состояния типа *aščəms* 'находиться' или неопредельные процессы типа *t'ur'əms* 'драться', но и, например, безобъектные употребления слабых предельных глаголов типа *luvəms* 'читать' (activity construals в терминах [Croft 2012]).

Семантически это происходит таким образом: на одном из участников в процессе течения ситуации накапливается какое-нибудь свойство — и он приобретает существенно новое состояние. В нулевом контексте такие предложения чаще всего получают сатуративную интерпретацию:

- (43) *mon jaŋca-f-an*
я есть-RES-1SG
'Я **наелся**'.
- (44) *mon t'ε ši-stə topəd'-əm-s t'ur'-f-an*
я этот день-EL насытиться-INF-EL драться-RES-1SG
'Я за этот день так много **дрался**, что больше не хочу' (букв. 'досыта **надрался**').

Это, однако, совсем необязательно. «Накапливаться» на участнике может не только пре-
существенность процессом, но и любое другое контекстно заданное свойство:

- (45) *mon s'er'ed'-əm-s s'imə-n't'-f-an*
я болеть-INF-EL пить-IPFV-RES-1SG
'Я **пил** так сильно, что заболел' (букв. 'до болезни **допился**').
- (46) *vina-s' aščə-f*
водка-DEF находиться-RES
'Самогон **выгнали**' (букв. 'водка настоялась').

- (47) *vec' šin'ija-m-s aščə-f*
 вода:DEF пахнуть-INF-EL находиться-RES

‘Вода **стояла** так долго, что стала пахнуть’ (букв. ‘**достоялась** до запаха’).

Обстоятельства срока типа *t'ε šistə* ‘за этот день’, допустимые в подобных контекстах, демонстрируют, что исходно неопредельная ситуация действительно приобретает «искусственный предел».

Мы считаем, что такая нетривиальная сочетаемость объясняется взаимодействием семантики результитивной конструкции и исходного глагола.

Прототипический, ядерный тип употреблений мокшанского результата представлен в примерах типа (32), (34), (35) — это предельные глаголы с пациентивным участником. Требования предельности и пациентивности конструкция и предъявляет к лексемам, которые должны заполнять ее слоты.

Вообще говоря, эти два признака не независимы: предельность ситуации чаще всего определяется как переход одного из ядерных участников в новое состояние, а одна из главных характеристик прототипического пациенса — то, что в ходе ситуации он изменяет какие-то свои свойства. В формальной традиции вообще принято говорить об инкрементальном свойстве как «источнике предельности» ситуации. Если этим свойством является *с у щ е с т в о в а н и е*, т. е. ситуация состоит в том, что один из ее участников появляется или исчезает, то этого участника называют инкрементальной темой (см. [Dowty 1991; Татевосов 2010], ср. сходное понятие «накопителя эффекта» в [Падучева 2004]).

Поэтому результитивная конструкция допускает глаголы движения, точнее, глаголы перемены места. Несмотря на то что прототипические ситуации движения (бег, хождение и др.) контролируемы, местоположение участника — это одно из его важных свойств, а изменение свойств обычно характеризует пациентивного участника. Известно, что, например, в немецком и итальянском глаголы движения допускают двоякий способ восприятия (construal) — как деятельность (activity) и как свершение (accomplishment). От этого, в частности, зависит выбор вспомогательного глагола в перфекте — ср. итал. *ha corso* ‘побежал’ (деятельность) vs. *è corso* ‘прибежал’ (свершение; заметим, что этот случай формально идентичен пассиву типа *è portato* ‘принесен’!). К похожему выводу приходит В. Абрахам, рассматривая немецкие глаголы движения [Abraham 2011]: он утверждает, что такие глаголы имеют неодинаковую синтаксическую структуру в разных временных формах — они являются «неаккузативными» в форме перфективного причастия и «неэргативными» в презенсе (в его употреблении эти термины примерно совпадают с тем, что обычно понимается под пациентивными и агентивными предикатами соответственно). В мокшанском такой double construal чаще всего невозможен — просто потому, что корень глагола кодирует обычно либо только путь, либо только способ движения (например, глагол *sams* значит и ‘прийти’, и ‘приехать’, и ‘прибежать’). В остальном, однако, ситуация очень похожая: именно предельные глаголы перемены места примыкают к пациентивным.

Если же в конструкции употребляются глаголы, обозначающие неопредельные ситуации, то под давлением семантики конструкции происходит реинтерпретация: у глагола появляется «искусственный предел», а один из участников реконцептуализуется как пациенс.

- (48) *mon kol'an't'-fan topəd'-əm-s*
 я играть-RES-1SG насытиться-INF-EL
 ‘Я **наигрался** досыта’.

Заметим, что инкрементальное свойство должно накапливаться именно на этом участнике (а не на каком-нибудь другом элементе семантической структуры высказывания):

- (49) **mon kol'an't'-fan šopəd'-əm-s*
 я играть-RES-1SG стемнеть-INF-EL
 ‘Я **заигрался** до темноты’.

Конечно, от этого контролируемой ситуация быть не перестает:

- (50) *mon jarca-f-an tosə af jarca-m-s*
я есть-RES-1SG потом NEG есть-INF-EL
'Я **наелся**, чтобы потом не есть'.

Можно считать, что предикат приписывает аргументу семантическую роль агенса, а конструкция — роль пациенса (т. е. аргумент получает «гибридную» семантическую роль, состоящую из признаков, входящих и в агентивный, и в пациентивный прототипы).

3.1.2. Аспектуальная семантика мокшанского результата и отрицание

Исследование сочетаемости результативной конструкции в мокшанском показало, что она совсем недалеко продвинулась по известному пути грамматикализации от результата к перфекту. Нет диатезного сдвига — по-мокшански можно сказать *Коза привязана*, ср. (32), но не что-то типа *Он привязавши козу*:

- (51) **Son sot-f kaza-t' /kaza*
он привязать-RES коза-DEF.GEN коза
(Ожидаемое значение: 'Он **привязал** козу'.)

Более того, как мы только что видели, конструкция по-прежнему остается ориентированной на пациенса (пускай и в довольно расширенном понимании) и на предельные глаголы (примеры типа (41) и (42) маргинальны).

Однако, какое в точности видовое значение может иметь эта конструкция, сразу неясно, и вот почему: набор обстоятельств, которыми она может быть модифицирована, довольно широк.

С одной стороны, это могут быть любые обстоятельства, ориентированные на результирующее состояние — специфицирующие его время или длительность, см. (32), а также (52), (53):

- (52) *panar-t' kopər'-əc jot is'ak s'ez'-f*
платье-DEF.GEN спина-POSS.3SG с вчера порвать-RES
'Спинка у платья со вчерашнего дня **порвана**'.
- (53) *kaftə čast-t ingəl'ə ken'kš-s' panža-də-l' a t'en'i s'olk-f*
два час-PL перед дверь-DEF открытый-CONV.POS-PQP а сейчас закрытый-RES
'Два часа назад дверь была открыта, а теперь **закрыта**'.

Некоторые результаты могут модифицироваться наречием *n'ingə* 'все еще' — для этого они должны обозначать о б р а т н ы й результат действия (ср. недопустимое русск. **все еще убит*):

- (54) *panar-s' n'ingə šča-f /s'ez'-f*
платье все.еще надеть-RES порвать-RES
'Платье все еще **надето/разорвано**'.

С другой стороны, независимо от лексического наполнения конструкция с *f*-овым причастием может сочетаться с обстоятельствами, ориентированными не на результат, а на динамическую ситуацию, например обстоятельствами конкретного времени (*is'ak* 'вчера'), срока (*minutastə* 'за минуту'), времени реакции (*kurək* 'скоро'), места действия (отличного от места результата), образа действия (*moraz'* 'напевая'):

- (55) *t'e šufc' is'ak pra-f*
это дерево-DEF вчера упасть-RES
'Это дерево вчера **упало** {и до сих пор лежит}'.
- (56) *loman'-c' kaja-f minuta-stə*
человек-DEF раздеться-RES минута-EL
'Человек **разделся** за минуту {и теперь голый}'.

- (57) *loman'-c' kurək kaja-f*
 человек-DEF скоро раздеться-RES
 'Этот человек быстро **разделся** {и теперь голый}'.

- (58) *sin' sa-f-t valmε-t' pačk*
 они прийти-RES-PL окно-DEF.GEN.SG через
 'Они **пришли** через окно {и теперь находятся внутри}'.

Уже эти факты позволяют заключить, что кроме результативного значения *y-f*-ового причастия есть и другое — перфектное.

Другим диагностическим тестом на то, что обозначает предикат — событие или его результат, традиционно считается возможность присоединения агентивного дополнения (утверждается, что, например, немецкий *Zustandspassiv* не допускает такового потому, что может обозначать исключительно результирующее состояние — т. е. быть одновалентным предикатом, участником которого агент не является, см., например, [Abraham, Leiss 2006]). В мокшанском с агентивным дополнением есть определенные проблемы, общие для причастной конструкции на *-f* и суффиксального пассива: как кажется, агентивное дополнение в исследованных нами идиомах только грамматикализуется. В разных случаях (существуют не до конца ясные ограничения) исходное подлежащее маркируется послелогами *kεctə* 'из рук', *vel'də* 'через' и комитативно-инструментальным *maɣtə* 'с.' Как бы то ни было, в большинстве случаев результативная конструкция все же позволяет выразить агенса:

- (59) *šava-n'-ε-s' laz-f Vas'-ε-n' kεctə*
 чашка-DIM-DEF разбить-RES Вася-GEN рука:EL
 'Чашка **разбита** Васей'.

- (60) *id'-n'-ε-s' st'a-ft-f es' d'ed'a-nc kεctə*
 ребенок-DIM-DEF встать-CAUS-RES свой мать-3SG.POSS.SG.GEN рука:EL
 'Ребенок **разбужен** собственной матерью {она могла греметь посудой на кухне}'.

- (61) *kniga-s' luv-f Vas'-ε-n' kεctə*
 книга-DEF читать-RES Вася-GEN рука:EL
 'Книга **прочитана** Васей'.

Следует, однако, учесть, что если такие обстоятельства или дополнения в предложении есть, то они обязательно находятся в позиции фокуса — см. следующие ограничения на варьиование линейно-акцентной структуры предложений (62) и (63). Как видно, в позиции топика (т. е. в начальной позиции предложения с восходящей интонацией) обстоятельства конкретного времени — лексемы типа *šobdava* 'утром' или *is'akəmbə* 'вчера' — невозможны⁷:

- (62) a. *kaza-s' sot-f šobdava *
 коза-DEF привязать-RES утро
 b. *šobdava \ kaza-s' sot-f*
 утро коза-DEF привязать-RES
 c. **šobdava / kazas' sot-f *
 утро коза-DEF привязать-RES
 'Коза **привязана** утром'.
- (63) a. *t'ε šufc' pra-f is'akəmbə *
 этот дерево:DEF упасть-RES вчера
 b. *t'ε šufc' is'akəmbə \ pra-f*
 этот дерево:DEF вчера упасть-RES
 c. **is'akəmbə / t'ε šufc' pra-f *
 вчера этот дерево:DEF упасть-RES
 'Вчера это дерево **упало**'.

⁷ Полужирным (как и во всей остальной работе) выделена форма результативного причастия, подчеркнут носитель основного фразового акцента, знаками / и \ маркируются восходящая и нисходящая интонация соответственно.

В этом случае представляется подходящим анализ, предложенный Е. В. Падучевой [Падучева 2010] для похожих явлений русского языка (высказываний типа *Книга куплена вчера*). Суть его состоит в следующем: с коммуникативной точки зрения топикальные и фокусные обстоятельства имеют разную функцию. Дело в том, что во фрейме результативного причастия есть и ситуация (относящаяся к плану прошедшего), и ее результат (совпадающий с моментом речи) — а рематическое обстоятельство *профилит* либо то, либо другое (Е. В. Падучева называет это явление «коммуникативным фокусом»; см. также [Ландер 2003]). Если же обстоятельство находится в топике, оно задает время ассерции — а закрытый интервал типа *вчера*, естественно, не может быть временем ассерции в перфектной клаузе.

О том, что в семантике мокшанского результатива есть два компонента, каждый из которых в принципе можно профилировать, свидетельствуют и другие данные — а именно то, как он ведет себя в сочетании с отрицанием.

В мордвинистике известно [Коляденков, Заводова 1962: 359], что для отрицания результативного причастия на *-f* используется частица *apak*, глагол после которой ставится в форму коннегатива на *-k/-t*⁸:

- (64) *jarmak-s' apak mu-k*
 деньги-DEF NEG.NFIN найти-CN
 'Деньги **не найдены**'.

Это специализированный способ для выражения отрицания на *f*-овом причастии (частица *apak* больше нигде не употребляется⁹). Кроме этого, для *f*-ового причастия возможно и обычное именное отрицание *af*:

- (65) *jarmak-s' af mu-f*
 деньги-DEF NEG найти-RES
 'Деньги **не найдены**'.

Замечательно, что при этом семантическая интерпретация предложений с *apak* и с *af* регулярно различается.

Во-первых, у инкрементальных ситуаций с отрицанием *apak* возникает замечательный семантический эффект. По свидетельствам носителей, в нулевом контексте (без обстоятельств времени и т. д.) нормальным переводом предложения (66) на русский язык будет являться не (i), а (ii).

- (66) *kaza-s' apak sot-t*
 коза-DEF NEG.NFIN привязать-CN
 (i. *'Коза не привязана'.)
 ii. 'Коза **еще не привязана**'.

Если в этом же предложении использовать отрицательную конструкцию не с *apak*, а с *af*, то будет доступна единственная интерпретация:

- (67) *kaza-s' af sot-f*
 коза-DEF NEG привязать-RES
 'Коза **не привязана** {а, например, бегаёт в огороде}'.

Очевидно, отрицательная конструкция с *apak* по крайней мере иногда добавляет в семантику высказывания дополнительный компонент нарушенного ожидания (которое

⁸ На самом деле носители разрешают (а иногда и порождают) конструкции вида *apak V-f*. Мы считаем, что это — результат контаминации, во-первых, с формой без отрицания, а во-вторых, с формой множественного числа, которая нормально выглядит как *apak V-f-t* (*-t* — показатель плюралиса) вследствие фонологического перехода $k \rightarrow f/_t$, нашедшего отражение в самых разных точках мокшанской морфонологической системы.

⁹ В материалах полевых исследований встречается несколько употреблений частицы *apak* с другой нефинитной глагольной формой — номинализацией на *-ta* (при которой обычно используется термовое отрицание *af*). Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

передается носителями с помощью русского наречия *еще*), а в случае с *af* этого не происходит.

Во-вторых, предложения с оператором *apak* и инкрементальными предельными процессами имеют два прочтения — отрицанию может подвергаться как вся ситуация, так и только ее кульминация:

- (68) *kniga-s' apak luv-t*
 книга-DEF NEG.NFIN читать-CN
 а. 'Книга **еще не прочитана** {я и не начинал ее читать}'.
 б. 'Книга **недочитана** {начал читать, но не дошел до конца}'.

Частица *af* такими свойствами не обладает:

- (69) *kniga-s' af luv-f*
 книга-DEF NEG читать-RES
 а. 'Книга **не прочитана** {я и не начинал ее читать}'.
 * б. 'Книга **недочитана** {начал читать, но не дошел до конца}'.

В-третьих, в предложениях с такими нереферентными подлежащими, у которых нет пресуппозиции существования, тоже возможна только конструкция с *apak*:

- (70) *kodamə gr'iba mɛl'-əz'-əl' apak mu-k / *af mu-f*
 какой гриб нрав-POSS.1SG-PQP NEG.NFIN найти-CN NEG найти-RES
 'Такой гриб, который я хотел бы найти, еще **не найден**'.
- (71) *kodamə-vək s'ora n'ingə apak vidə-k / *af vid'-ə-f*
 какой-ADD зерно еще NEG.NFIN посадить-CN NEG посадить-RES
 'Никакое зерно здесь еще **не посажено**'.
- (72) *kodamə loman' s'ask-əl'-əz'-ə kaščej-t'*
 какой человек победить-PQP-PST.3SG.O.3SG.S K.-DEF.GEN
*n'in'gə apak šač-t / *af šač-f*
 еще NEG.NFIN родиться-CN NEG родиться-RES
 'Человек, который победил бы Кашея, еще **не родился**'.

В-четвертых, конструкции типа *af V-f* запрещены в контексте обстоятельства *məz'ardəngə* 'когда-либо; никогда': в таких случаях должна выбираться конструкция с *apak*:

- (73) *t'ε jarmak-n'ə al'ε-z'-ə-n' kεctə*
 эти деньги-PL.DEF отец-1SG.POSS.SG-GEN рука:EL
*məz'ardə-ngə apak kiz'əfn'-ə-f-t / *af kiz'əfn'-ə-f-t*
 когда-ADD NEG.NFIN спрашивать-CN-PL NEG спрашивать-RES-PL
 'Этих денег у отца еще никогда **не просили**' (букв. 'деньги никогда **не спрошены**').
- (74) *min' kucə-nk t'ε mora-s'*
 наш дом:IN-1PL.POSS этот песня-DEF
*məz'ardə-ngə apak mora-k / *af mora-f*
 когда-ADD NEG.NFIN петь-CN NEG петь-RES
 'У нас дома эта песня никогда еще **не пелась**'.

Интересно, что, демонстрируя подобное поведение в отношении наречия *məz'ardəngə*, причастия с отрицательной частицей *af* примыкают к именным предикатам (75), а причастия с *apak* ведут себя так же, как и финитные глагольные (76):

- (75) *min' kucə-nk batar'ej-n'ə məz'ardə-ngə af ps'ij'-t'*
 мы.OBL дом:IN-1PL.POSS батарея-PL.DEF когда-ADD NEG горячий-PL
 (Ожидаемое значение: 'В нашем доме батареи никогда **не теплые**'.)
- (76) *ok min' kucə-nk batar'ej-n'ə məz'ardə-ngə af ul'-ə-n'-d'-ij'-t' ps'ij'-t'*
 мы.OBL дом:IN-1PL.POSS батарея-PL.DEF когда-ADD NEG быть-IPFV-NPST.3-PL горячий-PL
 'В нашем доме батареи никогда **не бывают теплыми**'.

Заметим, что в предложениях типа (73)—(74) причастие регулярно имеет экспериментальное значение ('факт того, что когда-то раньше было Р, отсутствует'), невозможное (или почти невозможное) для утвердительных предложений.

Естественно выдвинуть гипотезу о том, что предложения с *apak* и с *af* соответствуют разным синтаксическим структурам.

Обычно именные группы, у которых нет пресуппозиции существования, находятся в сфере действия какого-нибудь оператора снятой утвердительности. Таким оператором в предложениях типа (70)—(72) несомненно является отрицание; следовательно, отрицание типа *apak* может иметь сферу действия над подлежащим. То же самое верно для обстоятельств сентенциального уровня типа *maz'ardangə* (что, вообще говоря, представляет собой обычное свойство неопределенных местоимений). Конструкция с *af*, однако, показывает противоположные свойства — она не допускает чувствительных к полярности единиц ни в позиции подлежащего, ни в позиции сентенциального обстоятельства.

Далее, мы видим, что в обычной клаузе с именным предикатом наречие *maz'ardangə* невозможно (75) — и то же самое верно для предложений с предикативным причастием и отрицанием *af* (73)—(74). С другой стороны, предложения с *apak* его допускают — точно так же, как клаузы, возглавляемые глаголом (76). Это заставляет вспомнить о том, что, как было показано на материале разных языков, предложения с именным предикатом часто оказываются грамматически дефектными: они отличаются по набору синтаксических свойств от предложений с финитными глаголами. Например, в [Тестелец 2008] обсуждаются предложения типа *Никто не был в Москве* vs. **Никто был не в Москве*; неграмматичность второго из них объясняется тем, что в случаях типа *Маша не в Москве* отрицание является конституентным, а не сентенциальным — отрицается отдельная составляющая, а не все предложение.

Можно предположить, что эта разница в сочетаемости с *maz'ardangə* происходит оттого, что предложения с *apak* содержат больший фрагмент структуры глагольной клаузы, чем предложения с *af*, — в том числе и ту позицию, которую может занимать *maz'ardangə*. Так как исследование синтаксиса мокшанского отрицания не является нашей непосредственной задачей, то мы не будем выяснять, что это за уровни структуры в точности, скажем (в значительной мере условно), что в предложениях с *af* оператор результата применяется к глагольной группе, а в предложениях с *apak* — к структуре большего объема, например к клаузе:

(77) *apak* : NEG > RES > clause

(78) *af* : NEG > RES > VP

В предложениях с *af* оператор результата применяется прямо к ситуации, которую обозначает глагольная группа, и выводит на поверхность ее конкретный, лексикографически заданный результат. К получившемуся результативному причастию в обычном порядке применяется термовое отрицание, в сфере действия которого находится не все предложение, а только именной предикат — и поэтому в позиции подлежащего невозможны нерелевантные именные группы.

В предложениях с *apak* оператор применяется не к глагольной группе, которая обозначает событие, а к некоей структуре большего объема. Что же может обозначать такая структура?

Наша гипотеза состоит в том, что если обычная глагольная группа, в сочетании с которой показатель *-f/-t* имеет обычное результативное значение, обозначает событие, то «бóльшая» структура может обозначать факт. В отечественной традиции противопоставление события и факта разрабатывалось в работах Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Анны А. Зализняка [Арутюнова 1988; Падучева 1996; Зализняк 1990]; во многом отечественная трактовка факта является рецепцией соответствующего логико-семантического понятия, о котором см., например, [Asher 1993; Peterson 1997]. Вкратце суть этого противопоставления состоит в следующем: любая ситуация в естественном языке может концептуализоваться двумя способами. Во-первых, она может восприниматься как объект физической

реальности, непосредственно наблюдаемый и ощущаемый, — тогда у ситуации есть разнообразные физические характеристики: протяженность во времени, или скорость, или какие-нибудь обстоятельства, которые ее сопровождают. Во-вторых, она может быть артефактом сознания и иметь не физические, а логические свойства: например, из нее может что-то следовать, а на нее что-то указывать. Первый способ концептуализации принято называть событием, второй — фактом¹⁰.

К этому-то факту в предложениях с *apak* и применяется тот самый оператор, который мы ранее видели в результативных клаузах.

Можно считать, что в мокшанском языке этот оператор имеет не два отдельных значения (результативное и перфектное), а одно; итоговая семантика конструкции зависит от того, к чему он применяется. Если он модифицирует (предельное) событие, результат которого заранее четко задан в его словарном толковании, то на выходе мы и получаем этот результат — такой же физически конкретный, как само событие; значение причастия получается р е з у л ь т а т и в н ы м. Факты же, как утверждается, могут вызывать огромное количество совершенно непредсказуемых последствий; конечно, именно факты, а не события, обычно имеют «текущую релевантность» [Dahl, Hedin 2000]. Факты не описаны в словаре — и поэтому их результаты не могут быть лексикографически заданы. Если слот результативной конструкции заполняет факт, то происходит семантический сдвиг: вместо конкретного результата она обозначает размытую прагматическую релевантность ситуации в прошлом; значение конструкции получается п е р ф е к т н ы м.

Если отвлечься от метафоры иерархически упорядоченных операторов, то можно заключить следующее: клаузы с *af* проявляют больше стативных свойств, а клаузы с *apak* — больше динамических. Первые обозначают отсутствие состояния, а вторые — релевантное для момента речи отсутствие в прошлом динамической ситуации. Именно это объясняет появление наречия *еще* с семантикой «нарушенного ожидания» в русских переводах предложений типа (79):

- (79) = (67) *kaza-s' apak sot-t*
 коза-DEF NEG.NFIN привязать-CN
 (i. ??‘Коза не привязана’.)
 ii. ‘Коза еще не привязана’.

Известно, что любая «отрицательная ситуация» предполагает ожидание соответствующей положительной. В примере (79), грубо говоря, используя конструкцию с *apak*, говорящий показывает, что он ожидал не просто того, что коза будет на веревке, а конкретного события привязывания козы.

Этим же объясняется двоякое прочтение примеров с *apak* и инкрементальными предикатами типа (68): одно и то же предложение может значить что-то типа ‘Книга вовсе не прочитана’ и ‘Книга недочитана’. Отрицание ведет себя так же, как если бы оно применялось к обычной финитной форме, которая обозначает динамическую ситуацию, — а перфектный оператор добавляет в семантику высказывания прагматическую релевантность этой ситуации. *Af* же применяется к стативному предикату, с которым такое двоякое прочтение невозможно.

Итак, результативная конструкция в мокшанском на самом деле не многозначна. Обозначает ли итоговое выражение результатив или перфект, зависит от того, что конструкция получает на вход — событие или факт. Если ее слот заполняет событие, то она просто

¹⁰ Отметим, что изначально противопоставление события и факта было разработано для объяснения различного синтаксического и семантического поведения актантных клауз (*Я видел, что он вошел* vs. *Я видел, как он вошел*). Разница в поведении последних также часто объясняется тем, что они содержат синтаксические структуры разного объема. Перенос этого противопоставления на независимые высказывания был впервые осуществлен Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 61], которая приписывает значение ф а к т а общефактическому значению русского несовершенного вида.

выводит на поверхность уже присутствующее в его семантике результирующее состояние, а для фактов она специально «достраивает» некие предельно абстрактные последствия, имеющие место на момент речи. Это противопоставление особенно четко проступает в предложениях с отрицанием, но в положительных предложениях доступен такой же набор интерпретаций — как хочется думать, объясняющийся теми же факторами.

3.2. Имперсональная конструкция

В имперсональной конструкции причастие ведет себя совсем иначе, нежели в результивной, как с точки зрения морфосинтаксиса, так и с точки зрения семантики. Подлежащего в именительном падеже в такой конструкции нет; соответственно, согласовательных маркеров причастие не принимает (материально такие формы совпадают с формами 3sg, у которых нулевой маркер согласования).

- (80) = (28) *is'akambə klub-sə kiš-n'ə-f*
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES

‘Вчера в клубе **плясали**’ (букв. ‘**плясано**’).

- (81) *t'ε alaša-t' lank-sə an'c'ək art-f t'a-t oza langə-zə-nzə*
 этот лошадь-DEF.GEN верх-IN только ездить-RES PROH-IMP сесть верх-ILL-3SG.POSS

‘На этой лошади только что **ездили** (букв. ‘**езжено**’), не садись на нее’.

Субъект действия в предложениях типа (80) может интерпретироваться разными способами. Во-первых, это может быть какой-нибудь высокоактуализованный референт, например участник речевого акта, и тогда более корректным переводом такого предложения окажется *Мы вчера в клубе плясали* или *Вы вчера в клубе плясали*. В контексте предложения *У нас в селе много молодежи* оно будет проинтерпретировано как *Вчера в клубе плясала молодежь* — и так далее¹¹. В то же время субъект действия может быть просто связан квантором существования:

- (82) *t'εči min' vas'əd'-əmə i n'ej-əs'k*
 сегодня мы встретиться-PST.1SG и видеть-PST.3.O.1PL.S

što t'ε vast-t' esə t'ur'-f
 что этот место-DEF.GEN в.IN драться-RES

‘Сегодня мы встретились и увидели, что на этом месте кто-то **дрался**’.

Невыраженный субъект, однако, не удаляется из структуры клаузы совсем — например, он может контролировать целевые обороты:

- (83) *kuvat' t'ur'-f fašist-t-n'ə-n' martə štobə satə-m-s c'eber' er'af*
 долго драться-RES фашист-PL-DEF-GEN с чтобы достичь-INF-ILL хороший жизнь

‘Мы долго **боролись** (букв. ‘долго было **борого**’) с фашистами, чтобы получить хорошую жизнь’.

Имперсональная конструкция, так же как и результивная, накладывает ограничения на лексемы, которые могут в ней употребляться.

Ограничения на образование имперсональных пассивов засвидетельствованы во многих языках мира. Утверждалось, что имперсонализации могут подвергаться только «неэргативные» предикаты [Perlmutter 1978; Zaenen 1993]; непредельные предикаты [Goldberg 1995;

¹¹ Чаще всего (если к этому нет каких-либо прагматических препятствий) первой интерпретацией субъекта имперсональной клаузы в нулевом контексте становится первое лицо — ‘я’, ‘мы’. Это однозначно показывает на то, что перед нами не обычное предложение с опущенным подлежащим: подлежащее первого лица вызывало бы на причастии лично-числовой показатель. Далее мы в основном будем оставлять в русских переводах предложений этого типа местоимения первого лица; конечно, в каждом из них имперсональный субъект может быть проинтерпретирован и любым другим способом.

Abraham, Leiss 2006; Primus 2010]. М. Сибатани [Shibatani 1998] показал, что понижение в имперсональной конструкции может происходить только с несколькими верхними позициями в иерархии одушевленности, причем языки проводят границу в разных местах иерархии: так, в непали невыраженным субъектом действия может быть только говорящий, в немецком — одушевленный агент (не обязательно человек), в нидерландском — агент, обязательно являющийся еще и человеком. Ситуация в мокшанском в этом отношении похожа на ту, что описывается М. Сибатани для турецкого: единственный участник имперсонализованного предиката обязательно интерпретируется как человек (84)—(86), притом предикат не обязательно должен быть контролируемым (87)—(88):

- (84) *is'ak min' kucə-nk ivat'-f*
вчера мы дом:IN-1PL.POSS кричать-RES
'Вчера у нас дома **кричали**'.
- (85) **ul'c'a-sə par-s'ə-f*
улица-IN блять-IPFV-RES
(Ожидаемое значение: 'На улице **блеяли** (козы)'.)
- (86) *urmas'kəc' kərga-z'ə me-s ul'c'a-sə lamə-s par-s'ə-f*
заболеть.PST.3SG горло-POSS.1SG что-ILL улица-IN много-ILL блять-IPFV-RES
'У меня горло заболело, потому что я долго **орала** на улице' (букв. 'долго **блеяно**').
- (87) *šobdava pek af-ks-n'ə-f*
утром очень зевать-SMLF-IPFV-RES
'Утром я много **зевал**' (букв. 'много **зевано**').
- (88) *s'ε komnata-sə tərnat-f, a t'a-sə l'embə*
этот комната-IN дрожать-RES а этот-IN теплый
'В той комнате все **дрожали**, а в этой тепло'.

Кроме этого, есть и еще одно ограничение на лексическое заполнение этой конструкции, и замечательно, что оно почти диаметрально противоположно тому, что демонстрирует результативная конструкция. В нормальном случае имперсонализацию не допускают предельные предикаты — не только пациентивные (89)—(90), но и агентивные (91):

- (89) **s'in' vel'ə-sə-st kər'vez'-f*
они.OBL село-IN-1PL.POSS загореться-RES
(Ожидаемое значение: 'У них в деревне что-то **загорелось**'.)
- (90) **s'in' kucə-st urmas'kət-f*
они.OBL дом:IN-1PL.POSS заболеть-RES
(Ожидаемое значение: 'У них дома кто-то **заболел**'.)
- (91) **ul'c'a-sə t'er't'-f*
улица-IN позвать-RES
(Ожидаемое значение: 'На улице кто-то **крикнул**'.)

Заметим, что такие же ограничения обнаруживают имперсональные конструкции по крайней мере в немецком и нидерландском языках [Abraham, Leiss 2006; Primus 2010]. Имперсонализации подвергаются только неопределенные предикаты; предельным же предикатам навязывается итеративная, т. е. также неопределенная, интерпретация (ср. (94) и (95))¹².

НЕМЕЦКИЙ [Abraham, Leiss 2006]

- (92) *Es wurde getanzt.*
it was danced
'Кто-то танцевал'.

¹² В мокшанском реинтерпретация подобного рода невозможна, так как в хабикулярных контекстах и в контекстах неопределенно-кратной итерации был бы обязателен показатель имперфектива.

- (93) *ʔEs wurde ausgetanzt*
it was out-danced
'Кто-то удалился, танцую'.
- НИДЕРЛАНДСКИЙ [Primus 2010]
- (94) **Er werd opgestegen*
it was taken.off
(Ожидаемое значение: 'Кто-то взлетел'.)
- (95) *Vanaf Schiphol wordt er de hele dag opgestegen*
from airport is it DEM whole day taken.off
'Из аэропорта целый день отправляются самолеты' (букв. 'кто-то взлетает').

В мокшанском, впрочем, от предельных предикатов имперсонализация запрещена не полностью, на них просто накладывается дополнительное — и очень неожиданное — условие: они должны быть в теме высказывания. Так, например, невозможно (96), но приемлемо (97):

- (96) **maša-nd'i sa-f*
M.-DAT прийти-RES
'К Маше **пришли**'.
- (97) *sa-f an'c'ək maša-n'd'i *
прийти-RES только M.-DAT
'**Пришли** только к Маше'.

Следующие три примера также приемлемы — в отличие от (89)—(91); разница между ними заключается только в линейно-акцентной структуре:

- (98) *kār'vez'-f s'in' vel'ə-sə-st *
загореться-RES они.OBL село-IN-1PL.POSS
'(— Смотри, что-то горит за полем! —) Я думаю, что загорелось в их деревне'.
- (99) *mon dumand-an, što urmas'kət-f aftobuz-sə *
я думать-1SG что заболеть-RES автобус-IN
'(— Где ты простудился? —) Я думаю, что **заболел** в автобусе'.
- (100) *tert'-f ul'c'a-stə *
позвать-RES улица-EL
'Тебя (меня, нас и т. д.) **позвали** (букв. 'крикнули') с улицы'.

Итак, непредельные предикаты могут употребляться в имперсональной конструкции всегда, а предельные — только в том случае, когда *f*-овое причастие является темой высказывания, что довольно нетривиально типологически: авторы последнего крупного сравнительного исследования, посвященного имперсонализации [Malchukov, Siewierska 2011], указывают в числе ее потенциальных триггеров топикальность референта, но не ситуации.

Однако такая сочетаемость имперсональной конструкции довольно легко объясняется диахронически. Действительно, по крайней мере на материале циркумбалтийских языков И. Сержантом [Seržant 2011] было показано, что имперсональные употребления результативного причастия исторически вторичны: они возникают при расширении сочетаемости исходно пассивной конструкции — в нашем случае конструкции объектного результата. Это, кстати, происходит не во всех мокшанских идиомах: например, старопшеневский говор (южный диалект мокшанского языка; материал из наших собственных полевых данных) так и не развил имперсональное употребление *f*-ового причастия:

- СТАРОПШЕНЕВСКИЙ МОКШАНСКИЙ
- (101) *is'akəmbə klub-sə *kšti-f / ok'kšti-ç-t'*
вчера клуб-IN плясать-RES плясать-PST.3-PL
'Вчера в клубе **плясали**'.

Как мы видели, в мокшанском результирующая конструкция ориентирована на предельные предикаты, как переходные (типа ‘уронить’), так и непереходные (типа ‘упасть’). Далее причастие расширяет сочетаемость на единственный оставшийся крупный класс динамических предикатов — непереходные неопредельные (80)—(83). Заметим, что (по крайней мере для мокшанского) эти два признака не независимы: вместе они характеризуют ядро обширного акционального класса действий (*activities*). Связь между ними не абсолютная, а статистическая: среди неопредельных глаголов есть, естественно, и переходные, но их намного меньше (в основном те, что относятся к закрытому классу экспериенциальных предикатов), основная масса переходных глаголов обычно могут иметь предельную интерпретацию.

Мы полагаем, что имперсонал от предельных глаголов представляет собой дальнейшую, третью стадию морфосинтаксической эволюции причастия. Если верно, что такой тип употребления конструкции возник совсем недавно, то ясно, почему его использование пока что возможно только в ограниченном числе контекстов.

Обычно предикат требует поверхностного выражения своих ядерных актанта. Поэтому любая залоговая трансформация, позволяющая не выражать их, предполагает в каком-то смысле экстраординарные условия — например, необычную информационную структуру или необычное распределение коммуникативных рангов участников. Чем выше степень грамматикализованности залоговой конструкции, тем меньше усилий требуется, чтобы понизить в коммуникативном ранге, например, агенса, и наоборот, чем моложе паттерн, тем более особенные условия для этого необходимы.

Заметим, что для предельных предикатов типа *kərvez'əms* ‘загореться’ доступна еще и результирующая конструкция с *f*-овым причастием, которая удовлетворяет требованию поверхностного выражения участника — она помещает его в позицию подлежащего. Поэтому для того, чтобы его все-таки не выразить, нужны нетривиальные коммуникативные причины.

Как мы упоминали выше, в некоторых языках для того, чтобы говорить о ситуации, не называя ее ядерных участников, необходимо, чтобы они были топикальными; в мокшанском для этого нужно, чтобы не только ядерные участники, но и сама ситуация была в топике, т. е. актуализована. В фокусе высказывания тогда находится обычно какой-нибудь другой, неядерный участник ситуации (97) или вообще сирконстант (99)—(100). Таким образом, для предельных глаголов имперсональная конструкция — это редуцированный способ кодирования актуализованных и поэтому коммуникативно «неинтересных» событий.

Имперсонал от предельных предикатов требует такой изысканной информационной структуры именно потому, что он находится на ранней стадии развития; как известно, регулярность модели является показателем того, насколько она грамматикализована. Вообще довольно часто бывает так, что на раннем этапе грамматикализации конструкция демонстрирует какие-то специфические ограничения, от которых в дальнейшем избавляется, расширяя сочетаемость (о «генерализации» как составной части грамматикализационного процесса см., например, [Fleischman 1982]).

Разница между неопредельными и предельными предикатами в имперсональной конструкции проявляется и еще в одной детали: только при неопредельных предикатах можно выразить прямое дополнение. Вообще прямое дополнение в имперсональных клаузах следует общему паттерну (см. раздел 2.2): для неопределенной именной группы это немаркированная форма, для определенной — либо определенный генитив, либо послеложная группа с послелогом *esə* (соответственно, при предельных и неопредельных предикатах).

Есть, однако, одна особенность. Следующие примеры показывают, что в имперсональной конструкции из трех потенциально возможных способов второй, т. е. определенный генитив, запрещен, см. (102)—(103).

- (102) [t'ε mastər-t' esə]_{PP} məz'arə n'i šta-f
 ЭТОТ ПОЛ-DEF.GEN В.1N сколько уже МЫТЬ-RES

‘Этот пол мы сколько уже **мыли**!’

- (103) *t'ε mastər-t' optəm šta-f
 этот пол-DEF.GEN полностью мыть-RES
 (Ожидаемое значение: 'Этот пол мы полностью **вымыли**'.)

Как показывает сочетаемость с обстоятельствами в (104)–(106), во всех случаях предикат интерпретируется неопределенно.

- (104) kaftə čast-t' šta-f mastər
 два час-PL мыть-RES пол
 'Мы два часа **мыли** пол'¹³.

- (105) *kaftə častə šta-f mastər
 два час:EL мыть-RES пол
 (Ожидаемое значение: 'Мы за два часа **вымыли** пол'.)

- (106) is'ak min' kectə-nək t'ε vər'gaz-t' esə uč-f
 вчера мы.OBL рука:EL-1PL.POSS этот волк-DEF.GEN в:IN ждать-RES
 'Вчера мы **ждали** этого волка' (букв. 'Вчера нашими руками этого волка **ждано**').

Определенный генитив в имперсональной конструкции невозможен ровно потому, что он должен имплицировать несовместимое с ней предельное прочтение предиката:

- (107) *t'ε sorma-t' marn'ək s'ormat-f
 этот письмо-DEF.GEN целиком писать-RES
 'Это письмо целиком **написано**'.

- (108) *t'εž očk-t' n'i pil'enda-f
 этот бревно-DEF.GEN уже пилить-RES
 'Это бревно уже **распилено**'.

В заключение отметим, что от исходного результативного значения в имперсональной конструкции не остается и следа — аспектуальную семантику имперсональных клауз можно в лучшем случае охарактеризовать как слабо перфектную. Имперсонализации (при соблюдении описанных выше ограничений на информационную структуру высказывания) могут подвергаться, например, глаголы *čatərdəms* 'скрипнуть' и *veškəms* 'свистнуть', невозможные в пассивном результате. Неопределенные предикаты, естественно, могут сочетаться с обстоятельствами типа *pel'ə častt* 'полчаса', которые описывают длительность самой ситуации, а не каких-то ее последствий. В топике такой клаузы может стоять обстоятельство закрытого временного интервала (см. хотя бы наречие *is'akəmbə* 'вчера' в (80)).

Более того, хотя к имперсональным причастиям может присоединяться копула прошедшего времени, она не вносит какого-либо существенного семантического вклада:

- (109) is'akəmbə klub-sə kiš-n'ə-f / ^{ok}kiš-n'ə-f-əl'
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES плясать-IPFV-RES-PQP
 'Вчера в клубе **плясали**'.

- (110) ingəl'ə t'ε-n' kolga-nzə koŋta-f / ^{ok}koŋta-f-əl' a t'en'i juksta-s'k
 раньше этот-GEN о-POSS.3SG говорить-RES говорить-RES-PQP а сейчас забыть-PST.3o.1PL.S.
 'Мы об этом раньше **говорили**, а теперь забыли'.

Однако ретроспективная точка отсчета, свойственная перфекту, в таких конструкциях все же сохраняется. При имперсонале на -f невозможны точечные обстоятельства времени, а значит, невозможна и актуально-длительная интерпретация:

¹³ В этом случае немаркированная форма кодирует именно прямое дополнение, а не подлежащее — это подтверждает запрет на определенный номинатив в этой же позиции:

*kaftə častə šta-f mastər-s'
 два час:EL мыть-RES пол-DEF
 (Ожидаемое значение: 'За два часа **вымыт** пол'.)

- (111) **məz'ardə* *mon* *suva-n'* *kud-u,* *t'a-sə* *kiš-n'ə-f*
 когда я войти-PST.3SG дом-ILL тот-IN плясать-IPFV-RES
 (Ожидаемое значение: 'Когда я вошел в клуб, там **плясали**'.)

Тонкости видовой семантики мокшанского имперсонала, несомненно, требуют дальнейшего изучения.

4. Заключение

Мы видим, что в двух разных конструкциях — результативной и имперсональной — грамматические свойства мокшанского результативного причастия в значительной мере различаются. Каждая из них имеет свое грамматическое значение и свои ограничения на заполнение слотов (результативная конструкция требует, чтобы заполняющие ее глаголы были предельными, а имперсональная — чтобы они были непредельными с одушевленным субъектом).

Мы полагаем, что эти ограничения можно объяснить диахронически.

Исходная точка развития — это пассивный результатив, довольно жестко ориентированный на предельные предикаты и на пациенса. Пассивный результатив — стабильный кластер, который воспроизводится в большом количестве языков, и аналогичные функции имеют образования с когнатными мокшанскому суффиксу *f*-ового причастия показателями: *-vt-* в эрзянском [Коляденков, Заводова 1962: 323], *-ttu-* в финском [Karlsson 1999: 198—200] и соответствующими суффиксами в других прибалтийско-финских языках.

Как мы предполагаем, развитие конструкции идет по пути расширения ее сочетаемости. Такое расширение в мокшанском происходит двумя способами.

Во-первых, если лексическая единица, которая должна заполнить слот конструкции, не удовлетворяет каким-либо ограничениям, то конструкция может «навязать» ей нужные грамматические признаки. Так происходит с непредельными предикатами в пассивном результате: употребляясь в таких конструкциях, они могут получать «искусственный предел» — например, от глагола «копать» образуется форма причастия со значением «накопавшийся досыта».

Во-вторых, могут расшатываться сами сочетаемостные свойства конструкции — ограничения на заполнение ее слотов. Это (как и во многих других языках) происходит с конструкцией объектного результатива, которая распространяется на класс непредельных непереходных предикатов. Так как у таких предикатов нет прямого дополнения, при пассивизации не оказывается участника, которого нужно повысить в позицию подлежащего — и в результате в новой конструкции вообще отсутствует подлежащее. При этом исходное подлежащее, так же как в конструкции объектного результатива, попадает на периферию. Следующим шагом на пути диахронического развития в полном соответствии с аналогичными процессами, зафиксированными для циркумбалтийских имперсоналов, становится возможность выражения неповышенного прямого дополнения.

Предельные предикаты употребляются в имперсональной конструкции с существенными ограничениями: во-первых, они не допускают присутствия в клаузе прямого дополнения, во-вторых, причастие от такого глагола обязательно находится в топике высказывания. Это тоже может объясняться диахроническими причинами: так как это самый новый из способов употребления *f*-ового причастия, он проявляет наибольшее количество сочетаемостных ограничений.

Рассмотренные конструкции, конечно, различаются и с точки зрения аспектуальной семантики. «Пассивные» результативы могут иметь две аспектуальные интерпретации: результативную и перфектную; для каждого из этих значений в мокшанском есть отдельный способ отрицания. Сферы действия «перфектного» и «результативного» отрицаний различаются, что позволяет предположить, что такие клаузы имеют еще и разную синтаксическую структуру. Имперсональная конструкция обозначает непредельную ситуацию, но не допускает актуально-длительной интерпретации.

Итак, в мокшанском, как и в уже описанных языках Восточной Европы, результативное причастие может демонстрировать существенно различное поведение в зависимости от синтаксической конструкции, в которой оно употребляется, и глагола, с которым оно сочетается. Это многообразие, конечно, требует дополнительного теоретического осмысления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — лица, AVL — аблатив, ADD — аддитивная фокусная частица, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — каузатив, CN — коннегатив, CONV.POS — позиционный конверб, CN — коннегатив, DAT — датив, DIM — диминутив, DEF — определенность, EL — элатив, F — женский род, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — императив, IN — инессив, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, NEG — отрицание, NEG.NFIN — нефинитное отрицание, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, O — объектный согласовательный показатель, OBL — косвенная основа, PASS — пассив, PL — множественное число, POSS — посессивный показатель, POP — плюсквамперфект, PROL — пролатив, PRON — прохибитив, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, PTCP.ACT — действительное причастие, RES — результатив, S — субъектный согласовательный показатель, SG — единственное число, SMLF — семейфактив, TRANSL — транслатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meaning. Assessment, event, fact]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953. [Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [A historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1953.]
- Зализняк 1990 — Зализняк Анна А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Арутюнова Н. Д. (ред). Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21—33. [Zalizniak Anna A. On the concept of fact in linguistic semantics. *Logicheskii analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*. Arutyunova N. D. (ed). Moscow: Nauka, 1990. Pp. 21—33.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. Russian from the typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Коляденков, Заводова 1962 — Коляденков М. Н., Заводова Р. А. (ред). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962. [Kolyadenkov M. N., Zavadova R. A. (eds). *Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov* [A grammar of the Mordvin languages (Moksha and Erzya)]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1962.]
- Ландер 2003 — Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени // Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2003. С. 300—312. [Lander Yu. A. Perfect and adverbial modifiers of specific time. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2003. Pp. 300—312.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков В. П. (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5—41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. Typology of resultative structures. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5—41.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativ)* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]

- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке // Выдрин В. Ф. и др. (ред.) Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова. М.: Знак, 2010. С. 240—252. [Paducheva E. V. Perfective verbs in Russian: The meaning of state and event. *Problemy grammatiki i tipologii. Sbornik statei pamyati V. P. Nedyalkova*. Vydrin V. F. et al. (eds). Moscow: Znak, 2010. Pp. 240—252.]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (гл. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59—141. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differential direct object marking in the Finno-Ugrian languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A. I. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 59—141.]
- Стенин 2013 — Стенин И. А. Мокшанская деривация на -v-. Доклад на Первом воркшопе по мордовским языкам (филологический факультет МГУ, 14 декабря 2013 г.), 2013. [Stenin I. A. *Mokshanskaya derivatsiya na -v-. Doklad na Pervom vorkshope po mordovskim yazykam (filologicheskii fakul'tet MGU, 14 dekabrya 2013 g.)* [Moksha derivation in -v-. A paper presented at the 1st workshop on the Mordvin languages (Moscow State Univ., Philology Department, December 14, 2013)], 2013.]
- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. [Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike*. Dokt. diss. [Actionality in lexicon and grammar. Doct. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2010.]
- Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Бондарко А. В., Кустова Г. И., Розина Р. И. (ред.) Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773—789. [Testelets Ya. G. Sentence structure with a covert copula in Russian. *Dinamicheskie modeli. Slovo, predlozhenie, tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Bondarko A. V., Kustova G. I., Rozina R. I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 773—789.]
- Цыпкайкина 2007 — Цыпкайкина В. П. Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2007. [Tsyпкаikina V. P. *Temporal'nost' v mordovskikh yazykakh i printsipy ee opisaniya* [Temporality in the Mordvin languages and the principles of its description]. Saransk: Mordovia State Univ. Publ., 2007.]
- Abraham 2011 — Abraham W. Verbs of motion. Impersonal passivization between unaccusativity and unergativity. *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Malchukov A., Siewierska A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 91—125.
- Abraham, Leiss 2006 — Abraham W., Leiss E. The impersonal passive: Voice suspended under aspectual conditions. *Passivization and typology: Form and function*. Abraham W., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 502—517.
- Asher 1993 — Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs, aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 385—402.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. Vol. 67. No. 3. Pp. 547—619.
- Fleischman 1982 — Fleischman S. *The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Geniušene 2006 — Geniušene E. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian). *Passivization and typology: form and function*. Werner A., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 29—61.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. *Voice: Form and function*. Fox B., Hopper P. J. (eds). (= Typological studies in language. Vol. 27.) Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 151—177.
- Holvoet 2002 — Holvoet A. Impersonals and passives in Baltic and Fennic. *The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach. Vol. 2: Grammar and typology*. Dahl Ö., Koptevskaja-Tamm M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Pp. 363—389.
- Karlsson 1999 — Karlsson F. *Finnish: An essential grammar*. London: Routledge, 1999.

- Kholodilova 2015 — Kholodilova M. Moksha non-verbal predication. *Suomalais-Ugrilaise Seuran Aika-kauskirja* [Mordvin Languages in the Field]. In press.
- Malchukov, Siewierska 2011 — Malchukov A., Siewierska A. Introduction. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Malchukov A., Siewierska A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 1—16.
- Peterson 1997 — Peterson D. *Facts, propositions, events*. Dordrecht: Kluwer, 1997.
- Perlmutter 1978 — Perlmutter D. M. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Proceedings of the 4th Annual meeting of the Berkley linguistic society*. Vol. 4. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1978. Pp. 157—189.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous Past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. Vol. 59. No. 4. Pp. 317—349.
- Primus 2010 — Primus B. Animacy and telicity: Semantic constraints on impersonal passives. *Lingua*. 2011. Vol. 121. No. 1. Pp. 80—99.
- Seržant 2011 — Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal approach. *Lingua*. 2011. Vol. 122. No. 4. Pp. 356—385.
- Shibatani 1998 — Shibatani M. Voice parameters. *Typology of verbal categories*. Kulikov L., Vater H. (eds). Tübingen: Niemeyer, 1998. Pp. 117—138.
- Tommola 2000 — Tommola H. On the perfect in North Slavic. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 441—478.
- Turunen 2006 — Turunen R. Complex morphosyntactic features in nominal predicates in Erzya. *SKY Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 19. Pp. 173—187.
- Turunen 2010 — Turunen R. *Nonverbal predication in Erzya. Studies on morphosyntactic variation and part of speech distinctions*. PhD thesis. Helsinki: University of Helsinki, 2010.
- Wiemer 2004 — Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 271—331.
- Zaenen 1993 — Zaenen A. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics. *Semantics and the Lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1993. Pp. 129—161.

Статья поступила в редакцию 23.01.2015.

К ВОПРОСУ ОБ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НАНАЙСКОГО ЯЗЫКА*

© 2016 г. **Софья Алексеевна Оскольская**

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация
sonypolik@mail.ru

В статье исследуется аспектуальная система нанайского языка с точки зрения наличия в ней признаков словоизменительного и деривационного типов видовой системы. С этой целью рассматриваются устройство видо-временной системы, а также акциональные характеристики нанайских глаголов. Оказывается, что в нанайском языке присутствуют черты обеих систем, при этом ни одна из систем не грамматикализована полностью, что позволяет говорить о наличии в языке видовой системы «смешанного» типа.

Ключевые слова: акциональность, аспект, нанайский язык, словоизменительный вид, словоклассифицирующий вид

A STUDY OF THE ASPECTUAL SYSTEM OF NANAI

Sofia A. Oskolskaya

Institute for Linguistic Studies, St. Petersburg, 199053, Russian Federation
sonypolik@mail.ru

This paper deals with the aspect system of the Nanai language. Data are analyzed in the context of two types of aspect systems: inflectional and derivational. For this purpose, tense-aspect system and actionality features of Nanai verbs are described in two sections of the article. It turns out that Nanai has features of both kinds of systems. At the same time, neither of the systems is fully grammaticalized in Nanai. This allows us to conclude that Nanai has a «mixed» type of aspect system.

Keywords: actionality, aspect, derivational aspect, inflectional aspect, Nanai language

1. Введение

Прототипические аспектуальные значения — значения линейного аспекта (см. [Плунгян 2011: 384—385]), т. е. прогрессив, проспектив, результатив, инцептив/ингрессив и лимитатив — находят грамматическое выражение во всех известных языках. Это означает, что неизвестны такие языки, в которых все глагольные словоформы были бы нейтральны в аспектуальном отношении (см. раздел «Об универсальности вида» в [Татевосов, в печати]). В аспектологии принято противопоставлять две зоны аспектуальных значений: имперфектив и перфектив. В случае имперфектива окно наблюдения находится внутри ситуации, в случае перфектива — выходит за рамки ситуации (см. [Klein 1994; Comrie 1976] и многие другие).

Противопоставление перфектива и имперфектива, или перфективных и имперфективных кластеров значений по [Плунгян 2011; 2012], может иметь разную грамматическую реализацию в языках мира. В некоторых языках аспектуальные значения выражаются с помощью

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда № 14-18-03406 «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)».

Я благодарна анонимному рецензенту, редактору Н. Л. Артамоновой и Н. М. Стойновой за ценные замечания к предыдущим версиям статьи. Все недочеты и ошибки остаются на моей совести.

глагольных форм (так называемый словоизменительный вид). В этом случае любая (или почти любая) глагольная лексема может употребляться в той или иной форме и в зависимости от формы приобретать перфективную или имперфективную интерпретацию. Примером такого языка может служить английский. Другим способом грамматикализации аспектуальных значений является словоклассифицирующий (деривационный) вид. В этом случае перфективные или имперфективные значения присущи самой глагольной лексеме, а не конкретной форме. К языкам со словоклассифицирующим видом относятся славянские языки, самодийские и др. Словоизменительные и словоклассифицирующие видовые системы обсуждаются в работах [Плунгян 2011: 380—381; Татевосов 2005, в печати]. Деривационные и словоизменительные видовые системы часто противопоставляются между собой, и для этого есть основания: логически невозможно представить систему, в которой каждая глагольная лексема характеризуется перфективным или имперфективным аспектом и в то же время может употребляться как в имперфективных, так и в перфективных формах. При этом, по всей видимости, существует промежуточный вариант видовой системы, который условно можно назвать «смешанным»: это система, в которой аспектуальное значение в некоторых случаях задается глагольной формой, а в других — глагольной лексемой. Одним из языков со «смешанной» видовой системой является нанайский (< тунгусо-маньчжурские).

Данная статья посвящена описанию грамматических способов выражения аспектуальных значений в нанайском языке. Эта тема в той или иной степени затрагивалась во многих работах, посвященных нанайскому языку [Петрова 1941; Аврорин 1948; 1961; Суник 1962; Kazama 2010b]. Однако имеющиеся описания оказалось недостаточно для формирования целостного представления об устройстве аспекта в нанайском языке, поэтому при написании этой статьи были использованы данные устных текстов, а также данные анкетирования, собранные у носителей среднеамурского диалекта. В анкете исследовалось поведение 108 нанайских глаголов, из которых 69 являются непроеизводными. Глаголы были подобраны таким образом, чтобы по возможности охватить максимальное число глагольных классов, различающихся по синтаксическим характеристикам (количество аргументов), семантическим свойствам участников (агентивные/пациентивные участники), аспектуальным свойствам. Эта выборка была создана на основе аналогичных выборок глаголов, представленных в работах [Лютикова и др. 2006; Овсянникова 2009; Мищенко 2012]. Данная анкета была составлена таким образом, чтобы выявить, какие аспектуальные интерпретации способны получать глаголы в разных видо-временных формах, а также какие средства могут использоваться непроеизводные глаголы для выражения перфективных или имперфективных значений. Помимо этого, с помощью анкеты из работы [Dahl 1985] были внесены небольшие изменения в описание видо-временной системы нанайского языка.

2. Видо-временная система в нанайском языке

Описание словоизменительной видовой системы подразумевает рассмотрение временной системы глагола, прежде всего изъявительного наклонения как наиболее нейтрального в семантическом (да и морфологическом) отношении. В нанайском языке в качестве основных временных форм изъявительного наклонения можно выделить три синтетические (прошедшее время, непроедшее время и будущее время) и две аналитические формы (имперфект и давнопрошедшее время).

Формы прошедшего и непроедшего времени восходят к причастным и в современном нанайском также могут употребляться в функции причастий (например, возглавлять вершину относительного оборота). Поэтому в литературе по нанайскому языку эти формы называются причастными¹.

¹ При этом к формам изъявительного наклонения некоторые исследователи (например, [Суник 1962: 313]) относят совсем другие глагольные формы — те, которые В. А. Аврорин относит к так называемому «утвердительному» наклонению [Аврорин 1961: 101].

Все формы присоединяют лично-числовые показатели именной притяжательной или собственно глагольной серии, выбор серии зависит от причастного/глагольного происхождения формы. При этом в формах 3-го лица обоих чисел соответствующие показатели часто опускаются. Более того, в устных текстах можно встретить редкие примеры, в которых также опускаются показатели 1-го или 2-го лица. Причины, от которых зависит появление/опущение лично-числового показателя, пока не выяснены.

Форма прошедшего времени образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-xa(n)/-xə(n)/-ki(n)/-či(n)*² и лично-числового показателя из серии именных притяжательных показателей. Эта форма является аспектуально нейтральной: глаголы в прошедшем времени могут иметь имперфективную, точнее прогрессивную, значение (i), и перфективную, значение (ii), интерпретации.

- (1)³ *Mi žok-či ži-žu-j-či-jə-wə, ama jama-wa tulə-du xulə-xə-ni.*
 1SG дом-DIR приходить-REP-NPST-DIR-P.1SG-OBL отец яма-OBL двор-DAT копать-PST-P.3SG
 i. ‘Когда я пришел домой, отец (в это время) копал яму во дворе’.
 ii. ‘Когда я пришел домой, отец (после этого) выкопал яму во дворе’.

Также форма прошедшего времени может использоваться для выражения хабитуального значения:

- (2) *Mi amim-bi tul=tul xončera-xə-ni.*
 1SG отец-P.REFL.SG часто храпеть-PST-P.3SG
 ‘Мой отец часто храпел’.

Однако в нанайском языке есть другие средства, которые используются для выражения хабитуального значения гораздо чаще.

Форма непроедшего времени образуется от глагольной основы с помощью суффикса *-j/-ri/-ži/-či* и лично-числового показателя из серии именных притяжательных показателей. В аспектуальном отношении эту форму можно считать имперфективной: преобладающее большинство глаголов в этой форме могут иметь прогрессивное (3) или хабитуальное (4) значение с референцией к настоящему.

- (3) *Ič-u: əj naonžokan Maŋbo-či tutu-j-ni.*
 видеть-IMP этот мальчик Амур-DIR бежать-NPST-P.3SG
 ‘Смотри: этот мальчик бежит к Амуру’.
- (4) *N'oani bičəxə-wə niru-j-ni.*
 3SG письмо-OBL писать-NPST-P.3SG
 {— Что твой брат обычно делает после завтрака? —} ‘Он пишет письма’.

Форма непроедшего времени, образованная от некоторых глаголов, обозначающих состояния, получает дуративную интерпретацию:

- (5) *Maša əži-či-i təžiə-j-ni.*
 Маша муж-DIR-P.REFL.SG верить-NPST-P.3SG
 ‘Маша верит своему мужу’.

Форма непроедшего времени может употребляться также с референцией к будущему, ср. (6) и (7). В этом случае она имеет уже перфективное прочтение.

² Выбор варианта здесь и в остальных случаях зависит от ряда параметров: от правил сингармонизма, типа спряжения глагола и последующего показателя или его отсутствия.

³ Примеры без специальных помет получены путем элицитации у носителей среднеамурского диалекта нанайского языка в 2007—2015 гг.

- (6) Пример из текста (записан в п. Вознесенское в 2011 г.)
 <вот> ələ ələ žukə ənə-j
 <вот> скоро скоро лед идти-NPST
 ‘Вот скоро лед пойдет’. (Референция к будущему.)
- (7) — Si xaj-du bi-i-si? — Mi škola-či ənə-j-i.
 2SG что-DAT быть-NPST-P.2SG? 1SG школа-DIR идти-NPST-P.1SG
 {Мама звонит дочке на мобильный:} ‘— Ты где сейчас? — Я иду в школу’. (Прогрессивная интерпретация.)

Для некоторых пунктивных глаголов такое перфективное употребление формы не прошедшего времени с референцией к будущему является единственно допустимым (8), если не считать также возможные для отдельных глаголов хабитуальные употребления (9).

- (8) Daan'a (ələ.ələ) očki-wa baa-go-j-ni.
 бабушка вот.вот очки-OBL находить-REP-NPST-P.3SG
 ‘Бабушка (вот-вот) найдет очки’.
- (9) Enda-wa ičə-pi nəu-i ɲələ-j-ni.
 собака-OBL видеть-CVB.COND.SG младший.брат-P.1SG пугаться-NPST-P.3SG
 ‘Когда мой младший брат видит собаку, он пугается ее’.

У других пунктивных глаголов форма не прошедшего времени, по всей видимости, не употребляется, по крайней мере в функции вершины независимой клаузы. Так, невозможно образовать эту форму от глагола *gudəli* ‘оторвать’.

Кроме того, форма не прошедшего времени может также употребляться при референции к прошлому в прогрессивных (10) и делимитативных (11) контекстах⁴.

- (10)⁵ Mi boa-či iču-wuči-j-ə, ča-du ničən dəgdə-j-ni.
 1SG небо-DIR ичь-уичи-j-ə, эча-ду этот-DAT птица лететь-NPST-P.3SG
 ‘Когда я посмотрел на небо, там летела птица’.
- (11) Muə kran-žeaži n'anga sabda-j-ni.
 вода кран-AVL немного капать-NPST-P.3SG
 ‘Вода из крана немного покапала’ {а потом перестала}.

Хотя такие примеры, как (10)—(11), встречаются не только в текстах, но и при элицитации, они все же маргинальны, что позволяет называть рассматриваемые формы термином «непрошедшее время».

В большинстве работ по нанайскому языку формы прошедшего и не прошедшего («настоящего-будущего») времени считаются временными формами [Петрова 1941; 1960; Суник 1962; Kazama 2010a; 2010b]. Но интересно, что В. А. Аврорин в статье [Аврорин 1948] высказывал точку зрения, согласно которой данные формы видовые, а не временные: форма прошедшего времени является, по его мнению, формой окончательного вида, а форма не прошедшего времени — формой неокончательного вида. Свою аргументацию В. А. Аврорин строит на таких употреблениях этих форм, в которых они занимают позиции синтаксических зависимых и обозначают не абсолютное время, а значения относительного времени: одновременность (форма не прошедшего времени) и предшествование или следование (форма прошедшего времени). Таким образом, речь идет не об аспекте, а о таксисе, который в те годы еще не выделялся в отдельную категорию. В дальнейшем

⁴ Употребление формы прошедшего времени в делимитативных контекстах с референцией к прошлому также возможно.

⁵ Примеры (10)—(11) были реакцией носителя на соответствующие стимулы на нанайском языке, которые отличались лишь тем, что в них была употреблена форма прошедшего времени. Таким образом, употребление формы не прошедшего времени, видимо, неслучайно и не является ошибкой информанта в понимании контекста.

В. А. Аврорин отказался от этой точки зрения, признав, что в современном нанайском языке рассматриваемые формы являются временными, хотя исторически они, вероятно, восходят к видовым [Аврорин 1961: 77—78].

Форма будущего времени морфологически относится к так называемому «утвердительному наклонению»⁶. Помимо будущего времени, «утвердительное наклонение» включает в себя формы прошедшего и настоящего времени. Эти формы являются собственно глагольными, а не причастными и характеризуются специальными временными показателями. Кроме того, от рассмотренных выше форм прошедшего и непрошедшего времени, имеющих причастное происхождение, они отличаются тем, что присоединяют лично-числовые показатели глагольной серии. Формы «утвердительного наклонения» прошедшего и настоящего времени используются гораздо реже, чем формы изъявительного наклонения, и в основном в эмфатических контекстах, причем преобладает употребление форм 1-го и 2-го лица:

- (12) *Mi un-dəm-bi.*
1SG говорить-ASSERT.NPST-1SG
'Я (ведь) говорю'.

Форма будущего времени содержит специализированный показатель *-ʒa(m)/-ʒə(m)*, а также суффикс непрошедшего времени утвердительного наклонения *-ra/-rə*:

- (13) *N'oani xola-ʒa-ra-Ø.*
3SG читать-FUT-ASSERT.NPST-3SG
'Он прочитает'.

Кроме того, форма будущего времени не может использоваться в функции причастия (возглавлять относительный оборот, употребляться в атрибутивной функции). Это позволяет морфологически относить форму будущего времени к утвердительному наклонению. Однако форма будущего времени, в отличие от других форм утвердительного наклонения, употребляется в нейтральных, неэмфатических контекстах и является основным способом референции к будущему. Поэтому кажется резонным относить ее к изъявительному наклонению и ставить в один ряд с формами, имеющими причастное происхождение. Более подробно об этой проблеме см. работу [Стойнова 2013].

В аспектуальном отношении форма будущего времени нейтральна и может употребляться как в имперфективных (14), так и в перфективных (15) контекстах.

- (14) Пример из текста (записан в с. Найхин в 2009 г.)
mii ələ tuəgu-j=goani
1SG достаточно зима.наступает.REP-NPST=PART
mii jəru-či ii-rə ao-ʒam-bi
1SG берлога-DIR входить-CVB.NSIM спать-FUT.ASSERT.NPST-1SG
tara un-ʒi-ni
медведь сказать-NPST-P.3SG

'«Я скоро, когда зима придет, я буду спать в берлоге», — говорит медведь' (букв. 'войдя в берлогу, буду спать'). (Имперфективная интерпретация.)

- (15) Пример из текста (записан в с. Даерга в 2012 г.)
aja, ʒeaja modan ʒi-ʒu-j-si
ладно следующий раз приходить-REP-NPST-P.2SG
все равно baa-go-ʒam-bi un-ʒi-ni
все равно находить-REP-FUT.ASSERT.NPST-1SG сказать-NPST-P.3SG
'«Ничего, в следующий раз придешь — все равно найду», — говорит'. (Перфективная интерпретация.)

⁶ «Утвердительное наклонение» некоторые исследователи называют изъявительным наклонением, см. [Суник 1962: 328].

Аналитические формы (имперфект и давнопрошедшее) традиционно не включаются в глагольную парадигму и оказываются на периферии грамматических описаний. Исследователи нанайского языка воспринимали аналитические формы/конструкции как альтернативное средство для более точного обозначения действия или события в прошлом (см. [Петрова 1941: 79; Аврорин 1961: 98; Ким Чер Лен 1966; 1968]). Однако оказывается, что, во-первых, эти конструкции употребляются в устных текстах довольно часто, а во-вторых, по данным элицитации, в некоторых контекстах невозможна замена аналитической конструкции на форму прошедшего времени. Кроме того, эти аналитические конструкции оказываются в большой степени грамматикализованы, что позволяет рассматривать возможность их включения в глагольную парадигму. Свойства аналитических конструкций в нанайском языке подробно обсуждаются в статье [Оскольская, в печати].

Имперфект представляет собой сочетание причастия непрошедшего времени и глагола *bi-* ‘быть’ в прошедшем времени. Лично-числовой показатель из серии именных притяжательных показателей может присоединяться к любому элементу конструкции, присутствовать одновременно на смысловом и вспомогательном глаголах или вовсе отсутствовать. Чаще всего лично-числовой показатель присоединяется к глаголу *bi-* ‘быть’.

Основная функция имперфекта — обозначение хабитуального действия в прошлом:

- (16) Пример из текста, записанного В. А. Аврориным [Аврорин 1986: текст 38]
Jajkaan mori-i-wa-ni aamda-mi žari-i bi-či-ni.
 птица кричать-NPST-OBL-P.3SG подражать-CVB.SIM.SG петь-NPST быть-PST-P.3SG
 ‘(Раньше) он пел, подражая крику птицы’.

Также имперфект может выражать дуративное значение в прошлом:

- (17) *Balapči omol gojdami plat’je-či ač-i bi-čin.*
 давний пояс долго платье-DIR подходить-NPST быть-PST
 ‘Старый пояс долго подходил к платью {а потом выпцвел}’.

Употребление имперфекта в перфективных контекстах, по всей видимости, невозможно, что позволяет относить эту форму к имперфективной зоне.

Другая аналитическая конструкция, **давнопрошедшее время**, представляет собой сочетание причастия в прошедшем времени и глагола *bi-* ‘быть’ также в прошедшем времени. Как и в имперфекте, лично-числовой показатель может присоединяться к любому элементу, присутствовать на обеих единицах или же вовсе отсутствовать. Но в этой конструкции лично-числовой показатель чаще всего оказывается на смысловом причастии, а не на глаголе *bi-*.

Форма давнопрошедшего времени особенно часто встречается в рассказах о событиях, которые произошли задолго до момента речи, либо в сказках и легендах. Основная функция давнопрошедшего — дискурсивная: эта форма маркирует возврат к основной линии повествования после небольшого отступления:

- (18) Пример из текста (записан в с. Даерга в 2012 г.)
Elan klasa-wa sela xože-xam-bi bi-čim-bi.
 три класс-OBL еле заканчивать-PST-P.1SG быть-PST-P.1SG
 {Зачем я ходила в школу?} ‘Я три класса еле закончила’.

В тексте, из которого взят пример (18), информантка рассказывает о своем детстве, в частности о том, как она плохо училась в школе. Предложению (18) предшествует фраза с риторическим вопросом ‘Зачем я ходила в школу?’, которая является отступлением от собственно нарративного режима.

В аспектуальном отношении эта форма, как кажется, является нейтральной и употребляется как в перфективных, так и в имперфективных контекстах.

Помимо пяти описанных временных форм, вероятно, необходимо упомянуть аналитическую конструкцию, состоящую из деепричастия одновременности и глагола *bi-* ‘быть’, который может меняться по временам, а также иметь разные наклонения. Эта конструкция не упоминается в грамматиках нанайского языка и в текстах встречается довольно редко, хотя при элицитации носители ее иногда употребляют. Во всех примерах эта конструкция имеет прогрессивное или дуративное прочтение:

- (19) Пример из текста, записанного В. А. Аврориным [Аврорин 1986: текст 38]

Sokta-ni ojaa-la-ni əm ambaan təə-si-mi bi-i-ni.
 лыжи-Р.3SG верх-LOC-Р.3SG один тигр сидеть-IPFV-CVB.SIM.SG быть-NPST-Р.3SG
 ‘На лыжах тигр сидит’.

Подводя итог рассмотрению глагольных форм, можно заметить, что только две формы из пяти и одна периферийная конструкция специально окрашены с точки зрения линейного аспекта: форма непрошедшего времени, имперфект и аналитическая конструкция с деепричастием (19). При этом нет ничего удивительного в том, что основная форма для выражения референции к настоящему — непрошедшее время — ведет себя как имперфективная, поскольку настоящее время само по себе предполагает вложение окна наблюдения в ситуацию, т. е. имперфективную интерпретацию. Употребление формы настоящего времени в перфективных контекстах в любом случае является некоторым отклонением. Остальные же формы (прошедшее время, будущее время, давнопрошедшее) оказываются скорее нейтральными в аспектуальном отношении.

3. Акциональность и словоклассифицирующий вид в нанайском языке

Наличие словоклассифицирующего вида в языке отражается на акциональной классификации глаголов. С. Г. Татевосов показывает, что глаголы в языках со словоклассифицирующим видом имеют, условно говоря, в два раза меньше интерпретаций, чем в языках со словоизменительным видом, иными словами, число возможных интерпретаций одного глагола в языке со словоизменительным видом обычно соответствует сумме интерпретаций двух глаголов — перфективного и имперфективного — в языке со словоклассифицирующим видом, см. [Татевосов, в печати].

По методике С. Г. Татевосова для выявления акциональной характеристики глагола необходимо понять, какие значения может получить глагол в имперфективной и перфективной формах⁷. При применении такой методики к языку со словоклассифицирующим видом следует ожидать, что преобладающее большинство глаголов распадется на две большие группы: в одну группу будут входить глаголы, которые в условной перфективной форме (например, в форме прошедшего времени) имеют только перфективные значения (ср. русск. *сделал* — значение вхождения в состояние), а в условной имперфективной форме (например, в форме настоящего времени) либо не употребляются вовсе, либо не имеют имперфективных значений (ср. *сделает* — то же значение с референцией к будущему, а не прогрессив в настоящем, как можно было бы ожидать по форме); в другую группу будут входить глаголы, которые в условной перфективной форме имеют только имперфективные значения (ср. *делал* — значение процесса) и в условной имперфективной форме

⁷ Имперфективность/перфективность форм, разумеется, условная: выбираются те формы, которые с большей вероятностью можно встретить в имперфективных/перфективных контекстах соответственно. Для языков с грамматикализированным деривационным видом процедура немного отличается. Но нанайский язык не может быть однозначно отнесен к таким языкам. Для языков же, в которых нет очевидной перфективной и имперфективной формы, рекомендуется брать основную форму, которая используется для референции к настоящему, в качестве имперфективной и основную форму, используемую для референции к прошлому, в качестве перфективной. В сущности, именно по этому пути я и шла при выявлении акциональных глагольных классов в нанайском.

также имеют имперфективные значения (ср. *делает* — то же значение процесса). А в языке со словоизменительным видом в перфективной форме все (или почти все) глаголы будут иметь перфективную интерпретацию.

Для исследования нанайской глагольной лексики в качестве имперфективной я выбрала форму непрошедшего времени, а в качестве перфективной — форму прошедшего времени изъявительного наклонения. Была составлена анкета, на основании которой удалось выявить, какие акциональные характеристики имеют 108 глагольных лексем, т. е. какие интерпретации могут получать глаголы в формах непрошедшего и прошедшего времени (о том, каким образом выбирались предикаты для анкеты, см. выше, во Введении). Благодаря этой процедуре удалось выделить акциональные глагольные классы нанайского языка.

Возникает вопрос, насколько корректно судить об акциональной классификации глаголов на основании всего лишь двух форм. Можно предположить, что если бы за основу были взяты другие формы (например, будущего времени и имперфекта), то классификация получилась бы совсем иной. Проверить это можно было бы эмпирическим путем, выявив с помощью эlicitации возможные интерпретации выбранных лексем во всех глагольных формах. Однако, как кажется, нет острой необходимости выполнять такую трудоемкую задачу. Во-первых, исследования С. Г. Татевосова показали, что

...на частно-языковом уровне акциональное разнообразие, которое наблюдается у видо-временных форм глаголов, сводится к двум возможностям — к акциональным характеристикам **основной перфективной** и **основной имперфективной формы**. Характеристики прочих форм либо **совпадают** с ними, либо **предсказуемо выводятся** из них [Татевосов, в печати, раздел «Эпизодические употребления и (им)перфективность»].

Во-вторых, примеры употребления тех же самых глаголов в нанайских текстах в разнообразных формах подтверждают приведенный вывод: не было обнаружено таких употреблений, которые противоречили бы акциональным характеристикам глаголов, полученным с помощью сбора анкеты.

Итак, с помощью анкеты была выявлена акциональная классификация нанайских глаголов. На основании того, какие интерпретации имеют глагольные формы в непрошедшем и прошедшем времени с точки зрения перфективности/имперфективности, можно объединить акциональные классы в аспектуальные группы. В итоге в нанайском языке можно выделить четыре аспектуальных группы: перфективные, пунктивные, имперфективные и нейтральные глаголы.

1. **Перфективные глаголы**. К этой группе относятся глаголы, которые в форме непрошедшего времени имеют имперфективную интерпретацию, а в форме прошедшего времени могут иметь только перфективную интерпретацию:

- (20a) *Mi n̄au-i əsi bičx̄a-wə n̄iru-j-ni.*
1SG мл.брат-P.1SG сейчас письмо-OBL писать-NPST-P.3SG
'Мой младший брат сейчас пишет письмо'.

- (20б) *Mi ži-wuči-i-wə, n̄au-i bičx̄a-wə n̄iru-x̄a-ni.*
1SG прийти-CVB.COND2-P.1SG-OBL мл.брат-P.REFL.SG письмо-OBL писать-PST-P.3SG
i. 'Когда я пришел, мой младший брат написал письмо'. (Перфективная интерпретация.)
ii. *'Когда я пришел, мой младший брат (в это время) писал письмо'. (Имперфективная интерпретация.)

2. **Пунктивные глаголы**⁸. В эту группу попадают глаголы, которые в форме прошедшего времени имеют только перфективную интерпретацию, а в форме непрошедшего времени либо не употребляются вовсе, либо имеют перфективное прочтение с референцией к будущему.

⁸ Эту группу можно было бы считать подгруппой перфективных глаголов. Как кажется, этот вопрос касается лишь представления полученных результатов и на содержательной части

- (21a) *Sagži daan'a bu-ži-ni.*
 старый бабушка умереть-NPST-P.3SG
 i. 'Старая бабушка (вот-вот) умрет'. (Перфективная интерпретация.)
 ii. *'Старая бабушка умирает'. (Имперфективная интерпретация.)
- (21b) *Piktə ži-žu-j-čə-ni-jə, daan'a buj-ki-ni.*
 ребенок приходить-REP-NPST-DIR.OBL-P.3SG-OBL бабушка умереть-PST-P.3SG
 i. 'Когда дочка/сын вернулась, бабушка умерла'. (Перфективная интерпретация.)
 ii. *'Когда дочка/сын вернулась, бабушка (в это время) умирала'. (Имперфективная интерпретация.)

3. Имперфективные глаголы — глаголы, которые и в форме непрошедшего, и в форме прошедшего времени могут иметь только имперфективные значения.

- (22a) *Uj=də, uj=də boə-la mori-ni.*
 кто=PART.EMPH кто=PART.EMPH вне.дома-LOC кричать-NPST-P.3SG
 {— Что за шум? —} 'Кто-то на улице кричит'.
- (22b) *Mi komnata-či ii-wuči-jə,*
 1SG комната-DIR входить-CVB.COND2-P.1SG
əjkə-i ak-či-jə mora-xa-ni.
 старшая.сестра-P.1SG старший.брат-DIR-P.REFL.SG кричать-PST-P.3SG
 i. 'Когда я вошел в комнату, моя старшая сестра (в это время) кричала на своего старшего брата'. (Имперфективная интерпретация.)
 ii. *'Когда я вошел в комнату, моя старшая сестра крикнула / накричала / закричала на своего старшего брата'. (Перфективная интерпретация.)

4. Нейтральные глаголы — глаголы, которые в форме непрошедшего времени имеют имперфективную интерпретацию, а в форме прошедшего времени могут иметь как имперфективное, так и перфективное прочтение (см. примеры (1) и (23)).

- (23) *N'oani čogdo-wa tulə-du xulə-j-ni.*
 3SG яма-OBL двор-DAT копать-NPST-P.3SG
 {— Где отец? —} 'Он копает яму во дворе'.

В таблице перечислены акциональные классы, которые объединяются в выделенные аспектуальные группы глаголов. В скобках на первом месте указано количество производных глаголов, относящихся к соответствующей группе, а на втором месте — общее количество глаголов, включая и производные. Естественно, в числах возможна небольшая погрешность, связанная со спецификой элицитации: нельзя гарантировать, что во всех случаях между носителем и исследователем было полное взаимопонимание. В последних двух столбцах приводятся примеры глаголов в имперфективной (NPST) и перфективной (PST) формах и их возможные интерпретации.

Глядя на таблицу, можно заметить, что бо́льшая часть глагольной лексики в нанайском языке оказывается аспектуально окрашена: 80 глаголов (перфективные, имперфективные и пунктивные), или 74 %, в форме прошедшего времени приобретают определенное аспектуальное значение в зависимости от своей акциональной характеристики. А если учитывать только производные глаголы, т. е. такие, которые не содержат никаких деривационных аспектуальных показателей, то доля аспектуально окрашенных глаголов составляет 71 % (49 глаголов из 69). Такая ситуация напоминает язык со словоклассифицирующим видом. Факт наличия нейтральных глаголов не сильно этому противоречит: в языках со словоклассифицирующим видом также есть некоторое количество аспектуально нейтральных глаголов

не сказывается. В данном случае пунктивные глаголы выделяются в отдельную группу на том основании, что при классификации учитывалось поведение глаголов в обеих формах, а в имперфективной форме непрошедшего времени они ведут себя иначе, чем перфективные глаголы.

Таблица

Акциональные классы нанайских глаголов

Аспекту- альная группа	Акцио- нальный класс	ПРИМЕРЫ ГЛАГОЛОВ	
		NPST показатель -j/-ri/-ʒi/-či	PST показатель -xa(n)/-xə(n)/-ki(n)/-či(n)
перфективные (25/33)	предельные (15/21)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>eli-ni</i> 'встает'; <i>alosi-ni</i> 'объясняет'; <i>esi-ni</i> 'достигает'; <i>guup-či-ni</i> 'гаснет'; <i>jəwəri-i-ni</i> 'наливает'; <i>n'aa-ri-ni</i> 'гниет'; <i>niru-j-ni</i> 'пишет'; <i>oʒo-j-ni</i> 'целует'; <i>tuu-ri-ni</i> 'падает'; <i>uun-ʒi-ni</i> 'тает'; <i>xaŋma-j-ni</i> 'вянет'; <i>xətə-j-ni</i> 'побеждает'; <i>xolgo-j-ni</i> 'сохнет'; <i>ʒapa-j-ni</i> 'берет'; <i>kaltaa-ri-ni</i> 'трескается'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ele-xa-ni</i> 'встал'; <i>alose-xa-ni</i> 'объяснил'; <i>ese-xa-ni</i> 'достиг'; <i>guukpi-ni</i> 'погас'; <i>jəwəri-xə-ni</i> 'налил'; <i>n'aa-xa-ni</i> 'сгнил'; <i>niru-xə-ni</i> 'написал'; <i>oʒo-xa-ni</i> 'поцеловал'; <i>tuu-xə-ni</i> 'упал'; <i>uun-ki-ni</i> 'растаял'; <i>xaŋma-xa-ni</i> 'завял'; <i>xətə-xə-ni</i> 'победил'; <i>xolgo-xa-ni</i> 'высох'; <i>ʒapa-xa-ni</i> 'взял'; <i>kaltaa-xa-ni</i> 'треснул'
	ингрессивно- непредельные (2/2)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>tutu-j-ni</i> 'бежит'; <i>dəgdə-j-ni</i> 'летит'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>tutu-xə-ni</i> 'побежал'; <i>dəgdə-xə-ni</i> 'полетел'
	инцептивно-стативные (8/10)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>saa-ri-ni</i> 'знает'; <i>gəkči-i-ni</i> 'мерзнет'; <i>ičə-j-ni</i> 'видит; смотрит'; <i>jada-j-ni</i> 'является уставшим'; <i>mutə-j</i> 'может'; <i>otoli-i-ni</i> 'понимает'; <i>təʒiə-ri-ni</i> 'верит'; <i>xaolo-j-ni</i> 'является опухшим'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>saa-xa-ni</i> 'узнал'; <i>gəkči-xə-ni</i> 'замерз'; <i>ičə-xə-ni</i> 'увидел; посмотрел'; <i>jada-xa-ni</i> 'устал'; <i>mutə-xə-ni</i> 'смог'; <i>otole-xa-ni</i> 'понял'; <i>təʒiə-xə-ni</i> 'поверил'; <i>xaolo-xa-ni</i> 'опух'
		ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>tonɣala-j-ni</i> 'касается'; <i>ajaktaloan-ʒi-ni</i> 'сердит'	ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>tonɣala-xa-ni</i> 'прикоснулся'; <i>ajaktaloan-ki-ni</i> 'рассердил'

Продолжение табл. см. на с. 86

⁹ Показатель непрощедшего времени в этом глаголе и некоторых других сливается с последним гласным корня.

Продолжение табл. со с. 85

Аспекту- альная группа	Акцио- нальный класс	ПРИМЕРЫ ГЛАГОЛОВ	
		NPST показатель -j/-ri/-ži/-či	PST показатель -xa(n)/-xə(n)/-ki(n)/-či(n)
пунктивные (10/16)	пунктивные (10/16)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ ¹⁰ : <i>xiəda-j-ni</i> ‘потеряет’; <i>agda-j-ni</i> ‘обрадуется’; <i>bu-ži-ni</i> ‘умрет’; <i>ənu-j-ni</i> ‘уйдет’; <i>lakto-j-ni</i> ‘прилипает (хабитуальное прочтение)’; <i>ŋələ-j-ni</i> ‘испугается’; <i>təkə-ri-ni</i> ‘лопнет’; <i>xoži-ni</i> ‘закончит’; <i>baa-ri-ni</i> ‘находит (хабитуальное прочтение)’; <i>taor-či-ni</i> ‘загорается (хабитуальное прочтение)’	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>xiəda-xə-ni</i> ‘потерял’; <i>agda-xə-ni</i> ‘обрадовался’; <i>buj-ki-ni</i> ‘умер’; <i>ənu-xə-ni</i> ‘ушел’; <i>lakto-xə-ni</i> ‘прилип’; <i>ŋələ-xə-ni</i> ‘испугался’; <i>təkə-xə-ni</i> ‘лопнул’; <i>xože-xə-ni</i> ‘закончил’; <i>baa-xə-ni</i> ‘нашел’; <i>taokpi-ni</i> ‘зажегся’
		ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>baogo-j-ni</i> ‘находит (хабитуальное прочтение)’; <i>gudəli-ni</i> ‘отрывает (хабитуальное прочтение)’; <i>xətuli-ni</i> ‘отрывает (хабитуальное прочтение)’; <i>pačela-j-ni</i> ‘ударит’; <i>xopala-j-ni</i> ‘присоединится’; <i>oŋbo-j-ni</i> ‘забывает (хабитуальное прочтение)’	ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>baogo-xə-ni</i> ‘нашел’; <i>gudəli-xə-ni</i> ‘оторвал’; <i>xətuli-xə-ni</i> ‘оторвал’; <i>pačela-xə-ni</i> ‘ударил’; <i>xopala-xə-ni</i> ‘присоединился’; <i>oŋbo-xə-ni</i> ‘забыл’
имперфективные (14/31)	стативы (3/13)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ao-ri-ni</i> ‘лежит; спит’; <i>bi-i-ni</i> ‘есть’; <i>xalači-ni</i> ‘ждет’	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ao-xə-ni</i> ‘лежал; спал’; <i>bi-či-ni</i> ‘был’; <i>xalače-xə-ni</i> ‘ждал’
		ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ajaktačeon-ži-ni</i> ‘сердит’; <i>ičəžə-j-ni</i> ‘смотрит’; <i>elesi-ni</i> ‘стоит’; <i>ənu-si-ni</i> ‘болит’; <i>ərdəŋgəsi-ni</i> ‘удивляется’; <i>ərulə-j-ni</i> ‘мучается’; <i>uləsi-ni</i> ‘любит’; <i>žapača-j-ni</i> ‘держит’; <i>tongasi-ni</i> ‘касается’; <i>xotor-si-ni</i> ‘чешется’	ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ajaktačeon-ki-ni</i> ‘сердил’; <i>ičəžə-xə-ni</i> ‘смотрел’; <i>elese-xə-ni</i> ‘стоял’; <i>ənu-si-xə-ni</i> ‘болел’; <i>ərdəŋgəsi-xə-ni</i> ‘удивлялся’; <i>ərulə-xə-ni</i> ‘мучился’; <i>uləsi-xə-ni</i> ‘любил’; <i>žapača-xə-ni</i> ‘держал’; <i>tongase-xə-ni</i> ‘касался’; <i>xotorse-xə-ni</i> ‘чесался’

¹⁰ У соответствующих форм отсутствует имперфективная (прогрессивная) интерпретация. Большинство глаголов могут иметь перфективную интерпретацию с референцией к будущему. Для тех глаголов, у которых такое употребление не зафиксировано, приводится их значение в хабитуальном прочтении (в хабитуальных контекстах, по всей видимости, могут употребляться все глаголы в форме непростешего времени).

Аспекту- альная группа	Акцио- нальный класс	ПРИМЕРЫ ГЛАГОЛОВ	
		NPST показатель <i>-j/-ril-žil-či</i>	PST показатель <i>-xa(n)/-xə(n)/-ki(n)/-či(n)</i>
имперфективные (14/31)	непредельные процессы (7/13)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>xəjə-j-ni</i> 'течет'; <i>buduri-ni</i> 'спешит'; <i>guəŋgi-ni</i> 'жужжит'; <i>gusəɾə-j-ni</i> 'говорит, сообщает'; <i>mora-j-ni</i> 'кричит'; <i>tata-j-ni</i> 'тянет'; <i>tugdə-j-ni</i> 'идет (о дожде)' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>bojači-ni</i> 'ломает'; <i>čiači-ni</i> 'мочится'; <i>gudəči-ni</i> 'рвет'; <i>kəndəli-ni</i> 'кружится'; <i>pujsi-ni</i> 'кипит'; <i>toaŋgo-j-ni</i> 'вытягивает'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>xəjə-xə-ni</i> 'тек'; <i>buduri-xə-ni</i> 'спешил'; <i>guəŋgi-xə-ni</i> 'жужжал'; <i>gusəɾə-xə-ni</i> 'говорил, сообщал'; 'сказал, сообщил'; <i>mora-xa-ni</i> 'кричал'; <i>tata-xa-ni</i> 'тянул'; <i>tugdə-xə-ni</i> 'шел (о дожде)' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>bojače-xa-ni</i> 'ломал'; <i>čieči-xə-ni</i> 'мочился'; <i>gudəči-xə-ni</i> 'рвал'; <i>kəndəli-xə-ni</i> 'кружился'; <i>pujsi-xə-ni</i> 'кипел'; <i>toaŋgo-xa-ni</i> 'вытягивал'
	мультипликативные процессы (4/5)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>oli-ni</i> 'машет'; <i>xarxi-ni</i> 'качает'; <i>sabda-j-ni</i> 'капает'; <i>xončera-j-ni</i> 'храпит' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>siŋmusi-ni</i> 'кашляет'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>ole-xa-ni</i> 'махал'; <i>xarxe-xa-ni</i> 'качал'; <i>sabda-xa-ni</i> 'капал'; <i>xončera-xa-ni</i> 'храпел' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>siŋmusi-xə-ni</i> 'кашлял'
нейтральные (20/28)	слабые предельные (15/20)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>akpan-ži-ni</i> 'ложится'; <i>təpčiu-ri-ni</i> 'начинает'; <i>gea-ri-ni</i> 'точит'; <i>gələ-j-ni</i> 'просит'; <i>omi-ni</i> 'пьет'; <i>po-ri-ni</i> 'пилит'; <i>puju-ri-ni</i> 'варит'; <i>sori-ni</i> 'дерется'; <i>təlgəči-ni</i> 'чистит'; <i>tətu-j-ni</i> 'надевает'; <i>xulə-j-ni</i> 'копает'; <i>žari-ni</i> 'поет'; <i>žəgdə-j-ni</i> 'горит'; <i>ži-ži-ni</i> 'приходит'; <i>tojkan-ži-ni</i> 'бьет' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>aŋžala-j-ni</i> 'пашет'; <i>teočela-j-ni</i> 'стреляет'; <i>tago-j-ni</i> 'чинит'; <i>xapoli-ni</i> 'подметает'; <i>susuəkəči-ni</i> 'катается на коньках'	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>akpaŋ-ki-ni</i> 'ложился; лег'; <i>təpčiu-xə-ni</i> 'начал, начинал'; <i>gea-xa-ni</i> 'точил; заточил'; <i>gələ-xə-ni</i> 'просил; попросил'; <i>ome-xa-ni</i> 'пил; выпил'; <i>po-xa-ni</i> 'пилил; спилил'; <i>puju-xə-ni</i> 'варил; сварил'; <i>sore-xa-ni</i> 'дрался; подрался'; <i>təlgəči-xə-ni</i> 'чистил; почистил'; <i>tətu-xə-ni</i> 'надевал; надел'; <i>xulə-xə-ni</i> 'копал; выкопал'; <i>žare-xa-ni</i> 'спел; пел'; <i>žəgdə-xə-ni</i> 'горел; сгорел'; <i>ži-či-ni</i> 'приходил; пришел'; <i>tojkaŋ-ki-ni</i> 'бил; побил' ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>aŋžala-xa-ni</i> 'пахал; вспахал'; <i>teočela-xa-ni</i> 'стрелял; выстрелил'; <i>tago-xa-ni</i> 'чинил; починил'; <i>xapole-xa-ni</i> 'подметал; подмел'; <i>susuəkəči-xə-ni</i> 'катался на коньках'

Продолжение табл. со с. 87

Аспекту- альная группа	Акцио- нальный класс	ПРИМЕРЫ ГЛАГОЛОВ	
		NPST показатель -j/-ri/-ži/-či	PST показатель -xa(n)/-xə(n)/-ki(n)/-či(n)
нейтральные (20/28)	слабые инцептивно- стативные (4/5)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>dolži-ni</i> ‘слышит; слушает’; <i>ača-j-ni</i> ‘подходит (в пору)’; <i>balži-ni</i> ‘живет’; <i>esi(-ni)</i> ‘хватает (достаточно)’ ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>turči-ni</i> ‘думает’	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>dolže-xa-ni</i> ‘услышал; слышал; слушал’; <i>ača-xa-ni</i> ‘подошел; подходил’; <i>balže-xa-ni</i> ‘жил; родился’; <i>ese-xa-ni</i> ‘хватало; хватило’ ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>turči-xə-ni</i> ‘думал; подумал’
	слабые ингрессивно- непредельные (1/3)	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>əpə-j-ni</i> ‘идет’ ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>damaxela-j-ni</i> ‘курит’; <i>gəlagu-j-ni</i> ‘ищет’	НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>əpə-xə-ni</i> ‘шел; пошел’ ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ: <i>damaxela-xa-ni</i> ‘курил; закурил’; <i>gəlagu-xə-ni</i> ‘искал; стал искать’

(ср. русские двувидовые глаголы типа *жениться*). Однако доля таких глаголов в выборке нанайских глаголов все-таки велика — 26 % (или 29 % среди непроизводных глаголов). Кроме того, в форме непрошедшего времени аспектуальные различия между глаголами в большинстве случаев нивелируются: почти все глаголы — кроме разве что пунктивных — имеют имперфективное прочтение, а это не свойственно словоклассифицирующему виду.

Как уже обсуждалось выше, неудивительно, что имперфективной оказывается именно форма непрошедшего времени: описание события, протекающего в настоящее время, само по себе подразумевает, что окно наблюдения находится внутри этого события. По всей видимости, форма непрошедшего времени навязывает имперфективную интерпретацию почти всем глаголам независимо от их акциональной характеристики.

С формой прошедшего времени ситуация обстоит несколько сложнее. Полученные данные можно интерпретировать двояко. В одном случае можно предположить, что эта форма абсолютно нейтральна в аспектуальном отношении, а все различия в интерпретации разных глаголов в этой форме обусловлены акциональными характеристиками конкретных глаголов. На основании этих характеристик глаголы в свою очередь могут быть объединены в аспектуальные классы (в данном случае классы перфективных, пунктивных, имперфективных и нейтральных глаголов). При другой интерпретации можно допустить, что форма прошедшего времени навязывает перфективное прочтение, хотя и не так массово, как форма непрошедшего времени — имперфективное прочтение. В этом случае некоторые глаголы (например, предельные) являются по сути перфективными, но в форме непрошедшего времени получают имперфективную интерпретацию, а некоторые глаголы (например, инцептивно-стативные типа *saa-* ‘знать’) являются имперфективными, но в форме прошедшего времени приобретают перфективное прочтение под влиянием грамматической формы. Такая интерпретация может подтвердиться наличием еще одной, третьей формы, которая была бы нейтральной в аспектуальном отношении и в которой проявились бы реальные словоклассифицирующие значения глаголов (например, перфективное для предельного глагола *ele-* ‘встать’ и в то же время имперфективное для глагола *saa-* ‘знать’). Однако, как было отмечено выше, анализ других глагольных форм на материале текстов такую нейтральную форму не выявил.

Такой результат анализа форм прошедшего времени, допускающий двоякую интерпретацию, согласуется с тем, что при изучении акциональных характеристик глаголов (на котором

в данном случае основывается разбиение на аспектуальные классы) существует так называемая проблема непрямого доступа, которая заключается в том, что акциональные значения всегда проявляются во взаимодействии с видо-временными формами глаголов (о проблеме непрямого доступа см. подробнее [Татевосов, в печати, раздел «Проблема акциональной вариативности»]). Методика С. Г. Татевосова позволяет частично решить эту проблему: анализ конкретных глагольных словоформ выявляет сумму возможных интерпретаций для каждой глагольной лексемы. Акциональные классы получаются в результате сравнения того, какие суммы интерпретаций получились у глаголов. Естественно, при таком методе также невозможно полностью избежать влияния видо-временных форм. Однако эта методика позволяет учесть все возможные проявления акциональных характеристик.

Возвращаясь к нанайскому языку, можно заметить, что очень трудно определить, насколько форма прошедшего времени навязывает перфективное прочтение некоторым глаголам. Но с учетом того, что в языке с большой вероятностью отсутствует форма, в которой глаголы имели бы другие акциональные значения, чем в формах непрочешедшего и прочешедшего времени, вопрос о взаимодействии акционального значения глагола с формой прочешедшего времени теряет смысл. Единственное, что можно сделать при синхронном описании аспектуальной системы нанайского языка, это проанализировать данные, сведенные в таблице, а именно выяснить, какую акциональную (и далее аспектуальную) характеристику имеет каждый из глаголов (на основании возможных прочтений в условных имперфективной и перфективной формах), с одной стороны, и как в общей сложности ведут себя глаголы в конкретных видо-временных формах, с другой стороны. Анализ данных показывает, что на основе полученных акциональных характеристик достаточно много глаголов могут быть более или менее однозначно охарактеризованы в аспектуальном отношении как перфективные или как имперфективные (74 %), что проявляется в первую очередь в форме прочешедшего времени. В то же время большинство глаголов в форме непрочешедшего времени имеют исключительно имперфективную интерпретацию. Поскольку при привлечении новых данных (других глаголов или других форм) результаты вряд ли сильно изменятся, то можно утверждать, что в формах типа непрочешедшего времени проявляется скорее словоизменительный вид, а в формах типа прочешедшего времени — скорее деривационный.

4. Средства имперфективации и перфективации в нанайском языке

При описании аспектуальной системы с чертами деривационной естественным образом возникает вопрос: как выражаются имперфективные значения (в первую очередь с референцией к прошлому) у перфективных глаголов и наоборот?

Средства имперфективации в нанайском языке более разнообразны и встречаются чаще, что, возможно, объясняется тем, что доля перфективных глаголов в нанайском в два раза выше доли имперфективных: в анкете 25 перфективных и 10 пунктивных глаголов против 14 имперфективных из 69 (пунктивные в данном случае могут быть объединены с перфективными в одну группу, поскольку в прочешедшем времени имеют перфективное прочтение).

Наиболее распространенное средство имперфективации — присоединение показателя *-či/-so ~ -su/-si*. Дериваты с этим суффиксом могут употребляться в прогрессивных контекстах ((24a), ср. перфективный в (246)):

- (24a) *Alosemži* *klass-či* *ii-wuči-ə-ni* *nuči* *guru-səl* *ele-se-xa-či*.
учитель класс-DIR входить-CVB.COND2-OBL-P.3SG маленький люди-PL вставить-IPFV-PST-P.3PL
'Когда учитель зашел в класс, дети стояли / *встали'.

- (246) *Alosemži* *klass-či* *ii-wuči-ə-ni* *nuči* *guru-səl* *ele-xa-či*.
учитель класс-DIR входить-CVB.COND2-OBL-P.3SG маленький люди-PL вставить-PST-P.3PL
'Когда учитель зашел в класс, дети встали / *стояли'.

Этот суффикс может выражать не только прогрессивное, но и итеративное значение.

Имперфективные дериваты могут образовываться и с помощью других показателей, которые по своей сути имперфективаторами не являются, а несут какие-либо другие дополнительные значения, однако помимо них также могут вносить и прогрессивную/дуративную семантику. Таковы показатель результирующего значения *-ča* ~ *-čə/-ža* ~ *-žə* (*žara-xa-ni* 'взял' vs. *žara-ča-xa-ni* 'держал'), показатель дезидератива *-jčal/-jčə* (*nixəli-xa-ni* 'открыл' vs. *nixəli-jčə-xa-ni* 'открывал; пытался открыть') и некоторые другие.

Имперфективные дериваты находятся в сложных взаимоотношениях с однокоренными производными глаголами, и эта тема заслуживает отдельного исследования. Очевидно, форма непрошедшего времени, которая сама по себе является имперфективной, оказывается своего рода спорной территорией. В некоторых случаях дериват с имперфективным показателем в этой форме малоупотребим (*təžiə-ri-ni* 'верит' и ¹¹*təžiə-či-i-ni* ('верит') при *təžiə-xə-ni* 'поверил' и *təžiə-či-xə-ni* 'верил'). В других случаях имперфективный дериват в непрошедшем времени может иметь значение регулярного действия в настоящем при отсутствии прогрессивного прочтения.

Помимо этого, имперфективные значения в прошлом могут быть переданы с помощью формы имперфекта (пример (17)) и с помощью формы непрошедшего времени (пример (10)), однако эти средства используются в основном для других целей, см. выше.

К наиболее распространенным средствам перфективации относятся инхоативные показатели *-lo/-lu* и *-psin/-psij*, ср. примеры (25a), (25б) и (22б), в котором употребляется тот же глагол без показателя инхоатива, а также вербализатор *-la/-lə* (ср. (26б)), который, тем не менее, нередко употребляется и в имперфективных контекстах.

- (25a) *Mi əjkə-i boja-xam-ba čaši-wə ičə-rə,*
1SG старшая.сестра-P.1SG ломать-PST-OBL чашка-OBL увидеть-CVB.NSIM
ajaktala-ra mora-lo-xa-ni.
рассердиться-CVB.NSIM кричать-INCH1-PST-P.3SG

'Когда моя старшая сестра увидела разбитую чашку, она рассердилась и закричала'.

- (25б) *Ag-bi ičə-rə n'oani mora-psij-ki-ni «Baače-go-a-pu».*
старший.брат-P.REFL.SG увидеть-CVB.NSIM 3SG кричать-INCH2-PST-P.3SG встретить-REP-ASSERT.NPST-P.1PL
'Увидев своего старшего брата, она крикнула: «Здравствуй!»'

Подробнее об употреблении показателей инхоатива см. [Оскольская, Стойнова 2012].

Примечательно, что в нанайском языке есть довольно большое число глаголов, которые не могут употребляться без имперфективного или перфективного показателя. При наличии глагольной пары, т. е. при наличии двух глаголов, которые различаются только аспектуальным суффиксом, как в (26), глагол ведет себя как имперфективный или перфективный в зависимости от показателя:

- (26a) *Mi komnata-či ii-wuči-jə, amim-bi gajka-wa morkoče-xa-ni.*
1SG комната-DIR входить-CVB.COND2-P.1SG отец-P.1SG гайка-OBL завинтить.IPFV-PST-P.3SG

'Когда я вошел в комнату, мой отец (в это время) завинчивал гайку'.

- (26б) *Mi komnata-či ii-wuči-jə, amim-bi gajka-wa morkola-xa-ni.*
1SG комната-DIR входить-CVB.COND2-P.1SG отец-P.1SG гайка-OBL завинтить.PFV-PST-P.3SG

'Когда я вошел в комнату, мой отец (уже) завинтил гайку'.

При этом есть глаголы, которые содержат в себе аспектуальный показатель, однако не имеют своей глагольной пары, т. е. содержат перфективный или — реже — имперфективный суффикс при отсутствии аналогичного глагола с имперфективным или перфективным суффиксом соответственно. Такие глаголы обычно ведут себя как нейтральные, т. е. могут получать обе интерпретации в форме прошедшего времени, несмотря на наличие специального показателя (например, *anžala-xa-ni* (пахать.PFV-PST-P.3SG) 'пахал' или 'вспахал'; глагол **anžače-xa-ni* (пахать.IPFV-PST-P.3SG) в языке отсутствует).

Таким образом, несмотря на хорошо развитую аспектуальную глагольную деривацию, только по наличию того или иного показателя в основе невозможно определить, какие интерпретации может принимать глагол.

5. Заключение

Нанайский язык обладает «смешанной» видовой системой, которая включает в себя черты словоизменительной и деривационной систем. Словоизменительная аспектуальная система подразумевает, что имеющиеся в языке грамматические формы аспектуально окрашены, а глагольные лексемы при этом нейтральны. В нанайском языке есть черты такой системы. Во-первых, в нем есть имперфективная форма — форма непрочешедшего времени, которая придает прогрессивную интерпретацию большинству глаголов. Во-вторых, аналитическая форма имперфекта в нанайском языке не может иметь перфективных употреблений, а в некоторых случаях выражает дуративные значения. Однако основная функция имперфекта — выражение хабитуального действия в прошлом — не имеет прямого отношения к линейному аспекту, т. е. к противопоставлению собственно имперфектива и перфектива. Наконец, такая тесная связь основной формы, употребляющейся для референции к настоящему, с имперфективностью неудивительна: отнесение к актуально длящейся ситуации в настоящем предполагает, что окно наблюдения находится внутри этой ситуации. Таким образом, нанайский язык обладает рядом черт, характерных для словоизменительной видовой системы. Но эти черты не распространяются на всю аспектуальную систему, из-за этого невозможно говорить о наличии хорошо развитого словоизменительного вида в нанайском языке.

Если рассматривать нанайский язык с точки зрения деривационной видовой системы, т. е. такой системы, в которой все глагольные лексемы аспектуально окрашены и в зависимости от своей характеристики получают перфективную или имперфективную интерпретацию в разных формах, то можно обнаружить следующие черты словоклассифицирующего вида. Во-первых, в нанайском хорошо развита аспектуальная деривация (есть ряд частотных суффиксов, несущих перфективное/имперфективное значение). Во-вторых, большая часть глагольной лексики, в том числе и производной, имеет свою аспектуальную характеристику, и лишь 26 % глаголов оказываются нейтральными в этом отношении. Однако, как кажется, 26 % — это все же слишком большая доля двувидовых глаголов. Кроме того, аспектуальная характеристика глагольных лексем практически не проявляется в форме непрочешедшего времени: многие глаголы, которые в прошедшем времени имеют перфективную интерпретацию, в непрочешедшем времени могут иметь прогрессивное прочтение, тем самым в этой форме они не отличаются от имперфективных или нейтральных глаголов. Таким образом, в нанайском языке есть регулярные явления, свойственные языкам со словоклассифицирующим видом, но они покрывают лишь часть глагольной грамматической системы, поэтому нельзя говорить о наличии грамматикализованного деривационного вида в нанайском.

Итак, в нанайском языке нет грамматикализованной словоизменительной или словоклассифицирующей видовой системы. При этом аспектуальные значения регулярно выражаются с помощью различных грамматических средств, и в этих средствах частично проявляются черты обоих типов видовой системы. Словоизменительная и деривационная системы сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. В некоторых случаях «побеждает» словоизменительная система (формы непрочешедшего времени, имперфекта и др.), в других случаях доминирует словоклассифицирующая система (формы прошедшего, будущего времени и др.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; AVL — аблатив; ASSERT — утвердительное наклонение; COND — кондиционал (*-pi*); COND2 — кондиционал (*-ицй*); CVB — деепричастие; DAT — датив; DIR — директив; EMPH — эмфаза; FUT — будущее время; IMP — императив; INCH1 — инхоатив (*-lo/-lu*); INCH2 — инхоатив (*-psin*);

IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NPST — непростое время; NSM — одновременность; OBL — косвенный падеж; P — посессивность; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; REF — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аврорин 1948 — Аврорин В. А. О категориях времени и вида в нанайском языке // *Язык и мышление*. 1948. № XI. С. 29—55. [Avrorin V. A. On the categories of tense and aspect in Nanay. *Yazyk i myshlenie*. 1948. No. XI. Pp. 29—55.]
- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [A Nanay grammar]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1961.]
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Materials in the Nanay language and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Ким Чер Лен 1966 — Ким Чер Лен. Сложные формы прошедшего времени в нанайском языке // *Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук*. № 9. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 1966. [Kim Cher Len. Complex past tense forms in Nanay. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 9. No. 3. Novosibirsk: Nauka, 1966.]
- Ким Чер Лен 1968 — Ким Чер Лен. Аналитические формы глагола в нанайском и других алтайских языках в сопоставлении с корейским: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1968. [Kim Cher Len. *Analiticheskie formy glagola v nanaiskom i drugih altaiskikh yazykakh v сопоставlenii s koreiskim*. Kand. diss. [Analytic verb forms in Nanay and other Altaic languages compared with Korean. Cand. diss.]. Novosibirsk, 1968.]
- Лютюкова и др. 2006 — Лютюкова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazel'skaya A. G., Shluinskii A. B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Мищенко 2012 — Мищенко Д. Ф. Сложные глаголы и акциональные свойства глаголов в башкирском. Хэндаут доклада, представленного на Башкирском семинаре в СПбГУ 14 ноября 2012 г. [Mishchenko D. F. *Slozhnye glagoly i aktsional'nye svoystva glagolov v bashkirskom* [Compound verbs and actional characteristics of verbs in Bashkir]. A handout of the report presented at the Bashkir workshop in St. Petersburg State Univ., November 14, 2012.]
- Овсянникова 2009 — Овсянникова М. А. Приложение. Список глаголов // Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка / *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 5. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 857—865. [Ovsyannikova M. A. Addendum. A list of verbs. *Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka*. Sai S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaya N. V. (eds). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. 5. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 857—865.]
- Оскольская, в печати — Оскольская С. А. Грамматикализация глагола *bi-* в нанайском языке. В печати. [Oskolskaya S. A. *Grammatikalizatsiya glagola bi- v nanaiskom yazyke* [Grammaticalization of the verb *bi-* in Nanay]. In print.]
- Оскольская, Стойнова 2012 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Девяткина Е. М. (отв. ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, 2012. С. 213—230. [Oskolskaya S. A., Stoinova N. M. Ways of expression of the initial phase of action in Nanay. *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statei po materialam Pervoi konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchennykh»*. Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institut of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2012. Pp. 213—230.]
- Петрова 1941 — Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. [Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanaiskogo yazyka* [An outline of the Nanay grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.]
- Петрова 1960 — Петрова Т. И. Краткий очерк грамматики нанайского литературного языка // Петрова Т. И. Нанайско-русский словарь. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1960. С. 168—228. [Petrova T. I.

- Nanaisko-russkii slovar'* [An outline of the standard Nanay grammar]. Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie, 1960. Pp. 168—228.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [An introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2011.]
- Плунгян 2012 — Плунгян В. А. Предисловие // Плунгян В. А. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 8. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 7—42. [Plungian V. A. Preface. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Plungian V. A. (ed.). Vol. 8. Part 2. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 6: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii*. St. Petersburg: Nauka, 2012. Pp. 7—42.]
- Стойнова 2013 — Стойнова Н. М. Будущее время в нанайском языке // Девяткина Е. М. (отв. ред.). Проблемы языка: Сборник статей по материалам конференции «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания, 2013. С. 326—341. [Stoinova N. M. Future tense in Nanay. *Problemy yazyka: Sbornik statei po materialam konferentsii «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»* Devyatkina E. M. (ed.). Moscow: Institute of Linguistics, 2013. Pp. 326—341.]
- Суник 1962 — Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Л.; М.: Наука, 1962. [Sunik O. P. *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh* [The verb in the Tungus languages]. Leningrad; Moscow: Nauka, 1962.]
- Татевосов 2005 — Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108—141. [Tatevosov S. G. Actionality: Typology and theory. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. No. 1. Pp. 108—141.]
- Татевосов, в печати — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. В печати. [Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike* [Actionality in lexicon and grammar]. In print.]
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Kazama 2010a — Kazama Sh. Naanai go bunpoo gaisetsu (Introduction to Nanai grammar). *Naanai go no minwa to densetsu*. Vol. 12. Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo Univ. of Foreign Studies, 2010. Pp. 207—266.
- Kazama 2010b — Kazama Sh. Naanai go no asupekuto (Aspect in Nanai). *Journal of the Institute of Language Research*. Tokyo: The Institute of Language Research, Tokyo Univ. of Foreign Studies, 2010. № 15. Pp. 181—191.
- Klein 1994 — Klein W. *Time in language*. New York: Routledge, 1994.

Статья поступила в редакцию 08.05.2015.

РАЗВИТИЕ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ У МАРКЕРОВ ПАССИВНОГО ЗАЛОГА В ИДИШЕ*

© 2016 г. Валентина Владимировна Федченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 193231, Российская Федерация
ilmen2005@yahoo.com

В статье обсуждается видо-временная семантика форм прошедшего времени от двух типов пассивных конструкций, распространенных в идише: *vern*.PRF + *v.ptcp* и *zajn*.PRF + *v.ptcp*. Впервые выявляется тенденция к употреблению показателей *gevorn* и *geven* за пределами пассивного залога и описывается их функционирование в идише. Предлагается трактовать *gevorn* как маркер перфективности, в то время как *geven* интерпретируется как показатель ретроспективного сдвига, который на позднем этапе развития языка начинает использоваться для образования форм ирреалиса действительного залога. Отдельно обсуждается вопрос о природе данных явлений, которые могут быть признаны результатом контактов идиша с другими языками или внутривидовой инновацией.

Ключевые слова: грамматическая семантика, двойной перфект, идиш, пассивный залог, перфект, результатив, ретроспективный сдвиг

THE DEVELOPMENT OF ASPECTUAL SEMANTICS IN YIDDISH PASSIVE VOICE MARKERS

Valentina V. Fedchenko

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 193231, Russian Federation
ilmen2005@yahoo.com

The paper analyses the aspectual and temporal semantics of the two Yiddish passive constructions in past forms: *vern*.PRF + *v.ptcp* and *zajn*.PRF + *v.ptcp*. The tendency to apply the markers *gevorn* and *geven* outside passive voice is revealed for the first time. Their functioning in Yiddish is described. *Ge vorn* is used in Yiddish as a marker of perfectivity, while *geven* tends to be a marker of retrospective shift and starts to take part in building the active forms of irrealis at later stages of the developments of Yiddish. The nature of these phenomena is discussed apart: they are interpreted as an influence of language contacts on Yiddish or as an intrastructural innovation.

Keywords: double perfect, grammatical semantics, passive voice, perfect, resultative, retrospective shift, Yiddish

В задачу настоящей статьи входит выявление видо-временной семантики форм, состоящих из перфекта от вспомогательного глагола *vern* ‘становиться’ или *zajn* ‘быть’ и причастия от основного глагола:

* Исследование поддержано грантом РГНФ (проект № 14-04-00394) и грантом РНФ (проект № 15-18-00062).

Автор благодарит С. Нойберга за предоставление доступа к электронному ресурсу университета Трира с литературными текстами на идише, И. Ниборского за обсуждение семантических тонкостей описываемых конструкций, а также всех своих информантов.

- (1) *Dos bux iz gešribn gevorn.*
 DEF книга.NOM быть.AUX.3s¹ писать.PTCP² становиться.AUX.PTCP
 'Книга **была** написана'.
- (2) *Dos bukh iz geven gešribn.*
 DEF книга.NOM быть.AUX.3S быть.AUX.PTCP писать.PTCP
 'Книга **была** написана'.

Грамматики идиша традиционно описывают данные конструкции как формы прошедшего времени пассивного залога. Однако, как видно из языкового материала, их употребление не ограничивается сферой пассива.

В начале статьи будут сделаны краткие вводные замечания о системе прошедших времен в идише и о традиции представления пассивных конструкций в грамматиках, а затем мы рассмотрим семантику обеих конструкций и представим некоторые замечания о развитии у пассивных маркеров новых грамматических значений.

Исследование было проведено частично на материале корпуса языка идиш (КЯИ), однако, поскольку в корпусе преобладают газетные публикации³, для объективности были также добавлены примеры из литературных произведений и публицистики. Становление литературной нормы в идише в XIX в. происходило на базе разных диалектов, что позволяет на раннем этапе не обращаться к диалектным материалам, к которым у нас на данный момент нет доступа. Впрочем, в задачу настоящей статьи не входит представление диалектных различий, они будут затронуты лишь в небольшой степени. В ходе работы были использованы данные по хасидскому диалекту идиша, собранные на форуме «Kave shtibl». Для уточнения отдельных вопросов был разработан вопросник и проведено анкетирование информантов. Примеры из анкеты даются в статье без ссылок, в то время как для примеров из письменных текстов источник указывается сокращенно.

1. Вводные замечания

1.1. Согласно классификации М. Хаспельмата [Haspelmath 2001], идиш принято считать языком, близким к средневропейскому стандарту. В частности, в нем функционируют такие характерные для ряда европейских языков формы, как перфект, образованный с помощью глаголов 'иметь' и 'быть', и аналитические формы пассивного залога, в образовании которых участвует пассивное причастие.

В идише происходит перестройка системы прошедших времен. Подобно южным немецким диалектам и благодаря тем же фонетическим изменениям (утрата конечного /e/⁴), идиш теряет претерит⁵. Принято считать, что утрата претерита в идише компенсируется в системе,

¹ Здесь и далее личные формы вспомогательных глаголов приводятся в настоящем времени, если специально не указано иное.

² Сокращение PTCP здесь и далее обозначает только перфектное причастие. Для обозначения презентного причастия используется сочетание PTCP.PRV.

³ Современные газеты на идише придерживаются разной редакционной политики. Из-за недостатка светских носителей языка авторами публикаций часто становятся люди, выучившие идиш. В частности, в газете «Форвертс», архив которой составляет на данный момент большую часть КЯИ, статьи, написанные не носителями языка, не всегда подвергаются редакторской правке. Поэтому информацию из КЯИ необходимо дополнительно проверять.

⁴ Данный фонетический процесс подробнее обсуждается в [Dal 1960: 6].

⁵ Впервые вопрос об утрате претерита, в частности в идише, обсуждается в [Meillet 1909]. Подробный разбор этого явления в раннем идише и статистику форм в рукописных и ранних печатных изданиях см. в [Chang 2001]. В южных диалектах немецкого языка данное языковое изменение наблюдается на протяжении XV в. [Abraham 1999], т. е. уже в период расцвета словесности на западном диалекте идиша. Следовательно, процесс утраты претерита происходил в обоих языках параллельно, с возможным контактным влиянием или даже без такового, поскольку для европейского

во-первых, «расширением» семантики перфектных форм и, во-вторых, образованием форм двойного перфекта по модели AUX + AUX.PTSP + V.PTSP, например:

- (3) *hot* *gehat* *genumen*
иметь.AUX.3S иметь.AUX.PTSP брать.PTSP
'(Он) взял'.

Данное утверждение в целом верно для форм активного залога, в то время как употребление перфектных форм от пассивных конструкций требует более подробного комментария.

1.2. В обзоре пассивных конструкций в германских языках [Askedal 2010] исключает из рассмотрения языковые варианты, сформировавшиеся в условиях интенсивных контактов, поэтому идиш, африкаанс и пенсильванский немецкий не попадают в анализируемый материал. Сведения о количестве и составе форм пассивного залога, содержащиеся в грамматиках идиша, оказываются весьма противоречивыми. В дескриптивных изданиях часто наблюдается тенденция достраивать парадигмы до их полного варианта, поэтому, например, в [Mieses 1924: 178] приводится несуществующая форма двойного перфекта пассивного залога:

- (4) **ix* *bin* *geborn* *gezen* *geborn*⁶
1S.NOM быть.AUX.1S становиться.AUX.PTSP видеть.PTSP становиться.AUX.PTSP
(Букв. 'Я был увиден'.)

Удвоение вспомогательного глагола *vern* для идиша невозможно, как будет очевидно из дальнейшего описания пассивных конструкций.

Нормализаторские традиции настаивают на редукции форм пассивного залога и, наоборот, исключают из рассмотрения некоторые существующие в языке конструкции. Прескриптивные грамматики и учебные пособия Еврейского исследовательского института (ИВО)⁷ советуют избегать употребления пассива (см., например, наиболее полный на сегодняшний день справочник по грамматике Й. Марка [Mark 1978: 286]). В 1920—1930-х гг. Н. Штиф агитирует против употребления пассивных конструкций в советском идише, прибегая к пуристическим доводам и связывая распространение пассива с влиянием советского русского языка (см. подробнее о дискуссии [Nath 2009]).

Третье направление стандартизации, ориентирующееся на немецкую языковую норму и настаивающее, к примеру, на употреблении претерита, также приводит сокращенный набор пассивных форм. В грамматике [Mazin, De Woolf 1927: 20] вместо пассивного перфекта (5) предлагается альтернативный вариант с неопределенно-личной конструкцией (6):

- (5) *ix* *bin* *gelobjt* *gevorn*
1S.NOM быть.AUX.1S хвалить.PTSP становиться.AUX.PTSP
'Я был похвален'.
- (6) *men* *hot* *mix* *gelobjt*
INDFP иметь.AUX.3S 1S.ACC хвалить.PTSP
'Меня похвалили'.

ареала в целом явление утраты претерита оказывается весьма частотным (см. об этом также подробнее в [Thieroff 2000]).

⁶ В авторской транскрипции эта форма приводится с учетом фонетических особенностей юго-восточного диалекта идиша: «*ikh bin gyworn gyseyjn gyworn*» и переводится с помощью немецкого пассивного плюсквамперфекта: «*ich war gesehen worden*». Данный пример неверен даже исходя из формальной логики, поскольку содержит две формы от вспомогательного глагола *vern* 'становиться', используемого для образования конструкций пассивного залога, но не несет в себе вспомогательного глагола, отвечающего за построение плюсквамперфектных форм (*zajn* 'быть' или *hobn* 'иметь').

⁷ ИВО (идиш *ידישר*), англ. YIVO — аббревиатура, принятая для названия Еврейского исследовательского института (*Jidišer visnšaftlexer institut*).

Наиболее адекватно конструкции пассивного залога описаны в грамматике З. Рейзена [Rejzen 1908: 84]: в отличие от других изданий, в ней приводится полная парадигма для конструкций с двумя вспомогательными глаголами *vern* ‘становиться’ и *zajn* ‘быть’. Двойной набор пассивных форм от глагола *kofjn* ‘покупать’ выглядит следующим образом [Ibid.: 84—86]:

Таблица 1

Название формы	Глагольная форма с указанием структуры	
	с глаголом <i>zajn</i>	с глаголом <i>vern</i>
Настоящее время ‘я продаюсь’	<i>ix bin farkojft</i> ⁸ AUX + PTCP	<i>ix ver farkojft</i> AUX + PTCP
Перфект ‘я был продан’	<i>ix bin farkojft geven</i> AUX + PTCP + AUX.PTCP	<i>ix bin farkojft gevorn</i> AUX + PTCP + AUX.PTCP
Хабитуалис в прошлом ‘я (обычно) продавался’	<i>ix fleg⁹ farkojft zajn</i> HAB + PTCP + AUX.INF	<i>ix fleg farkojft vern</i> HAB + PTCP + AUX.INF
Будущее время ‘я буду продаваться’	<i>ix vel farkojft zajn</i> FUT + PTCP + AUX.INF	<i>ix vel farkojft vern</i> FUT + PTCP + AUX.INF
Ирреалис в настоящем ‘я бы продавался’	<i>ix volt farkojft zajn</i> IRR + PTCP + AUX.INF	<i>ix volt farkojft vern</i> IRR + PTCP + AUX.INF
Ирреалис в прошлом ‘я бы продавался (давно)’	<i>ix volt farkojft geven</i> IRR + PTCP + AUX.PTCP	<i>ix volt farkojft gevorn</i> IRR + PTCP + AUX.PTCP
Императив ‘продавайся’	<i>zaj farkojft</i> AUX.IMP + PTCP	<i>ver farkojft</i> AUX.IMP + PTCP
Инфинитив ‘продаваться’	<i>farkojt zajn</i> PTCP + AUX.INF	<i>farkojt vern</i> PTCP + AUX.INF
Презентное причастие ‘продаваясь’	<i>farkojft zajendik¹⁰</i> PTCP + AUX.PTCP.IPFV	<i>farkojft verndik</i> PTCP + AUX.PTCP.IPFV
Перфектное причастие ‘продавшись’	<i>farkojft geven</i> PTCP + AUX.PTCP	<i>farkojft gevorn</i> PTCP + AUX.PTCP

Существование некоторых из этих форм в языке требует дополнительной проверки (например, презентное причастие от конструкции с *zajn*). Впрочем, уже на материале данной таблицы очевидно, что для обеих конструкций парадигма оказывается существенно более редуцированной по сравнению с немецким языком: отсутствуют формы претерита, плюсквамперфекта, будущего совершенного. Количество форм оказывается меньше также по сравнению с активным залогом в самом идише, за счет чего в глагольной системе современного идиша наблюдается определенная асимметрия: в пассивном залоге нет особых форм для выражения значений плюсквамперфекта и будущего совершенного. При этом указанные временные формы активного залога сохраняются в языке.

Для немецкого языка пассивные конструкции со вспомогательными глаголами *werden* и *sein* обычно анализируются в рамках противопоставления динамических и стативных предикатов. У конструкций с *werden* преобладает пассивное значение, в то время как для конструкции с *zajn* выделяется семантика результата. В идише данное противопоставление

⁸ В таблице приведены примеры финитных глагольных форм в первом лице единственного числа, как они указаны в грамматике З. Рейзена. Формы приводятся с личным местоимением *ix* ‘я’.

⁹ Хабитуалис в идише образуется с помощью вспомогательного глагола *flegn*, соответствующего немецкому *pflügen* ‘иметь обыкновение’.

¹⁰ Причастие настоящего времени в идише образуется с помощью суффикса *-(e)ndik*, присоединяющегося к основе глагола, и окончаний имени прилагательного. В качестве начальной формы принято указывать краткую форму без окончаний, которая употребляется как деепричастие.

в целом сохраняется, однако наблюдается развитие семантики форм и переосмысление показателей, маркирующих значения конструкций.

Настоящая статья посвящена разбору форм перфекта, которые оказываются наиболее частотными из всех конструкций, приведенных в таблице 1.

2. Семантика пассивного перфекта

2.1. Конструкция *vern*.PRF + *v*.PTCP

2.1.1. Конструкция *vern*.PRF + *v*.PTCP, которая с формальной точки зрения является формой пассивного перфекта, может в пассивном залоге иметь семантику «расширенного перфекта» с некоторыми ограничениями. Из собственно перфектных значений у данной формы наблюдается экспериенциальное:

- (7) *Aza majse iz kejnmol nit gehert gevorn!*
такой история.NOM быть.AUX.3S никогда NEG слышать.PTCP становиться.AUX.PTCP
‘Это несслышанная история!’ (букв. ‘Такая история никогда не **была** услышана’)

Частым оказывается употребление формы в значении результата в настоящем:

- (8) *Der kranker iz ahejm-gebraxt gevorn.*
DEF больной.NOM быть.AUX.3S домой-приводить.PTCP становиться.AUX.PTCP
der dokter iz gerufn gevorn.
DEF доктор.NOM быть.AUX.3S звать.PTCP становиться.AUX.PTCP
istst gejt avek, men darf nit mer ajer hilf!
теперь идти.2р.IMP прочь INDFP нуждаться.3с.PRS NEG больше ваша помощь.ACC
‘Больной **был отвезен** домой, доктор **был вызван**, теперь уходите, ваша помощь больше не нужна!’

В этом значении в идише может использоваться также результативная конструкция *zajn* + *v*.PTCP, однако она оказывается в языке менее частотной.

Употребление конструкции с *vern* в инклюзивном значении характеризуется информантами как «странное, нелогичное»:

- (9) *’Di lezung iz nox alts gezuxt gevorn.*
DEF решение.NOM быть.AUX.3S еще всё искать.PTCP становиться.AUX.PTCP
‘Решение все еще **ищут**’.
- (10) *’Di lezung iz fun nextn on gezuxt gevorn.*
DEF решение.NOM быть.AUX.3S с.PRP вчера с.PRP искать.PTCP становиться.AUX.PTCP
‘Решение [задачи] **ищут** со вчерашнего дня’.

В данном случае перфект необходимо заменить формой настоящего времени (11) или поместить всю ситуацию в зону прошедшего, где конструкция приобретает лимитативное значение (12):

- (11) *Di lezung vert gezuxt fun nextn on.*
DEF решение.NOM становиться.AUX.3S искать.PTCP с.PRP вчера с.PRP
‘Решение [задачи] **ищут** со вчерашнего дня’.
- (12) *Di lezung iz fun 1820 on gezuxt gevorn,*
DEF решение.NOM быть.AUX.3S с.PRP 1820 с.PRP искать.PTCP становиться.AUX.PTCP
ober me hot zi ništ gefunden biz 1835.
но INDFP иметь.3с 3с.ACC NEG находить.PTCP до 1835
‘Разрешение [конфликта] **искали** с 1820 года, но не могли найти вплоть до 1835-го’.

Как видно из примеров (9)–(12), конструкция со вспомогательным глаголом *vern* не имеет континуативного значения. За ней закрепляется типологически распространенная

в германских языках семантика «широкого» перфектива (термин из [Плунгян 2011: 397]), которая объединяет в себе пунктивные и лимитативные значения и делает невозможным инклюзивное употребление формы.

2.1.2. В идише сфера употребления вспомогательного глагола *vern* расширяется по сравнению с немецким языком и конструкция *vern*.PRF + V.PTCP может также образовываться от непереходных глаголов и иметь активное значение, при этом показатель *gevorn* употребляется в роли своеобразного «перфективатора»¹¹. Перфективный маркер используется в следующих функциях:

1) уточняет аспектуальную семантику предиката, добавляя к ней дополнительные значения. В следующем примере форма с перфективным значением, выражаемым с помощью префикса *der-*, приобретает вторичное семельфактивное значение:

- (13) *Der ruex im derhert — dertsitert gevorn,*
 DEF дух.NOM 3S.ACC слышать.PTCP содрогаться.PTCP становиться.AUX.PTCP
dos glezele kave mit milex fun di hent arojs-gelozt
 DEF чашка.ACC кофе с молоко из DEF рука.P выпустить.PTCP
un durx-n kojmen iz er arojs [Sh].
 и через-DEF.DAT труба быть.3S 3S прочь

‘Призрак услышал его, **вздрыгнул**, выпустил чашку с кофе с молоком из рук и вылетел в трубу’.

В примере (13) приводится усеченный вариант перфектных глагольных форм, в которых опущен вспомогательный глагол *zajn*;

2) придает инхоативное значение выражениям, содержащим глаголы с префиксом *far-*:

- (14) *Kojm hot zi es derhert,*
 Едва иметь.AUX.3S 3S.NOM 3S.ACC слышать.PTCP
iz zi fartsitert gevorn mit ale ejvrin [M]
 быть.AUX.3S 3S.NOM задрожать.PTCP становиться.AUX.PTCP с все часть тела.P
 ‘Едва услышав это, она **задрожала** всем телом’;

3) меняет общее лексическое значение всего выражения. Производный перфектив с помощью показателя *gevorn* от глагола *zitsn* ‘сидеть’ образуется от его приставочной (уже перфективной) формы *farzitsn* — *farzesn gevorn* ‘остаться старой девой’ (возможно, калька с русского *засидеться* (в девках));

4) меняет лексическое значение и аспектуальную характеристику у стативных глаголов. Так, от глагола *lign* ‘лежать’ образуется перфектив *gelegn gevorn* ‘ложиться рожать’, *štejn* ‘стоять’ — *geštanen gevorn* ‘скисать (о молоке)’:

- (15) *Iz di kats gelegn gevorn*
 быть.AUX.3S DEF кошка лежать.PTCP становиться.AUX.PTCP
un axt ketselex mit-a-mol gebojrn [Sh].
 и восемь котенок.P сразу рожать.PTCP
 ‘Кошка **легла рожать** и сразу родила восемь котят’.

- (16) *Di milx iz geštanen gevorn.*
 DEF молоко быть.AUX.3S стоять.PTCP становиться.AUX.PTCP
 ‘Молоко **испортилось**’¹².

Употребление *gevorn* в качестве показателя перфективности характерно для всех диалектов восточного идиша. Примеры (13) и (15) взяты из литературного текста, в котором

¹¹ В целом развитие у форм пассивного залога перфективного значения хорошо известно на материале результиативных конструкций, см., например, [Maslov 1988] и конкретные языковые примеры в [Nedjalkov 1988b].

¹² Можно так же сказать о вине, пиве и т. п.

можно ожидать черты украинского диалекта, в то время как пример (14) принадлежит автору, в произведениях которого встречаются особенности белорусского варианта, а пример (16) был записан от носителя польского идиша.

2.1.3. Закрепление за конструкцией с *vern* перфективной семантики выглядит логичным: у грамматикализованной единицы актуализируется ее лексическое значение ‘становиться’ (изменение ситуации). В идише глагол *vern*, как и его немецкий аналог *werden*¹³, помимо общего значения ‘становиться’, в независимом употреблении может иметь значение ‘появляться, возникать, наступать’, существуют также безличные конструкции со значением перемены состояния: *es iz im kalt gevorn* ‘ему стало холодно’. Употребление глагола *vern* в данных значениях возможно и в других временных формах, но более частотной оказывается перфектная форма.

По сведениям [Гухман 1964: 162], конструкция с *werden* имела результативное значение на ранней стадии развития немецкого языка. Но ко времени формирования идиша, в начале средневерхненемецкого периода, результативная семантика формы расширяется и конструкция начинает использоваться в общем пассивном значении, поэтому в данном случае речь идет, скорее всего, о повторной актуализации лексического значения *vern*. Поскольку, как известно, идиш долгое время находился в контакте со славянскими языками, повлиявшими на общее развитие видовой семантики глагольных форм, в данном случае напрашивается вывод о том, что выделение перфективного маркера *gevorn* может быть связано с поздней интерференцией со славянскими языками. Впрочем, по нашему предположению, процесс развития формы был более сложным.

Для того чтобы проследить закрепление перфективной семантики за данным показателем, необходимо обратиться к группе глаголов с активным значением, которые помимо обычной парадигмы имеют также дублетный вариант парадигмы с *vern*, при этом лексическое значение и аспектальный класс у обоих вариантов совпадают. Для сравнения заметим, что в немецком языке также существует тенденция к формированию параллельных парадигм. При разборе немецких результативных конструкций [Litvinov, Radčenko 1998: 132] отмечают: «manche könnten fast sagen, der Deutschsprechende habe neben seiner Liste von Verben noch eine zweite Liste von Perfektformationen, also *verschwunden sein* neben *verschwinden*, *vergessen haben* neben *vergessen*, *verletzt haben* neben *verletzen* usw., die als Verben benutzt und verändert werden können»¹⁴ (курсив оригинала. — В. Ф.). Такой список перфективов начинается формироваться в идише на базе конструкции с грамматикализованным глаголом *vern*, а не *zajn* или *hobn*, как можно было бы ожидать, исходя из данных немецкого языка.

Глаголы, обладающие дублетными перфективными формами, чаще всего имеют значение «экстремального изменения состояния»:

<i>antlojfn</i>	— <i>antlofn vern</i>	‘убегать’,
<i>antrinen</i>	— <i>antrunen vern</i>	‘исчезать’,
<i>antšlofn</i>	— <i>antšlofn vern</i>	‘засыпать’,
<i>farfaln</i>	— <i>farfaln vern</i>	‘пропадать’,
<i>faršvinden</i>	— <i>faršvunden vern</i>	‘исчезать’,
<i>antšvajgn</i>	— <i>antšvign vern</i>	‘замолчать’.

¹³ Стоит отметить, что глагол *vern* в пассивных конструкциях в идише является менее грамматикализованным по сравнению с немецким языком и сохраняет префикс *ge-* в форме пассивного причастия *gevorn*.

¹⁴ «Порой можно даже сказать, что у говорящего по-немецки рядом со списком глаголов есть второй список с перфективами, которые могут использоваться и изменяться подобно глаголам, то есть *verschwunden sein* рядом с *verschwinden*, *vergessen haben* рядом с *vergessen*, *verletzt haben* рядом с *verletzen* и т. д.»

Перечисленные глаголы имеют полные парадигмы в своей обычной форме и в конструкции со вспомогательным глаголом *vern*. Приведем примеры некоторых из этих дублетных форм:

Таблица 2

Название формы	Глагольная форма	Дублетная конструкция с <i>vern</i>
Настоящее время	<i>ix antlojf</i>	<i>ix ver antlofn</i>
Перфект	<i>ix bin antlofn</i>	<i>ix bin antlofn gevorn</i>
Хабитуалис	<i>ix fleg antlojfn</i> и т. д.	<i>ix fleg antlofn vern</i> и т. д.

Данный вид глагольных форм встречается в идише уже на ранней стадии его развития и получает распространение в языке посредством библейских переводов. Как фиксирует Э. Тимм, в переводах XVI в. корень *m-l-t/p-l-t* (מלט, מלט) со значением ‘убегать, исчезать’ в форме глагольной породы нифаль (פיל) передается сочетанием *antrunen vern* [Timm 2005: 156—157]. Добавление глагола *vern*, с одной стороны, связано со стремлением передать на идише основное, пассивное значение породы нифаль. С другой стороны, такое сочетание становится удобным для перевода, поскольку в качестве дополнительных значений формы нифаль обладают также семантикой ингрессива / инхоатива, что совпадает с изначальной лексической семантикой грамматикализованного *vern*. По данным [Nedjalkov 1988a: 431], как раз к началу XVI в. пассивные формы с *werden* широко распространяются в немецком языке, в то время как тенденция к формальному различению конструкций результата с *sein* и пассива с *werden* появляется уже к XIII в. Соответственно, библейские тексты переводятся на идиш в период, когда в немецком языке завершается процесс грамматикализации глагола *werden* как показателя пассивного залога.

В этот же период в идише формируется модель для адаптации заимствованных еврейско-арамейских глагольных корней с помощью вспомогательных глаголов¹⁵ *vern* и *zajn*: РТСР + *vern* или РТСР + *zajn*, где в качестве РТСР может выступать причастие из древнееврейского языка, например *nelem vern* ‘исчезать’, *maskim zajn* ‘соглашаться’. Употребление вспомогательных глаголов *vern* и *zajn* с причастиями еврейско-арамейского происхождения и семантика выражений требуют отдельного рассмотрения, что выходит за рамки данной статьи¹⁶. Отметим только, что глаголы, образованные с помощью вспомогательного *vern*, могут иметь пассивное значение, например *mekuem vern* ‘осуществляться’, или разные оттенки перфективной семантики: *nimes vern* ‘надоест’, *nifter vern* ‘умереть’. Заимствование *mevulbl vern* ‘прийти в смущение’ свидетельствует о том, что глаголы с инхоативным значением также сочетаются со вспомогательным *vern*, т. е. аспектуальная характеристика, содержащаяся в лексическом значении заимствованного глагола, дополнительно подчеркивается перфективным маркером. В целом наблюдается устойчивая тенденция к оформлению заимствований породы нифаль с помощью глагола *vern*. Новообразованные конструкции обладают полной парадигмой временных форм, но не образуют отдельных видовых форм (семельфактива, инхоатива, дуратива, интенсива). Интересно, что за счет распределения вспомогательных глаголов *vern* и *zajn* между заимствуемыми глагольными корнями в идише снимается вопрос о выборе вспомогательного глагола при образовании перфекта от новых лексем. Глаголы с пассивным значением и отдельные непереходные глаголы, образующиеся с помощью *vern*, всегда будут использоваться

¹⁵ В [Лучина, Тышкевич 2015] для обозначения глаголов *vern* и *zajn* в конструкциях этого типа используется термин «легкий глагол» (калькированный английский термин «light verb» [Jespersen 1942]).

¹⁶ Стратегии заимствования глагольного материала из семитских языков в идиш подробнее рассмотрены в [Wexler 1980].

в перфекте со вспомогательным *zajn* (*ix bin nelem gevorn* ‘я исчез’), в то время как все заимствования с *zajn* будут образовывать перфект с помощью *hobn* ‘иметь’ (*ix hob mekane geven* ‘я позавидовал’).

Развитие описанной модели оформления заимствований в идише способствует закреплению за глаголом *vern* дополнительной перфективной семантики, которая затем распространяется также на формы германского компонента лексики, как показано в примерах (13)–(16). Из этого можно заключить, что более позднее влияние славянской видо-временной системы, если оно действительно имело место, только ускоряет формирование перфективного показателя, но не определяет формальный состав конструкции. Как показывают [Talmy 1982] и [Gold 1999] на материале глаголов с превербами, в идише аспектное противопоставление перфектива и имперфектива морфологически не выражено в отличие от русского языка. Возможно, формирование показателя перфектива свидетельствует о начале формализации данного противопоставления в языке, однако из-за совмещения в одном показателе семантики пассивизации и перфективации второе значение оказывается возможным только для непереходных глаголов.

Выступая как показатель динамического пассива при переходных глаголах, *vern* и причастие *gevorn* могут сочетаться с любыми аспектуальными классами глаголов, в том числе и с неопредельными:

- (17) *Di lezung iz gezuxt gevorn.*
 DEF решение быть.AUX.3S искать.PTCP становиться.AUX.PTCP
 ‘Решение **искали**’.

При этом пассивизация не сопровождается изменениями в аспектуальной характеристике глагола, и рассматриваемые формы сохраняют признаки имперфектива, в частности, на синтаксическом уровне. В идише соблюдается так называемый критерий имперфективности, предложенный в работе [Abraham, Leiss 2006: 505] на материале немецкого языка (imperfectivity criterion): «Impersonal passives¹⁷ are incompatible with Stative Passive constructions». Синтаксическое ограничение на безличное употребление стативного пассива в идише полностью сохраняется как в настоящем времени, так и в перфекте:

- (18) **In zal iz getantst.*
 в зал быть.AUX.3S танцевать.PTCP
- (19) *In zal vert getantst.*
 в зал становиться.AUX.3S танцевать.PTCP
 ‘В зале **танцуют**’.
- (20) **In zal iz geven getantst.*
 в зал быть.AUX.3S быть.AUX.PTCP танцевать.PTCP
- (21) *In zal iz getantst gevorn.*
 в зал быть.AUX.3S танцевать.PTCP становиться.AUX.PTCP
 ‘В зале **танцевали**’.

Таким образом, формы пассива с *vern*, как и в немецком языке с *werden*, могут сочетаться с безличным употреблением имперфектива. Однако если вспомогательный глагол выступает не как показатель пассива, а как перфективный маркер, то безличное употребление конструкции оказывается невозможным, предложение (22) является грамматически правильным, только если оно интерпретируется как субъектный результатив:

- (22) *Gorništ hot nit geholfen, es iz farfaln gevorn!*
 ничто иметь.AUX.3S NEG помогать.PTCP 3S.N быть.AUX.3S пропадать.PTCP становиться.AUX.PTCP
 ‘Ничего не помогло, оно **пропало!**’

¹⁷ В данном случае термин «пассив» употребляется, в частности, для обозначения разных типов результативных конструкций, в том числе и субъектного результата.

Если речь идет о ситуации в целом и предложение оказывается безличным, то такое употребление невозможно. В этом случае необходимо использовать конструкцию с *zajn*:

- (23) *Gorništ hot nit geholfen, es iz geven farfaļn!*
 ничто иметь.AUX.3S NEG помогать.ПТСР 3S.N быть.AUX.3S быть.AUX.ПТСР пропадать.ПТСР
 ‘Ничего не помогло, все **пропало!**’

Из примера (23) становится очевидно, что глаголы с дублетными перфективными формами могут в редких случаях иметь синтаксические ограничения на употребление с глаголом *vern* и заменять его на *zajn*. Это связано, по всей видимости, с происхождением перфективатора *geborn* от динамической пассивной конструкции. Впрочем, данный вопрос требует более пристального внимания и привлечения сведений о других видо-временных формах глаголов указанной группы, поэтому на нашем материале он подробнее рассматриваться не будет.

2.2. Конструкция *zajn*.PRF + v.ПТСР

2.2.1. Конструкция *zajn*.PRF + v.ПТСР с формальной точки зрения представляет собой стативный (адъективный) пассив и не приводится в большинстве грамматик идиша как отдельная форма, поскольку она, по всей видимости, интерпретировалась как сочетание глагола-связки и адъективированного причастия (подобно тому, как это делается, например, в [Буланин 1978]) и не осмыслялась как единая грамматическая конструкция. Действительно, две пассивные формы различаются между собой синтаксически: в *vern*.PRF + v.ПТСР глагольная рамка в большинстве случаев сохраняется¹⁸, в то время как в *zajn*.PRF + v.ПТСР причастие от глагола *zajn* употребляется в препозиции к причастию от смыслового глагола. Такой порядок слов может дополнительно свидетельствовать об адъективизации причастия. Однако, с другой стороны, стоит учесть, что данный порядок слов мог установиться по аналогии с конструкциями активного плюсквамперфекта (двойного перфекта). Возможно, поэтому во избежание омонимии форм происходит распределение форм вспомогательных глаголов: в плюсквамперфекте в качестве вспомогательных глаголов остаются *hobn* ‘иметь’ (24) или сочетание *zajn* + *hobn* (25):

- (24) *hot gehat gegesn*
 иметь.AUX.3S иметь.AUX.ПТСР есть.ПТСР
 ‘(он) съел (давно)’
- (25) *iz gehat avek-geborn*
 быть.AUX.3S иметь.AUX.ПТСР уезжать.ПТСР
 ‘(он) уехал (давно)’

В результате сохраняется сочетание личной формы и причастия от глагола *zajn*:

- (26) *iz geven gemacht*
 быть.AUX.3S быть.AUX.ПТСР делать.ПТСР
 ‘(он) был сделан’¹⁹.

¹⁸ Выбор варианта порядка слов в конструкции может зависеть от стилистических предпочтений писателя. Так, для прозы И. Башевиса-Зингера характерно нарушение глагольной рамки в конструкциях с *vern*.

¹⁹ В [Jacobs 2005: 218] со ссылкой на [Mark 1978] приводится также форма плюсквамперфекта от непереходных глаголов со вспомогательным *zajn*, характерная для северо-восточного (литовско-белорусского) диалекта идиша и отдельных анклавов:

er iz geven gekumen
 3s быть.AUX.3S быть.AUX.ПТСР приходить.ПТСР
 ‘Он пришел (давно)’.

В целом, как будет показано в разделе 2.2.3, в данной диалектной группе конструкции с причастием *geven* оказываются намного более распространенными, чем в других диалектах.

Конструкция со вспомогательным глаголом *zajn* формально совпадает с немецким перфектом от результативных конструкций типа *ist geöffnet gewesen* ‘было открыто’. В немецком языке данные формы являются редкими — по статистическим подсчетам [Nedjalkov 1988a: 413], они составляют только 2 % от всех результативных форм, встретившихся в материале. В идише аналогичные конструкции оказываются намного более популярными, что можно было бы объяснить утратой претерита, функции которого взяли на себя перфектные формы. Однако последующий разбор семантики конструкции позволит уточнить процесс развития ее формы.

Основное значение конструкции *zajn*.PRF + V.PTCP — результирующее состояние в прошедшем:

- (27) *Simxes-tojre hot men gexapt a šluk far-n davenen*
 Симхес-тойре иметь.AUX.3S INDFP хватать.PTCP INDF глоток до-DEF.DAT молитва
un der ojlem iz šojn geven baj tsajtns faršnošket [Z].
 и DEF публика.НОМ быть.AUX.3S уже быть.AUX.PTCP заранее быть навеселе.PTCP
 ‘На праздник Симхес-тойре перед молитвой выпивали по стаканчику, и народ уже заранее **был навеселе**’.

В примере (27) лексические показатели, наречия *šojn* ‘уже’ и *baj tsajtns* ‘заранее’, подчеркивают результативное значение формы (результат, актуальный до определенного момента в прошлом) и ее отнесение к зоне прошедшего. При этом конструкция с *zajn* частично сохраняет таксисную семантику, что приводит к ограничению на сочетание с планом настоящего:

- (28) **Der kranker iz geven ahejm-gebraxt,*
 DEF больной.НОМ быть.AUX.3S быть.AUX.PTCP домой-приводить.PTCP
der dokter iz geven gerufn.
 DEF доктор.НОМ быть.AUX.3S быть.AUX.PTCP звать.PTCP
ist geht avek, men darf nit mer ajer hilf!
 теперь идти.2P.IMP прочь INDFP нуждаться.3S.PRS NEG больше ваша помощь.ACC
 (Предполагаемое значение: ‘Больной **был отвезен** домой, доктор **был вызван**, теперь уходите, ваша помощь больше не нужна!’)

Рассматриваемой форме свойственна «текущая нерелевантность», типологически характерная для плюсквамперфекта [Dahl, Hedin 2000], соответственно, для данной конструкции существуют ограничения на классическую перфектную семантику. Невозможно ее употребление в экспериенциальном значении:

- (29) **Aza majse iz kejnmol nit geven gehert!*
 такой история.НОМ быть.AUX.3S никогда NEG быть.AUX.PTCP слышать.PTCP
 (Предполагаемое значение: ‘Это неслыханная история!’ (букв. ‘Такая история никогда не **была услышана**’).)

Инклюзивное значение в широком контексте воспринимается информантами как «странное, нелогичное»:

- (30) *Der jidišer bejs-ojlem iz fun hajntiks jor*
 DEF еврейский кладбище быть.AUX.3S с.PRP нынешний год
on geven opgehit durx gute menčn.
 с.PRP быть.AUX.PTCP беречь.PTCP PRP хороший человек.P
 ‘С этого года за еврейским кладбищем **присматривают** хорошие люди’.

В отсутствии контекста, с наречием *noh alts* ‘все еще’ конструкция признается грамматически неправильной:

- (31) **Di lejzung iz noh alts geven gezuxt.*
 DEF решение.НОМ быть.AUX.3S еще всё быть.AUX.PTCP искать.PTCP
 (Предполагаемое значение: ‘Решение всё еще **искали**’.)

Таким образом, конструкция с *zajn* помещает действие глагола во временной интервал в прошедшем (past temporal frame в терминологии [Dahl 1985: 146]) и обслуживает некоторые дополнительные значения зоны неактуального прошлого, характерные также для форм плюсквамперфекта:

1) отдаленное прошлое:

- (32) *Dos Bechov iz hajnt oix a hek.*
 DEF Бечов.НОМ быть.3s сегодня тоже INDF глушь
Damolst iz Bechov geven opgerisn fun der velt.
 Тогда быть.AUX.3s Бечов быть.AUX.PTCP отрывать.PTCP от DEF мир
A zump tsvisn velder [Z].
 INDF болото.НОМ между лес.Р
 ‘Этот Бечов и теперь дыра. Тогда Бечов **был оторван** от мира. Болото среди лесов’;

2) значение «прекращенной ситуации»:

- (33) *Hagam Leizer-Jankelise iz gevejnt*
 хотя жена Лейзера-Янкеля быть.AUX.3s приучать.PTCP
geven tsu dem mans zidleraj un bejzkajt af Gdalje-Hersn,
 быть.AUX.PTCP к DEF муж.POSS брань и злость на Гдалье-Герш.ДАТ
nor hajntiks mol <...> hot es zi ongexapt baj-m hartsn <...> [MM].
 но нынешний раз иметь.AUX.3s 3s.НОМ 3s хватать.PTCP за-DEF.ДАТ сердце.ДАТ
 ‘Хотя жена Лейзера-Янкеля **была привыкшей** к брани и озлобленности мужа на Гдалье-Герша, в этот раз она приняла ситуацию близко к сердцу’.

В следующем примере авторская ирония строится на разнице в значении конструкций со вспомогательными глаголами *zajn* и *vern*:

- (34) *Fargesn zajnen di alte geven baj zejer lebn*
 забывать.PTCP быть.AUX.3P DEF старый.Р быть.AUX.PTCP при их жизнь
un fargesn zajnen zej gevorn baj zejer tojt [A].
 и забывать.PTCP быть.AUX.3P 3P становиться.AUX.PTCP при их смерть
 ‘**Забыты были** старики при жизни, и после смерти (*букв.* со смертью) их **забыли**’.

Обстоятельство *baj zejer lebn* ‘при жизни’ подчеркивает здесь длительность результирующего состояния, описываемого конструкцией *zajn*.PRF + V.PTCP. В данном контексте читатель ожидает реализации семантики «прерванной ситуации» и прекращения состояния забвения, но читательские ожидания оказываются напрасными. Употребление того же глагола *fargesn* с пунктивным значением, которое дополнительно подчеркивается обстоятельством *baj zejer tojt* ‘со смертью’, словно удваивает степень забвения.

2.2.2. При сравнении употребления конструкций *zajn*.PRF + V.PTCP с плюсквамперфектными формами активного залога было выяснено, что обе группы обладают сходной семантикой. Активный плюсквамперфект в идише, как и в некоторых других немецких диалектах, например в цюрихском [Squartini 1999]²⁰, может иметь следующие значения:

1) результирующего состояния в прошедшем:

- (35) *Ist hot šojn der boxer gehat ojsdertsejlt*
 теперь иметь.AUX.3s уже DEF парень иметь.AUX.PTCP рассказать.PTCP
dem vaxndikn naxt-jidn vegn ale umglikn,
 DEF.ДАТ бодрствующий ночной-еврей о все несчастье.Р

²⁰ Сверхсложные формы, или так называемый «двойной перфект», достаточно широко представлены в языках Европы, но по преимуществу в неофициальном языке и устной речи. О грамматической семантике и процессе возникновения данных конструкций см. подробнее в [Abraham 2004]. В [Сичинава 2013] данное явление детально разбирается в типологическом контексте.

vos hobn mit im getrofn [B].
 который иметь.AUX.3P с 3s случаться.PTCP

‘Теперь уже мальчик **рассказал** бодрствующему сторожу обо всех несчастиях, которые с ним приключились’.

В данном примере форма перфекта относится к более раннему событию, а плюсквамперфект описывает более позднее, что свидетельствует о преобладании у плюсквамперфектной формы аспектной семантики над таксисной. Сочетание с наречиями *itst* ‘теперь’ и *šojn* ‘уже’ дополнительно подчеркивает результативное значение;

2) отдаленного прошлого:

- (36) *Di majse derfun iz geven azoj:*
 DEF история об этом быть.3S быть.AUX.PTCP так
Hendl iz gehat avek-gefor mit sxojre in veg arajn [MM].
 Гендл быть.AUX.3S иметь.AUX.PTCP уезжать.PTCP с товар в.PRP дорога в.PRP
 ‘История была такова: Гендл **отправился** с товаром в дорогу’.

Здесь можно наблюдать типологически частотное для плюсквамперфекта так называемое зачинное значение («сдвиг начальной точки»), характерное, например, для русского плюсквамперфекта [Петрухин, Сичинава 2006: 209; Сичинава 2008];

3) «прерванной ситуации»:

- (37) *Herš-Mendl der hon hot zix azoj deršrokn,*
 Герш-Мендл DEF петух иметь.AUX.3S RFL так пугаться.PTCP
az far šrek hot er tsurik ojsgebraxt ale štern,
 CONJ от страх иметь.AUX.3S 3s обратно выплевывать.PTCP все звезда.P
vos er hot šojn gehat ojsgepikt [MA].
 который 3s иметь.AUX.3S уже иметь.AUX.PTCP склевать.PTCP
 ‘Петух Герш-Мендл так испугался, что от страха выплюнул все звезды, которые уже <успел> **склевать**’;

4) «аннулированного результата»:

- (38) — *Du bist dox jo do?*
 2s быть.2S еще здесь
 — *X' bin šojn gehat avek — zog ix —*
 1s быть.AUX.1S уже иметь.AUX.PTCP прочь говорить.1S 1s
nor x' hob mix umgekert [Z].
 но 1s иметь.AUX.1S RFL возвращаться.PTCP
 ‘— Ты еще здесь?
 — Я, **было**, ушел, — говорю я, — но вернулся’.

Последнее значение оказывается не свойственно конструкции *zajn*.PRF + *v*.PTCP. Можно предположить, что оно утрачивается в ходе языкового развития, поскольку изначальный вариант рассматриваемой конструкции — немецкий перфектный результатив (а также синонимичные ему формы двойного перфекта) — обладает значением «аннулированного состояния» (в терминологии [Nedjalkov, Jaxontov 1988: 40—41]). Соответствующие примеры перфектного результата приведены в [Litvinov, Nedjalkov 1988: 107—108]; примеры форм двойного перфекта с тем же значением см. [Litvinov, Radčenko 1998: 132]. Из-за утраты претерита в идише синонимия результата в прошедшем и двойного перфекта в пассивном залоге оказывается неполной. Вероятная форма пассивного плюсквамперфекта должна была бы выглядеть как *AUX + AUX.PTCP + v.PTCP + AUX.PTCP*:

- (39) **bin geven genumen geven*
 быть.AUX.1S быть.AUX.PTCP брать.PTCP быть.AUX.PTCP
 (Предполагаемое значение: ‘Я был взят (давно)’).

Однако подобные конструкты существуют только на страницах ранних грамматик идиша (см. п. 1.2). Впрочем, не исключено, что частичное совпадение указанных форм поспособствовало распространению конструкции *zajn*.PRF + V.PTCP и закреплению за ней значений зоны неактуального прошлого. Недостаток форм для выражения временных и аспектуальных значений в пассиве, вызванный избыточным аналитическим характером конструкций, привел к широкой синонимии грамматических значений.

2.2.3. Конструкция со вспомогательным глаголом *zajn* морфологически соответствует результату в прошлом, но имеет акциональную интерпретацию и покрывает значения зоны неактуального прошлого за исключением семантики ирреалиса. Такая схема развития дает основания считать *geven* показателем ретроспективного сдвига (в терминологии [Плунгян 2001]), за которым закреплена семантика неактуального прошлого. Этот тезис подтверждается также тем, что показатель *geven* начинает использоваться в идише за пределами описанной результативной конструкции и участвует в разных типах образования ирреалиса активного и медиального залогов. Поскольку конструкции ирреалиса являются поздней и, скорее всего, внутривидовой инновацией, то в идише существует несколько синонимичных форм для выражения данного значения. В литовском и украинском диалектах идиша маркер *geven* может быть включен в любую из них:

1. Конструкция с модальным глаголом *zoln*²¹ + V.INF:

- (40) *Un me volt ništ gevust derfun ad hajem, es zol zix*
и INDFP IRR NEG знать.PTCP об этом до сегодня 3s SBJV RFL
nit geven trefn mit mir a najer umglik <...> [SA].
NEG быть.AUX.PTCP происходить.INF с 1s INDFP новый несчастье.NOM
'И об этом бы не узнали до сегодняшнего дня, если бы со мной не случилось новое несчастье'.
- (41) *Ven aza Gdalse-Herš zol geven onšparn in Pariz,*
CONJ такой Гдалье-Герш SBJV быть.AUX.PTCP экономить.INF в Париж
volt er gegangen in gold <...> [MM].
IRR 3s ходить.PTCP в золото
'Если бы этот Гдалье-Герш сэкономил в Париже, он бы ходил в золоте'.

2. Конструкция с частицей *volt* (грамматизированный претерит от глагола «хотеть») + V.INF:

- (42) *Dermi volt zix ešer der intsident geven geendikt,*
на этом IRR RFL может быть DEF инцидент.NOM быть.AUX.PTCP заканчивать.PTCP
hot zix ober gefunen a «kavalir» [SA].
иметь.AUX.PTCP RFL но находить.PTCP INDFP кавалер
'На этом инцидент, может быть, и закончился бы, но нашелся «кавалер»'.

В рассмотренных предложениях наблюдается общая утрата выражением пассивного значения: в примерах (40) и (42) залоговую «нагрузку» несет рефлексивный показатель *zix*, а в (41) конструкция имеет значение действительного залога.

Ретроспективный показатель *geven* используется с любыми глаголами вне зависимости от их акционального или лексического класса, в том числе с модальными и с глаголом *zajn*:

- (43) *Er vundert zix, vi aza šnek, a verml,*
3s удивляться.3s RFL как такой улитка INDFP червяк
a gorništ mit a ništ zol geven kenen azojns ibertrogn <...>! [MM].
INDFP ничто с INDFP ничто SBJV быть.AUX.PTCP мочь.INF такой.N терпеть.INF
'Он удивляется, как такая улитка, червяк, полное ничтожество смог вынести все это'.

²¹ Глагол *zoln* (ср. с нем. *sollen* 'быть должным') в идише не имеет отдельного значения, но придает смысловому глаголу модальный оттенок (опативный, потенциальный и т. д.). В зависимых предложениях сочетание глагола *zoln* с инфинитивом смыслового глагола интерпретируется как конъюнктив.

- (44) *Er gedenkt ništ <...>, zol geven zajn a mol zajn gelibte* [SA].
 3s помнить.3s NEG SBJV быть.AUX.PTCP быть.INF когда-то POSS.M возлюбленный.F
 ‘Он не помнит, **была** ли у него когда-нибудь возлюбленная’.

Как видно из примеров (43)—(44), сочетание *zoln + geven + v.INF* употребляется также в придаточных предложениях со значением косвенного вопроса.

Показатель ретроспективного сдвига *geven* может придавать выражению эвиденциальную семантику, как в следующем примере с цитированием чужого высказывания²²:

- (45) *Vajber hejbn dervajl on dem šmues vegn der hajntiker večere,*
 женщина.Р начинать.3Р пока СВВ DEF.ACC разговор о DEF.DAT сегодняшний ужин
itlexe mit irs: <...> baj jener iz der arbes
 каждый.F с POSS.F у каждый.DAT.F быть.AUX.3s DEF горох
tsekoxt geven vejx, vi marx <...> [MM].
 разваривать.PTCP быть.AUX.PTCP мягкий как костный мозг
 ‘Женщины тем временем начинают разговор о сегодняшнем ужине, каждая о своем: у той, мол, горох **разварился** (и стал) мягким, как костный мозг’.

Важно, что у показателя *geven* всегда фиксированная синтаксическая позиция, как и в рассмотренных выше конструкциях «расширенного» результата.

Приведенные выше примеры ирреалиса, эвиденциалиса и косвенного вопроса характерны исключительно для северо-восточного (литовско-белорусского) и юго-восточного (украинского) диалектов идиша. Носители юго-западного (польского) диалекта восточного идиша признают данные примеры аграмматичными и заменяют конструкцию типа *zoln + geven + v.INF* (*zol geven onšparn* ‘экономил’) на нормативный вид ирреалиса в прошлом — *volt + gehat + v.PTCP* (*volt gehat upgešpurt*²³).

Таким образом, можно проследить следующие этапы в развитии ретроспективного показателя *geven* в идише:

- 1) формальное совпадение результата в прошедшем с плюсквамперфектом;
- 2) расширение значения конструкции *zajn.PRFG + v.PTCP* в зону плюсквамперфекта и появление семантики неактуального прошлого;
- 3) расширение сферы употребления показателя ретроспективного сдвига *geven*: в литовско-белорусском диалекте идиша он участвует в образовании форм ирреалиса.

По типологическим данным, формы от глагола ‘быть’ чаще других оказываются маркерами ретроспективного сдвига [Plungian, van der Auwera 2006: 345]. Структура конструкции также оказывается типологически распространенной в европейском ареале: показатель результата совмещается с показателем неактуального прошлого (ретроспективного сдвига).

Предположение о том, что в идише существует показатель ретроспективного сдвига, высказывалось и раньше: согласно [Петрухин, Сичинава 2006: 204], на роль такого маркера может претендовать перфектное причастие от глагола *hobn* — *gehat*, использующееся при образовании активного плюсквамперфекта (см. примеры (35)—(38)) и совершенного будущего времени. Это предположение основывается на материале [Gold 1998], которая, в свою очередь, не использует сам термин, но интерпретирует данную форму как наречие, функционирующее именно в качестве ретроспективного маркера: «This word [*gehat*] functions adverbially in shifting the time reference point into the past» [Gold 1998: 232].

Однако из претендентов на роль ретроспективного показателя более универсальным оказывается грамматикализованное причастие от глагола *zajn* — *geven*. Как было показано выше, он обслуживает также значение ирреалиса в активном залоге. Благодаря развитию

²² Использование показателя ретроспективного сдвига для придания высказыванию эвиденциальной семантики является типологически распространенным явлением, см., например, [Беляев 2012: 202].

²³ Информанты настаивают на смене глагольной приставки.

двух конкурирующих ретроспективных показателей, в идише в отличие от немецкого языка [Litvinov, Radčenko 1998: 37] сохраняется морфологически оформленное противопоставление расширенного результата в прошлом (*iz geven geefnt* ‘был открыт’) и плюсквамперфекта от непереходных глаголов (*iz gehat gekumen* ‘пришел’).

Приводя формы двойного перфекта от глаголов *zajn* и *vern*, У. Кифер указывает, что они образуются со вспомогательным *hobn* во избежание тавтологического повтора: *ix bin gehat geven* ‘я был’, *ix bin gehat gevorn* ‘я стал’, но никогда **ix bin geven geven* [Kiefer 1994: 143]. Но для идиша, как для языка с развитым аналитизмом в глагольной системе, в целом не характерна тенденция избавляться от плеонастических форм. Так, в нашем материале встречаются формы плюсквамперфекта от слабо грамматикализованного выражения *xasene hobn* ‘жениться’ (букв. ‘свадьбу иметь’) с повторяющимся причастием от глагола *hobn*: *zi hot gehat xasene gehat* ‘она вышла замуж’²⁴. В первом случае *gehat* является частью конструкции плюсквамперфекта, в то время как вторая форма относится к перифрастическому²⁵ глаголу ‘жениться’. Поэтому объяснение У. Кифер следует считать недостаточным. Приведенные формы следуют унифицированной модели образования плюсквамперфекта от непереходных глаголов, формально противопоставленной конструкциям с результативным значением.

Материал нашего исследования, к сожалению, не позволяет сформулировать выводы о диалектной специфике употребления ретроспективных маркеров, но по этому поводу необходимо сделать одно предварительное наблюдение. Можно предположить, что показатель *gehat* получает большее распространение и унифицируется в польском диалекте идиша.

Для отражения дополнительных аспектуальных значений зоны неактуального прошлого у конструкции *zajn*.PRF + V.PTCP существует конкурирующая форма. И. Башевис-Зингер использует плюсквамперфектную форму от пассивной конструкции с *vern*, состоящую из вспомогательного глагола *zajn*, пассивного причастия от глагола *hobn* — *gehat*, пассивного причастия от глагола *vern* — *geborn* и пассивного причастия от смыслового глагола. В следующем примере речь идет о событиях далекого прошлого:

- (46) *Di fis zenen im gehat*
 DEF нога.NOM.P быть.AUX.3P 3S.DAT иметь.AUX.PTCP
geborn opgefrojn in sibir [Z].
 становится.AUX.PTCP отморозить.PTCP в Сибирь
 ‘Ноги **были** у него **отморожены** в Сибири’.

В примере (45) конструкция употреблена в значении «прерванной ситуации»:

- (47) *R' Šefil iz gehat gevorn faršvaxt fun paxed,*
 реб Шефл быть.AUX.3S иметь.AUX.PTCP становится.AUX.PTCP ослаблять.PTCP от страх
ober er hot zix dermont
 но 3S иметь.AUX.3S RFL вспоминать.PTCP
on got un iz gekumen tsu zix [Z].
 о бог и быть.AUX.3S приходить.PTCP к себя
 ‘Реб Шефл **ослабел** от страха, но вспомнил о боге и пришел в себя’.

Данная форма может быть образована только от непереходных глаголов, что исключает ее пассивное значение. Совмещение показателей перфектива (*geborn*) и ретроспективного сдвига (*gehat*) придают высказыванию семантику неактуального прошлого и представляют собой альтернативу для маркера *geven*. В нашем материале данная конструкция не встречается у других авторов и, следовательно, может принадлежать диалектному варианту И. Башевиса-Зингера. Носители польского диалекта идиша понимают данную конструкцию,

²⁴ В [Goldwasser 1980: 36] сообщается о невозможности образования подобных форм, однако наш материал опровергает эти данные.

²⁵ Термин «перифрастический глагол» принят в грамматике идиша для обозначения составных глагольных выражений.

но подчеркивают ее книжный характер, называя ее «бумажный язык» (papirene šprax). Они не употребляют эту форму в речи и предлагают заменить пример (44) на сокращенный вариант:

- (48) *Ba im zenen di fis gefrojrn gevorn in sibir.*
 у 3S.DAT быть.AUX.3P DEF нога.NOM.P морозить.PTCP становиться.AUX.PTCP в Сибирь
 ‘У него ноги **были отморожены** в Сибири’.

3. Выводы

В процессе реорганизации системы прошедших времен в идише у показателей перфекта пассивного залога развиваются новые значения. Языковые изменения, происходящие в системе, могут быть спровоцированы внешним контактным влиянием: выделение перфективного показателя *gevorn* начинается с контакта с письменным древнееврейским языком и калькирования особенностей его глагольной системы. При этом немецкий материал оказывается удобным для совмещения пассивных и аспектуальных, перфективных значений в одном показателе. Длительное бытование идиша на территории распространения славянских языков могло способствовать закреплению и ускорению развития перфективной семантики *gevorn*.

Образование показателя ретроспективного сдвига *geven* является результатом внутрисконструктурного развития. Форма со вспомогательным глаголом *zajn* по своему происхождению является перфектом от результативной конструкции и обладает функциями плюсквамперфектных форм, компенсируя таким образом невозможность образования данных форм от конструкции пассивного залога.

Формирование новых показателей затрагивает разные диалекты идиша и наблюдается в равной степени в литературном языке XIX в. и в современных языковых вариантах, в частности в хасидском идише.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо, ACC — аккузатив, AUX — вспомогательный глагол, CONJ — союз, CVB — конверб, DAT — датив, DEF — определенный артикль, F — женский род, FUT — будущее время, HAV — хабутуалис, IMP — императив, INDF — неопределенный артикль, INDFP — неопределенное местоимение, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, IRR — ирреалис, M — мужской род, N — средний род, NEG — отрицание, NOM — номинатив, P — плюралис, POSS — посессив, PRF — перфект, PRP — предлог, PTCP — причастие, RFL — рефлексив, S — сингулярис, SVJV — конъюнктив, V — глагол.

ИСТОЧНИКИ

КЯИ — корпус языка идиш: <http://corpustechnologies.com:8080/YNC/>

A — Ash Sholem

B — Bergelson Dovid

Kave shtibl — хасидский фопум: <http://www.kaveshtiebel.com/>

MA — Manger Yitskhok

MM — Mendeley Moykher-Sforim

SA — Sholem-Aleykhem

Sh — Shteynbarg Elyezer

Z — Zinger Yitskhok Bashevis

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2012 — Беляев О. И. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // Казанский Н. Н. (ред.). *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 2012. С. 181–227. [Belyaev O. I. The aspectual-temporal system of Ashty Dargin. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy RAN*. Kazanskii N. N. (ed.). Vol. VIII. Part 2. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 6: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii*. St. Petersburg: Nauka, 2012. Pp. 181–227.]
- Буланин 1978 — Буланин Л. Л. К соотношению пассива и статива в русском языке // Холодович А. А. (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Ленинград: Наука, 1978. С. 197–202. [Bulanin L. L. Towards the correlation of passive and stativ in Russian. *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1978. Pp. 197–202.]
- Гухман 1964 — Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М.: Наука, 1964. [Gukhman M. M. *Razvitie zalogovykh protivopostavlenii v germanskikh yazykakh. Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya rodstvennykh yazykov* [Development of voice oppositions in Germanic languages. An essay of historical-typological study of kindred languages]. Moscow: Nauka, 1964.]
- Лучина, Тышкевич 2015 — Лучина Е. С., Тышкевич Н. Б. Глагольные аналитические конструкции семитского происхождения среди других перифрастических глаголов в идише // Еврейская речь. № 3. СПб.: Академия исследований культуры, 2015. В печати. [Luchina E. S., Tyshkevich N. B. Verbal analytic constructions of Semitic origin among other periphrastic verbs in Yiddish. *Evreiskaya rech*. No. 3. St. Petersburg: Akademiya issledovaniy kul'tury, 2015. In print.]
- Петрухин, Сичинава 2006 — Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 193–214. [Petrukhin P. V., Sichinava D. V. «Russian pluperfect» in the typological perspective. *Verenitsa liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006. Pp. 193–214.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88. [Plungian V. A. Antiresultative: Before and after the result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Glagol'nye kategorii*. Moscow: Russkie Slovari, 2001. Pp. 50–88.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сичинава 2008 — Сичинава Д. В. «Сдвиг начальной точки»: использование некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории. М.: Гнозис, 2008. С. 241–274. [Sitchinava D. V. «A shift of the initial point»: The use of some verbal forms in introducing function. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Diskursivnye kategorii*. Moscow: Gnozis, 2008. Pp. 241–274.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Pluperfect typology. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press Kniga, 2013.]
- Abraham 1999 — Abraham W. Preterite decay as a European areal phenomenon. *Folia linguistica*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Vol. XXXIII. No. 1. Pp. 11–18.
- Abraham 2004 — Abraham W. The European emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development. *Teoreticheskie problemy yazykoznaniya: Sbornik statei k 140-letiyu kafedry obshchego yazykoznaniya Filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2004. Pp. 224–247. [Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 224–247.]
- Abraham, Leiss 2006 — Abraham W., Leiss E. Impersonal passives. Voice suspended under aspectual conditions. *Passivization and typology. Form and function*. (Typological studies in language. Vol. 68.) Abraham W., Leisö L. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 502–517.

- Askedal 2010 — Askedal J. O. Germanic passive constructions. *Noam Chomsky and language descriptions. Development of the Anglo-Saxon language and linguistics universals*. Askedal J. O., Roberts I., Matsushita T. (eds). No. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 75—110.
- Chang 2001 — Chang Sh.-H. *Rückgang des synthetischen Praeteritums im Jiddischen konstativ zum Deutschen*. (Jidische Schtudies. Beiträge zur Geschichte der Sprache und Literatur der aschkenasischen Juden. Bd 9.) Hamburg: Buske, 2001.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event relevance. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 386—401.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. New York: Basil Blackwell, 1985.
- Dal 1960 — Dal I. Zur Frage des süddeutschen Präteritumschwundes. *Indogermanica. Festschrift für Wolfgang Krause. Zum 65. Geburtstag am 18. Sept. 1960*. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1960. Ss. 1—7.
- Gold 1998 — Gold E. Structural differences: The Yiddish pluperfect and future perfect. *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1998. Vol. 90. No 2. Pp. 227—236.
- Gold 1999 — Gold E. *Aspect, tense and the lexicon: Expression of time in Yiddish*. Doctoral thesis. Univ. of Toronto, 1999.
- Goldwasser 1980 — Goldwasser M. Di langfargangene tsayt in yidish. *The proceedings of the Sixth World congress of Jewish studies. IV*. Jerusalem: World Union of Jewish Studies, 1980. Z. 33—40.
- Haspelmath 2001 — Haspelmath M. European linguistic area: Standard Average European. *Language typology and language universals*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 2. No. 2. Pp. 1492—1509.
- Jacobs 2005 — Jacobs N. G. *Yiddish. A linguistic introduction*. New York: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Jespersen 1942 — Jespersen O. *A Modern English grammar on historical principles*. Part VI: *Morphology*. With assistance of P. Christopherson, N. Haislund, K. Schibbye. London; Copenhagen: Routledge, 1942.
- Kiefer 1994 — Kiefer U. Die Tempusformen im Jiddischen. *Tense systems in European languages*. Thieroff R., Ballweg J. (eds). Tübingen: Niemeyer, 1994. Ss. 135—148.
- Litvinov, Nedjalkov 1988 — Litvinov V., Nedjalkov V. *Resultativkonstruktionen im Deutschen*. (Studien der deutschen Grammatik. Bd 34.) Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988.
- Litvinov, Radčenko 1998 — Litvinov V. P., Radčenko V. I. *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. (Studien der deutschen Grammatik. Bd 55.) Tübingen: Stauffenburg, 1998.
- Mark 1978 — Mark Y. *Gramatik fun der yidisher klal-shprakh*. Nyu-York: Alveltkeher yidisher kultur-kongres, 1978.
- Maslov 1988 — Maslov J. S. Resultative, perfect and aspect. *Typology of resultative constructions*. (Typological studies in language. Vol. 12.) Nedjalkov V. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 63—86.
- Mazin, De Woolf 1927 — Mazin J., De Woolf S. *A manual and grammar of the Yiddish language. Yiddish self-taught*. Enlarged and revised edition. London: R. Mazin, 1927.
- Meillet 1909 — Meillet A. Sur la disparition des forms simples du prétérit. *Germanisch-Romanische Monatsschrift I*. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter, 1909. Pp. 521—526.
- Mieses 1924 — Mieses M. *Die Jiddische Sprache. Eine historische Grammatik des Idioms der integralen Juden Ost- und Mitteleuropas*. Berlin: Harz, 1924.
- Nath 2009 — Nath H. The passive in Soviet Yiddish. *Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik*. Bd 49. Groningen: Center for language and cognition, 2009. Pp. 182—199.
- Nedjalkov, Jaxontov 1988 — Nedjalkov V., Jaxontov S. Typology of resultative constructions. *Typology of resultative constructions*. (Typological studies in language. Vol. 12.) Nedjalkov V. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 3—62.
- Nedjalkov 1988a — Nedjalkov V. Resultative, passive and perfect in German. *Typology of resultative constructions*. (Typological studies in language. Vol. 12.) Nedjalkov V. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 411—432.
- Nedjalkov 1988b — Nedjalkov V. (ed.). *Typology of resultative constructions*. (Typological studies in language. Vol. 12.) Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Vol. 59. No. 4. Berlin: Akademie Verlag, 2006. Pp. 317—349.
- Rejzen 1908 — Rejzen Z. *Yidishe gramatik*. Varshe: Progres, 1908.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of pluperfect: Evidences from Germanic and Romance. *Linguistic typology*. Vol. 3. Konstanz: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 51—90.

- Talmy 1982 — Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic. *Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1982. Pp. 231—250.
- Thieroff 2000 — Thieroff R. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 265—305.
- Timm 2005 — Timm E. *Historische jiddische Semantik. Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes (unter Mitarbeit von Gustav Adolf Beckmann)*. Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Wexler 1980 — Wexler P. Periphrastic integration of Semitic verbal material in slavicized Yiddish and Turkish. *The field of Yiddish: studies in folklore, language and literature*. Herzog M. et al. (eds). Philadelphia: ISHI, 1980. Pp. 431—473.

Статья поступила в редакцию 24.12.2014.

ВНОВЬ О СООТНЕСЕННОСТИ ЯЗЫКА И ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА

© 2016 г. Сурен Тигранович Золян

Институт философии, социологии и права Национальной Академии Наук Армении,
Ереван, 0010, Армения
surenzolyan@gmail.com

С самого начала зарождения генетики было осознано глубинное сходство между языком и процессами обработки и передачи генетической информации. Еще в 1970 г. Р. Якобсон сформулировал проблему соответствий между языком и генетическим кодом как кардинальную для лингвистики. Были предприняты попытки дешифровки кодирующих белки нуклеотидных последовательностей. Однако они не привели к существенным результатам, поскольку эти методики были слабо связаны с методами современной лингвистики, они ограничивались процессами декодирования, что в лучшем случае позволяет составить словарь единиц, но не описать язык и выявить определяющие для коммуникации структуры смысла и текста. Так, до сих пор остаются невыясненными функции порядка 90 % не кодирующих последовательностей ДНК. В должной мере не учитывалось то, что только текст (а не знак) может рассматриваться как объект процесса создания — передачи — сохранения — преобразования информации.

Между тем новейшие открытия показали возможность управления трансгенной экспрессией посредством мыслительной деятельности, что подтверждает необходимость рассматривать процессы обработки генетической информации как коммуникацию. Предлагается рассматривать геном как гипертекст, состоящий из упорядоченного подмножества других текстов. Текст может быть рассмотрен как квазиорганизм, обладающий памятью, креативно-когнитивными характеристиками и коммуникативным потенциалом, а клетка (ее рибосома) — как обладающая квазиинтеллектом и способностью оперировать абстрактными семиотическими последовательностями. В качестве фрагмента подобного описания мы предлагаем рассмотреть синтез белка (генетическую трансляцию) как лингво-семиотический процесс, показав, что «чтение» клеткой генетической информации разделяет существенные характеристики «чтения» текста человеком. Предварительные результаты позволяют углубить отмеченные еще Р. Якобсоном фундаментальные характеристики, сближающие язык и генетический код, и добавить новые: аналог дихотомии языка и речи, знаковый характер генетической информации (наличие означающего и означаемого), разграничение между знаком в системе (type) и в тексте (token).

Ключевые слова: генетическая трансляция, генетический код, геном, гипертекст, текст как квазиорганизм

RETHINKING THE CORRELATIONS BETWEEN LANGUAGE AND GENETIC CODE

Suren T. Zolyan

Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan,
0010, Republic of Armenia
surenzolyan@gmail.com

The deep similarity between language and genetic information transmission processing was recognized from the very foundation of genetics. As early as in 1970, R. Jakobson formulated the issue of correlations between language and the genetic code as pivotal for linguistics. A lot of attempts have been made to use linguistic methods for deciphering protein genes. However, this has not led to significant results,

as far as this kind of technique is limited by the processes of encoding and at best helps to compile a dictionary of units, but is not capable of describing a language and identifying the semantic and textual structures, which are decisive for communication. Thus, functions of the huge amount of non-coding DNA (approximately 90%) still remain unclear. It was insufficiently taken into account that only text (but not sign) should be regarded as an object of creation — transmission — conservation — transformation of information.

Meanwhile, recent research has discovered the possibility to control transgenic expression through mental activity. This compels us to consider the processing of genetic information as communication. We suggest to regard the genome as a hypertext consisting of ordered subsets of other texts. The text itself can be viewed as a quasi-organism having its own memory, creative-cognitive characteristics and communicative force; the cell (its ribosome) — as a quasi-intelligence able to operate with abstract semiotic entities. As a fragment of such an approach, we propose to describe protein synthesis (genetic translation) in terms of linguistic and semiotic processes, demonstrating that the «reading» of genetic information by the cell is endowed with the essential characteristics of human «reading».

Our preliminary results make it possible to extend the R. Jakobsonian set of fundamentals bringing together language and processes of genetic coding and to add some characteristics: an analogue of dichotomy of language and speech, semiotic nature of genetic information (presence of the signifier and the signified), distinction between the sign within grammar (type) and within text (token).

Keywords: genetic code, genetic translation, genome, hypertext, the text as a quasi-organism

Введение

Проблема и ее (пред)история

Аналогии между языком и геномом лежат на поверхности. Именно благодаря им в свое время была сформирована исходная терминология генетики, они же стали основой для расхожих метафор (как, например, «язык жизни» или «язык Бога» — названия научно-популярных книг руководителя мегапроекта по расшифровке генома Френсиса Коллинза [Collins 2006; 2009]). Между тем еще в самом начале новейшего этапа молекулярной биохимии Роман Якобсон, учитывая также идеи своего собеседника в цикле передач французского телевидения в 1960-х гг., первооткрывателя информационной РНК, нобелевского лауреата Франсуа Жакоба, как и других выдающихся генетиков того времени, проницательно заметил, что речь должна идти не о «переносных выражениях», а о необычайно высокой степени подобия между системами передачи генетической и вербальной информации («extraordinary degree of analogy between the systems of genetic and verbal information» [Jakobson 1970: 437]). Он выделил те фундаментальные и уникальные характеристики и принципы организации, которые роднят между собой генетический код и язык и которые отсутствуют в других системах передачи информации — будь то биосистемы, коммуникация в животном мире или же формальные языки. Как нам представляется, эти характеристики хоть и неоднократно упоминались впоследствии, но по отдельности. В системном и полном виде они представлены только в пионерской статье Р. Якобсона. Поэтому имеет смысл воспроизвести их.

1. Субъединицы генетического кода сопоставимы с фонемами. Среди всех коммуникативных систем только генетический код и язык основаны на дискретных компонентах, которые сами по себе не имеют значения, но предназначены для построения минимальных значимых единиц, наделяемых внутренним значением в данном коде.
2. Иерархическая организация вербальных и генетических сообщений («consistently hierarchical design of verbal and genetic messages as their fundamental integrative principle»); наличие синтаксических ограничений на дистрибуцию минимальных значимых единиц (кодонов); наличие в генетическом коде средств, подобных фонологической делимитации между предложениями, а внутри предложений — между синтагмами.
3. Строгая линейность («co-linearity of the time sequences») операций кодирования и декодирования сообщений.

4. Контекстная зависимость — как и в случае языковых единиц, «значение кодонов зависит от их позиции в генетическом сообщении», что отличает язык и генетический код от формальных языков.
5. Наличие синонимии, позволяющей избежать частичной омонимии [Jakobson 1970: 438—439].

Эти характеристики выделены также и в [Suhř 2002: 54—55], где пятый признак назван отсутствующим у Р. Якобсона термином «избыточность». К этому следует добавить представляющие особый интерес и намного опередившие свое время еще два наблюдения Якобсона: о дискурсивности и диалогичности вербального и генетического кода (о восьмом — см. в Заключении):

6. По словам Якобсона, «если от синтаксиса перейти в сферу все еще недостаточно разработанного дискурс-анализа», то можно найти соответствия между над-синтаксической «макро-организацией» генетических и вербальных сообщений, приводя как пример — репликоны и сегрегоны.
7. В своих поисках соответствий Р. Якобсон покусается на одну из догм молекулярной генетики — утверждение об однонаправленности и необратимости генетической коммуникации, при которой нет места обмену ролями между адресатом и адресантом. В таких регулятивных процессах, как репрессия и ретроингибция, Якобсон видит пусть и слабые, но проявления диалогичности («a slight molecular parallel to the dialogic nature of speech») [Jakobson 1970: 439].

Однако дальнейшее системное развитие этих идей (особенно двух последних) вряд ли можно считать завершенным. Можно заметить, что попытки проникнуть вглубь проблемы и найти содержательные и структурные аналоги носят волнообразный характер. После того как представлявшееся столь близким решение оказывалось далеко не столь очевидным, интерес к проблематике сошел на нет, оставив как след лишь заимствованную из лингвистики терминологию. Так, в конце 1980-х гг. редакция журнала «Вопросы языкознания» предприняла многообещающую попытку вновь привлечь внимание и развить идеи, родившиеся в ходе диалога между Р. Якобсоном и Ф. Жакобом, поместив в дополнение к опубликованному ранее переводу вышеупомянутой статьи [Якобсон 1985] также и статью [Жакоб 1992] (впервые на франц. — в 1974; на англ. — [Jakob 1977]). Ранее в развитие этих идей в «ВЯ» были опубликованы оригинальные статьи Т. В. Гамкрелидзе [1988] и ведущего специалиста в области биоинформатики М. С. Гельфанда [1990]; в них углублялись и конкретизировались очевидные аналогии между кардинальными принципами организации естественного языка и генетического кода, делались выводы о необходимости их дальнейшего изучения и развития.

К сожалению, поставив ряд вопросов, дискуссия не получила продолжения. Думаем, это не было случайностью. В 1980—90-х гг. были предприняты многочисленные попытки применить лингвистические методы для описания информационных процессов в генетике (см. ниже), но ни одна из них не дала существенных результатов. Вышеупомянутый мегапроект по «расшифровке генома» (т. е. определению порядка расположения нуклеотидов в нуклеиновых цепях человеческой ДНК [Venter et al. 2001; Watson et al. 2001]) позволил описать биохимические структуры гена, что имеет огромное значение для геномной инженерии, медицины и эволюционной биологии, но не внес ничего принципиально нового в понимание принципов организации и способов передачи генетической информации.

Как представляется, одной из причин, не давших возможности дальнейшего углубления указанной проблематики, было поверхностное представление о принципах организации языка и текста. В частности, были проигнорированы или просто забыты такие из отмеченных Р. Якобсоном характеристик, как контекстная зависимость и дискурсивный характер генетической информации, не было предпринято попыток от биохимических перейти к семиотическим характеристикам генетической коммуникации. Между тем последние

открытия в генетике позволяют по-новому интерпретировать вопрос о соотношении между структурными принципами лингвистической и генетической информации. Так, сравнительно недавно в одном из наиболее авторитетных естественнонаучных изданий «Nature communication» были опубликованы результаты экспериментов о возможности воздействия мысленной активности на трансгенную экспрессию: ею можно управлять посредством излучаемых мозгом волн [Folcher et al. 2014]. Как отмечают авторы, это открывает новые перспективы в медицине, основанной на методах генной и клеточной терапии. Однако, как представляется, эти результаты создают возможность для существенного переосмысления существующих воззрений о характере функционирования генетической информации. Сам факт возможности управления процессами генетической экспрессии посредством мысленной деятельности может рассматриваться как подтверждение тому, что генетические процессы есть особый тип коммуникации, и они не исчерпываются биохимическими реакциями. Впрочем, это может быть рассмотрено не столько как открытие, требующее пересмотра самих основ молекулярной генетики, сколько как возвращение к некоторым из ее исходных ключевых концепций. Оно вновь привлекает внимание к тому, как проявляется в молекулярной генетике та общая основа, которая роднит ее со всеми иными информационными процессами и системами. Именно такой смысл был заложен в свое время в сам термин «биоинформатика» его создателями (см. позднейшие размышления одного из них [Hogeweg 2011]), однако в настоящее время она понимается скорее как дисциплина, сосредоточенная на компьютерном моделировании и обработке генетических данных. Между тем, если исходить из того, что биомолекулярные процессы есть особый тип информационных процессов, то из этого следует, что они должны разделять наиболее существенные характеристики, общие для всех видов коммуникации. Одним из таких необходимых для осуществления коммуникации свойств является организация сигналов в тексты. При коммуникации имеет место структурирование информации на основе определенных функционально-смысловых характеристик; исходные единицы образуют значимые конфигурации, композиция которых формирует текст. Информативной единицей коммуникации, будь то социальная или биологическая, будет не отдельный сигнал, а некоторая целостная структура, текст. Именно текст есть форма организации информации, если исходить из ее качественных смысловых характеристик (в отличие от основанной на чисто количественных параметрах теории информации К. Шеннона). Речь может идти о единой основе механизмов передачи смысла, а формой и результатом этого процесса является текст, который может быть выражен как в знаках языка, так и в иных носителях информации, в том числе и биологических (генетических). Поэтому имеет смысл вновь вернуться к рассмотрению проблемы лингво-семиотических характеристик генетической информации и возможных перспективах ее развития исходя из подобной, ориентированной на текст и коммуникацию, позиции. Учитывая важность этих процессов, это может стать одним из приоритетных направлений семиотики XX в.; ср. [Иванов 2010: 43—44]. В качестве примера подобного описания, мы предлагаем рассмотреть синтез белка (генетическую трансляцию) как лингво-семиотический процесс, продемонстрировав, что «чтение» («считывание») клеткой генетической информации разделяет сущностные характеристики «чтения» текста человеком. Как мы попытаемся показать в Заключении, такой подход может стать основой для новых направлений в лингвистике, что представляется более эффективным, чем создание методологически достаточно слабо связанных с ней таких «новорожденных» дисциплин, как «протеиновая лингвистика» (см. ниже).

1. Ген как текст и язык: метафора или теория?

Молекулярную генетику принято определять как раздел биологии, изучающий на молекулярном уровне закономерности и механизмы хранения, передачи, реализации и изменения генетической информации. Очевидно, что уже с самого начала интуитивно ощущая глубинное сходство между этими процессами и языком, генетики-первооткрыватели для

обозначения новых явлений всякий раз прибегали к лингвистической терминологии. Так, например, говоря о сущности выдающегося открытия генетики XX в., описания белкового синтеза, Ф. Крик говорит о нем как о взаимодействии «языков» двух биомакромолекул:

Обнаружение генетического кода действительно является великим достижением. Это в определенном смысле ключ к молекулярной биологии, потому что он показывает, как связаны друг с другом два великих полимерных языка: язык нуклеотидов и язык белков [Crick 1966: 9] (здесь и далее перевод наш. — С. 3.).

Впрочем, как справедливо считает В. В. Иванов, использование принципов семиотического анализа даже предшествовало фундаментальному открытию кода ДНК:

В середине XX в. дешифровка генетического кода оказалась возможной, помимо всех других подготовивших ее открытий, еще и потому, что еще до окончательного успеха в описании двойной спирали Криком и Уотсоном была предложена в отчетливом виде Гамовым модель, построенная по аналогии с дешифровкой языкового текста [Иванов 2010: 44].

Идея о знаковой природе гена была очевидна еще для первооткрывателя ДНК Фридриха Мишнера, который в 1892 г. высказал идею о том, что

...генетическая информация может существовать в виде молекулярного текста, линейной последовательности химических символов, а несколько малых химических единиц в составе крупных молекул могут играть наследственную роль, подобно тому, «как все слова и понятия всех языков могут быть выражены посредством всего лишь от 24 до 30 букв алфавита» [Trifonov 2000: 5].

Аналогии между геном и текстом или языком оставили глубокий след в базовой терминологии генетики, однако скорее это были метафоры или даже омонимы: при заимствовании таких терминов, как код, информация, язык, словарь, алфавит, семантика, транскрипция, чтение, полисемия, транскрипт, редактирование и т. п., обычно забывалось их собственно лингвистическое содержание; ср. [Emmeche, Hoffmeyer 1991; Raible 2001; Седов 2000; 2001]. Между тем аналогии с лингвистикой и структурами языка у генома человека гораздо глубже, чем возможность метафорического употребления лингвистической терминологии. Для их описания естественным было обращение к дисциплине, изучающей общие закономерности передачи информации посредством знаковых структур — семиотике. Еще полвека назад синтез семиотики и биологии привел к рождению новой дисциплины — биосемиотики¹. За это время сформировались различные направления и ведущие школы, был достигнут ряд важных результатов (подробный обзор истории и основных направлений биосемиотики см. в [Stjernfelt 2002; Barbieri 2007a; 2007b; 2008a; 2008b; Pattee 2005; Favareau 2007; Kull et al. 2009; Galik 2013], а также [Степанов 1971; Чебанов 2004]). Параллельно с биосемиотикой и частично совпадая с ней, развивается биоинформатика [Elumalai, Eswaraiah 2013; Hogeweg 2011], а в последнее время также и биолингвистика [Augustyn 2013; Bickerton 2014], биосемантика, биогерменевтика и даже «протеиновая лингвистика» [Gimona 2006; 2008], где также были получены интересные результаты. (Сопоставление методологии и концептуальных принципов этих все еще находящихся в стадии становления дисциплин выходит за рамки данной статьи, тем более, что из комплекса биосемиотики нас интересуют лишь аспекты, связанные с генетическим кодом.)

В биоинформатике генетическую информацию обычно описывают как формальные языки, допускающие соответствующую формализацию, что позволило получить ряд нетривиальных результатов [Searls 1993; 1999; 2002; 2010; Ji 1997; 1999]. Учет принципов организации не только формальных, но и естественных языков и языковых структур мог бы

¹ Сам термин впервые появляется в [Rothschild 1962], получает известность в многочисленных работах Т. Себеока — при изучении коммуникации среди животных [Kull 2003]; Ю. С. Степанов [1971], выделяя биосемиотику как отдельное направление, в качестве основоположника этой дисциплины указывает на работы Якоба фон Икскюля начала XX в.

существенно обогатить подобные модели. На наш взгляд, сложилась парадоксальная ситуация: до сих пор лишь в малой степени прояснены именно те аспекты биосемиотики, где, как это было отмечено еще Р. Якобсоном, аналогии с естественным языком и его дискретными структурами наиболее очевидны, а именно, генетики; ср. [Jakobson 1970; Якобсон 1985; Гамкрелидзе 1988; Gamkrelidze 2009; Жакоб 1992]. Возможно, это было связано с тем, что в биосемиотику был перенесен и характерный для семиотики первой половины XX в. «знакоцентризм», причем в его наиболее последовательной версии, идущей от Чарльза Пирса, согласно которой знак определяется механизмами его интерпретации. Семиотическая теория Фердинанда де Соссюра, в которой знак определяется в первую очередь посредством включающей и конституирующей его системы, насколько мы можем судить, оказалась на биосемиотику куда меньшее воздействие, хотя, казалось бы, она адекватнее отображает характер генетического семизиса². Не была в должной мере использована и ключевая для языкознания XX в. дихотомия языка и речи, т. е. разграничение между некоторой абстрактной системой и реализацией этой системы в конкретном контексте (или, используя терминологию генеративной лингвистики, дихотомия глубинных и поверхностных уровней или структур)³.

Характерное для первооткрывателей генетического кода цельное представление об общности семиотических и генетических процессов, так и не получив адекватной теоретической экспликации, с течением времени становится все менее четким, нередко возникает также и смешение языков описания этих процессов (например, вышеприведенные лингвистические термины начинают описываться исключительно посредством биохимических реакций и т. п.)⁴. Применительно к описанию генетической информации определяющими остаются методы кодирования/декодирования, при которых последовательности нуклеотидов рассматриваются как последовательности букв в словах. Малая информативность такого рода декодирования была предсказуемой — по такой методике в лучшем случае возможно составить словарь, но не описать язык: такими методами невозможно выявить определяющие для коммуникации структуры смысла и текста; ср. [Kull 2002]. Как нам представляется, лишь основанные на понятиях смысла и текста теории могут стать интеграторами структурного описания систем, различных по своей природе и сферам функционирования. На наш взгляд, именно указанное методологическое ограничение, при котором ген и геном рассматриваются не как целостная структура, а как последовательность элементов, не позволило перейти от фиксации некоторых общностей к общезначимым фундаментальным результатам.

Проблема состоит не в том, что одни и те же термины в лингвистике и генетике понимаются по-разному, но, прежде всего, в отсутствии объединяющей методологии. Сложность проблемы требует привлечения новых подходов и перехода от вероятностных моделей

² Напомним: «Можно сказать, что среди всех систем передачи информации только генетический код и языковой код базируются на использовании дискретных компонентов, которые сами по себе не имеют смысла, но служат для построения минимальных единиц, имеющих смысл, т. е. сущностей, наделенных собственным смыслом в данном коде» [Якобсон 1985: 393] (разрядка наша. — С. З.).

³ Здесь уместно вспомнить мысль Эрнста Шредингера: «Но термин шифровальный код, конечно, слишком узок. Хромосомные структуры служат в то же время и инструментом, осуществляющим развитие, которое они же и предвещают. Они являются и кодексом законов, и исполнительной властью или, употребляя другое сравнение, они являются одновременно и архитектором, и строителем» [Шредингер 2002: 28]. Как видим, Шредингер задолго до открытия генетического кода предлагал рассматривать его одновременно и как систему, и как процесс актуализации этой системы.

⁴ Ср.: «В самом деле, в биологии существует масса обобщений, но всего несколько настоящих теорий... Когда в поле зрения оказывается какой-либо абстрактный элемент типа гена, биологи не успокаиваются до тех пор, пока не заменят абстрактную единицу материальными компонентами, частицами или молекулами, словно теория, чтобы играть в биологии какую-то роль, должна прежде всего оперировать какой-либо конкретной моделью» [Жакоб 1992: 139].

к структурным, от описания статичной системы — к ее рассмотрению в процессе динамического функционирования, от комбинаторики — к структурам смысла и текста.

2. Геном как гипертекст

Процесс передачи информации обычно представляют как передачу знаков или сигналов. Однако это не совсем точно: коммуникация есть передача сообщений, то есть текстов, и только текст следует рассматривать как единицу коммуникации и как объект создания — передачи — сохранения — преобразования информации. Кроме того, передаваемые тексты могут и не состоять из знаков (например, кинематограф или живопись не используют готовые знаки из заданного алфавита). Уточнению подлежит и сравнение генетического кода со словарем. Так, Ф. Крик при изложении теории генетического кода пишет: «Генетический код — это небольшой словарь, который устанавливает связь между языком нуклеиновых кислот из четырех букв и языком белков из двадцати букв» [Crick 1981: 171]⁵. Однако адекватный перевод есть не сопоставление слов из словаря одного языка со словами из словаря другого, а соотнесение контекстов, в которых они встречаются. Соответственно, слово может быть переведено не как изолированная единица, а только в контексте. Так называемое бесконтекстное значение слова — это, как правило, его значение при употреблении в наиболее характерном контексте. «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте» [Ельмслев, 1960: 303—304]. Как будет показано ниже, учет контекста необходим и при генетическом переводе (трансляции): один и тот же набор нуклеотидов в зависимости от его расположения может соотноситься с различными аминокислотами.

В связи с этим создание новой семантики генома, не ограничивающей себя лишь процессами кодирования/декодирования — актуальная задача для генетики. О том, что семантические аспекты генетической организации — это лишь малая часть семантики генома, свидетельствует то, что до сих пор недостаточно ясны функции порядка 90—95 % не кодирующих последовательностей геномной ДНК (более популярно другое название — «мусорные ДНК», «junk DNA»), хотя и мнение об их «бесполезности» пересматривается. Между тем хотя бы часть тех нуклеотидных последовательностей, функции которых не связаны с кодированием или не совсем понятны (это так называемые «бессмысленные кодоны» или же, например, интроны), могут вполне естественно быть описаны как средства текстовой организации: они выступают либо как маркеры делимитации, обозначающие начало

⁵ Напомним: генетический код — это соотношение между четырьмя нуклеотидами (в ДНК это А — аденин; G — гуанин; С — цитозин; Т — тимин; в РНК вместо тимина появляется урацил — U) и двадцатью аминокислотами. Происходящий при белковом синтезе процесс установления соответствия между нуклеотидами и аминокислотами первооткрыватель генетического кода Френсис Крик назвал «трансляцией» (что можно было перевести и как «перевод»): «Процесс синтеза белка с использованием фрагмента информационной РНК в качестве инструкций, который называется трансляцией, обязательно сложнее, так как инструкции написаны на языке РНК, состоящем из четырех букв, а их следует перевести с помощью химического механизма на язык из 20 букв (twenty-letter protein language)» [Crick 1981: 70].

Три нуклеотида (их последовательность может быть любой) составляют триплет, или кодон: их может быть 64. Из этих 64 кодонов 61 выполняют так называемую кодирующую функцию — они кодируют одну из 20 аминокислот, а три так называемых не кодирующих «бессмысленных» или «стоп-кодона» (UAA, UAG и UGA) прекращают процесс трансляции, тем самым служат сигналом завершения текста. Есть и кодоны, которые инициируют процесс трансляции (в основном AUG, а также GUG и UUG), но они в зависимости от контекста, встречаясь в начальной позиции, в этом случае выполняют кодирующую функцию. Поскольку аминокислот значительно меньше, чем кодирующих их кодонов, то возникает ситуация, названная генетиками синонимией (или вырожденностью кода): 18 из 20 аминокислот кодируются различными кодонами (от двух до шести). Лишь две аминокислоты кодируются полностью отличными триплетами, и между кодоном и аминокислотой устанавливается взаимоднозначное соответствие; это триптофан (ACC) и метионин (TAC).

или конец сегмента («инициирующие кодоны», «стоп-кодоны»), либо как так называемые дискурсивные частицы («слова-паразиты»), которые исчезают из окончательного текста и т. п. В определенных контекстах «некодирующий» кодон может стать кодирующим: «Так, нонсенс UGA у самых разных объектов кодирует необычную аминокислоту — селено-цистеин, но только если этот кодон оказывается в определенной точке гена» [Инге-Вечтомов 1996: 9].

Помимо «классического» генетического кода, благодаря которому происходит перевод единиц «языка нуклеотидов на язык белков» (Ф. Крик), за последние 30 лет было выявлено еще 11 других «кодов»; все они были названы их открывателями «вторыми» [Trifonov 2008; 2011]. Такая «поликодовость» не только говорит о дополнительных принципах структурирования генетической информации, но также является серьезным аргументом в пользу текстуальной организации генетической информации. Как было продемонстрировано еще в 1980-х гг. Ю. М. Лотманом и М. Ю. Лотманом [Ю. Лотман 1981б; М. Лотман 1985], текст, в отличие от других единиц языка (слово, предложение), в семиотическом отношении принципиально гетерогенен, он является сообщением, которое многократно закодировано, причем посредством как минимум двух различных знаковых систем.

Но не следует, однако, думать, что, заменив слово «язык» или «код» термином «текст», мы сразу окажемся в состоянии решить существующие проблемы. В самой генетике понятие «текст», хотя и употреблялось начиная с первооткрывателя ДНК Ф. Мишера (см. выше), но без должного соотношения с лингвистикой или семиотикой текста, как аналогия с более известным. При этом генетики лишь в малой степени учитывали данные лингвистики. Для них язык состоит из букв — то есть того, что, строго говоря, вовсе не является языковой единицей, а есть лишь средство графической фиксации единиц языка на письме. К сожалению, не нашли своего логического завершения идеи, заложенные в перспективных системных исследованиях В. Ратнера и его группы в Новосибирске. Его пионерские идеи о процессах управления генетической информацией [Ратнер 1965] в дальнейшем закономерно приводят к поискам обнаружения механизмов ее лингвистического структурирования. В [Ратнер 1993а; 1993б; 2000] была предложена система уровней и даже фигурирует уровень текста, но исключительно как сложная композиция символов максимальной длины — она называется «книгой» [Ратнер 1993б]. Текст понимался не столько как языковая структура высшего уровня, сколько как некоторая графическая фиксация определенным образом организованных знаков (т. е. что-то вроде «книги» в ее типографском понимании). Именно такое понимание текста зафиксировано в весьма ценном исследовании, непосредственно посвященном описанию белковых молекул как генетических текстов: «Любая реальная генетическая макромолекула может быть представлена в виде последовательности конечной длины из элементов данного алфавита, которую можно назвать генетическим текстом» [Соловьев и др. 1988: 5]. Впрочем, следует отметить, что в самой лингвистике вплоть до 1960-х гг. было принято именно такое «графическое» понимание текста. Хотя уже в 1970-е гг. существовали достаточно разработанные структурно-функциональные модели текста (см. [Николаева 1977; 1978; Dijk 1972; de Beaugrande, Dressler 1981]), вплоть до настоящего времени текст, рассматриваемый как единица коммуникации, остается на периферии теоретической лингвистики.

Недостаточность вышеупомянутых подходов показывает, что необходимы более тонкие и, главное, методологически более продуманные методы, учитывающие, что текст — это не графическое или даже синтаксическое, а семантическое, структурное и функциональное единство. Это стимулирует пересмотр самой природы текстуальности гена: это не последовательность знаков алфавита, а механизм передачи генетических сообщений, обладающих смысловыми и функциональными характеристиками; ср. [Гаряев 2009]. Аналогия с текстами позволяет предположить, что и генетические тексты состоят не только из четырех исходных единиц, но и из намного большего числа: за счет сочетаемости первичных единиц конструируются словосочетания, предложения и, в конечном итоге, субтексты. Классический генетический код описывает лишь два первых уровня лингво-семиотической

организации генома. Уже сейчас ясно, что описание гена не следует сводить исключительно к последовательности нуклеотидов: при рассмотрении его организации прослеживается четкая иерархия формирования внутритекстовых структурных и функциональных единиц. На первом до-текстовом уровне элементарные единицы, нуклеотиды, формируют триплеты (кодоны и антикодоны), которым соответствуют единицы второго уровня — аминокислоты. Условно эти единицы генетического кода: нуклеотиды, триплеты и аминокислоты — можно идентифицировать, соответственно, с фонемами, морфемами и словами. Они составляют то, что можно соотносить с до-предложенческим уровнем языка: они не встречаются сами по себе и приобретают функциональную значимость только в составе более сложных структур. Так, на третьем уровне последовательность аминокислот складывается в мотивы — генетические информационные блоки. Организация мотивов внутри молекулы белка имеет несколько измерений, например, альфа-спирали и бета-структуры, что соответствует парадигматическому и синтагматическому измерению языкового текста (в музыковедческих терминах — это управляемая законами гармонии соотнесенность мотивов и аккордов; возможны также аналогии и с метрическими и ритмическими структурами поэтической речи). Четвертый уровень текстовой организации генома — уровень топологических поверхностей, на котором различные субтексты объединяются в целое. При таком подходе геном предстает как система текстов, или гипертекст — многомерный текст, состоящий из упорядоченного подмножества других текстов. Аналогия с контекстуальными и интертекстуальными связями позволяет понять и процессы функционирования и трансформации текстов: в природе текста как распадаться в зависимости от контекста на субтексты, так и формировать сверхтексты, в обоих случаях порождая новую информацию; ср.: «Текст есть момент равновесия между тенденцией функционального распада его на два или несколько текстов и полной унификации как внутренне однородного» [Ю. Лотман 1982: 4]. Модели эволюционной молекулярной биологии могут оказаться полигоном для подобных интерпретаций.

3. Геном как текст и текст как организм

Информационные процессы следует рассматривать динамически, в процессе их порождения и функционирования, как смысловое и функциональное единство, то есть как систему, способную к целеполаганию, адаптации и трансформации в зависимости от изменяемых условий (контекста), а также обладающую способностью сохранять информацию (памятью), перерабатывать ее (креативно-когнитивными характеристиками) и передавать (коммуникативной силой). Но в этом случае возникает вопрос о субъекте коммуникативной деятельности — кто есть отправитель и получатель генетических сообщений, кто есть «говорящий» на этом языке? Ф. Коллинз указал на Господа Бога как на создателя языка генома. Но если и согласиться с такой точкой зрения, это не снимает проблемы — кто и как пользуется этим языком?

В свое время Л. Витгенштейн считал, что каждый язык (языковая игра) есть особая форма жизни (*Lebensformen*), имея в виду функциональное разнообразие социальной коммуникативной деятельности (поведения). Эта мысль может быть перенесена и на биологические формы жизни в следующей редакции: каждая форма жизни есть язык. Таким образом, каждый язык есть форма жизни, и каждая форма жизни есть язык. Подобные идеи уже высказывались в семиотике. В первую очередь, следует вспомнить идею Ю. Лотмана о том, что в процессе функционирования текст приобретает черты живого организма, обладающего памятью и способностью продуцировать новые смыслы [Ю. Лотман 1981а; 1981б; 1984; Kull 1998]. Развивая эту идею, имеет смысл рассматривать языки и тексты, в том числе и генетические, как подобие биосистем с их такими давно известными свойствами, как выживаемость, адаптируемость к новой среде (языковой, социокультурной и т. п.), способность к самовоспроизведению, мутациям (трансформациям), селекции мутаций, контактам и порождению гибридов и т. д. Геном человека (генетический гипертекст) также

может быть описан посредством семантических и семиотических характеристик, присущих (квази-)интеллектуальным объектам, что позволит прийти к новым теоретическим и практическим результатам.

3.1. Белковый синтез как семиотический процесс

Сказанное можно продемонстрировать на примере такой операции, как «чтение»⁶, посредством которой принято описывать чрезвычайно сложный процесс белкового синтеза. «Чтение» («считывание») генетической информации — термин генетики, под которым понимают двухэтапный процесс (транскрипция — трансляция), когда клетка (точнее, ее рибосома, аппарат считывания информации и синтеза белка) на основе триплета (трех элементарных единиц, нуклеотидов) выбирает соответствующую аминокислоту. Происходит процесс декодирования триплетов (тройки нуклеотидов информационной РНК) и их перевод (трансляция) в соответствующие состоящие из аминокислот белковые последовательности (полипептиды).

Привычный способ описания трансляции как сложного биохимического процесса синтеза мешает увидеть его относительно простую и изящную контекстно зависимую семиотику. В силу определенных биохимических ограничений кодирующий нуклеотидный триплет из ДНК не может непосредственно быть перенесен в транспортную РНК, где и происходит выбор соответствующей аминокислоты. Это происходит только на конечном этапе многоступенчатого биохимического процесса, в течение которого удваиваются нуклеотидные цепи, они образуют двойные спирали и т. п. На каждом этапе триплет ДНК и/или кодон РНК⁷ заменяется на свой двойник-антипод по принципу комплементарности — каждый из составляющих триплет нуклеотидов заменяется на комплементарный ему (в ДНК это А — аденин, который заменяется на Т — тимин; С — цитозин, заменяется на G — гуанин и наоборот; то же самое происходит и в РНК, с учетом того, что место тимина в ней занимает U — урацил). На следующем этапе в соответствии с этими же операциями, но производимыми в обратном порядке, антикодон заменяется на исходный кодон. В самой ДНК, в которой хранится генетическая информация, на основе первичной структуры (последовательность нуклеотидов в цепи ДНК) образуется вторичная структура (две полинуклеотидные разнонаправленные параллельные цепи, соединенные поперечными комплементарными связями между нуклеотидами), а затем третичная. Нуклеотидные цепи могут обособляться; таким образом, из одной молекулы ДНК образуются две: одна «материнская», другая «дочерняя», которые также могут породить новые. Молекула РНК, где на основе нуклеотидных последовательностей содержатся необходимые для белкового синтеза аминокислоты, состоит из трех различных РНК — матричной, информационной и транспортной⁸.

⁶ Этому термину-метафоре посвящено специальное исследование видного философа и историка науки Эвелин Фокс Келлер [Fox Keller 2002], которая склонна рассматривать эту метафору как результат, порождаемый «работой» языка. Это характеристика самого дискурса генетиков, когда требуется каким-либо образом описать «деятельность» клетки. Но она отмечает и обратную связь — метафоры чтения / письма играют не только объяснительную или же иллюстративную функцию, они оказывают воздействие на способ мышления генетиков, благодаря чему они воспринимают себя как «читатели» или же «переписчики» (rewriters) генетической информации.

⁷ В генетике тройку нуклеотидов, если она находится в ДНК, называют триплетами, а расположенную в РНК — кодонами (в информационной РНК) и антикодонами (в транспортной РНК). Однако для наших целей такое разграничение несущественно: было бы удобнее оперировать одним термином (тройка или триплет) с указанием его позиции (цепи).

⁸ Уместно вновь напомнить мысль Шредингера о том, что генетические структуры выступают и как «архитектор» (программа), и как «строитель» (ее манифестация). Если соотнести это с дихотомией «язык / речь», то можно конкретизировать: ДНК выступает как язык (программа), РНК — как речь (реализация этой программы). Эта аналогия станет еще глубже, если учесть, что, согласно

Однако если этот крайне сложный процесс белкового синтеза описывать как актуализацию знака в тексте, то он оказывается весьма прост: исходный знак (триплет нетранскрибируемой ДНК, материально совпадающий с кодоном) реализуется в паре «кодон — антикодон». Кодон и антикодон раздельно не встречаются, они, располагаясь на различных цепях, всякий раз соединяются комплементарными связями и образуют ту же пару. Кодон и антикодон выступают как варианты друг друга, изменяемые в зависимости от того, на какой цепи они расположены. Меняется означающее — каждый из составляющих кодон нуклеотидов заменяется в кодоне на комплементарный ему, меняется направление и, соответственно, позиция (начало одной цепи соответствует концу другой), — но сохраняется означаемое (это соотносительность с одной и той же аминокислотой).

Представленная в такой форме ситуация хорошо известна в лингвистике: абстрактный элемент языковой системы — фонема или морфема — по-разному, в зависимости от позиции, актуализируются в речи, сохраняя смысловую и функциональную идентичность. Различающиеся реализации (варианты, манифестации) означающего одного и того же элемента (позиционные варианты) не могут встречаться в одной и той же позиции (например, звуки [и] и [ы] в русском языке: первый встречается только в начале слова или после мягкой согласной, второй — только после твердой). Применительно к нуклеотидам, поскольку речь идет не об отдельном элементе, а об их последовательности, удобнее провести аналогию с алломорфами — это тождественные по значению морфологические единицы, различие между которыми объясняется только их позицией и которые находятся в отношении дополнительной дистрибуции (например, приставки *раз-/рас-*, или же супплетивная пара *я — меня*).

Рассмотрим, как кодируется такая аминокислота, как метионин. Мы выбрали его в качестве примера потому, что он, как и триптофан, кодируется только одним кодоном-триплетом — AUG (аденин, урацил, гуанин), чем отличается от остальных 18 аминокислот, которые могут кодироваться посредством различных триплетов-синонимов. Это делает более наглядным то, как проявляется позиционная зависимость элементов генетического кода: одна и та же аминокислота, метионин, в различных позициях (различных цепях) кодируется в биохимическом отношении различными триплетами⁹:

ATG (нетранскрибируемая цепь ДНК) — TAC (транскрибируемая цепь ДНК) — AUG (кодон информационной РНК) — UAC (антикодон транспортной РНК).

При этом существенно, что означающие изменяются не произвольно, а в строгом соответствии с принципом комплементарности и зеркальной симметрии (третий элемент кодона заменяется на первый элемент антикодона и т. д.). Происходит материальное (биохимическое) и пространственное изменение означающих при сохранении идентичности знака.

Заметим, что для канонической нотации метионина, как и других триплетов, используют ту конфигурацию, которая представлена в информационной РНК, записывая его как AUG. Но если учитывать, что изменения означающего определяются правилами преобразования кодона в антикодон, то оказывается несущественным, какую последовательность

новойшим представлением, ДНК сформировалась в процессе эволюции из РНК. Как и в случае языка и речи, РНК эволюционно предшествует ДНК, равно как и речь предшествует языку. Ситуация с ДНК/РНК отличается от лингвистической дихотомии тем, что в процессе эволюции единицы генетического языка (программы) оказываются определенным образом и даже дважды зафиксированными в ДНК, тогда как единицы языка принято рассматривать как абстрактные сущности, которые не могут быть материализованы иначе, чем в речи. Но можно предложить и другое видение: если рассматривать корпус текстов как аналог текстов РНК, то в результате деятельности лингвистов в ходе истории языка возникает и корпус — метаописание этого корпуса (грамматики, учебники, компьютерные программы и т. д.), своеобразный аналог текстов ДНК.

⁹ Чтобы не усложнять описание несущественными в данном случае деталями, мы не отмечаем зеркальную симметрию между этими триплетами, обусловленную тем, что они расположены на разнонаправленных цепях.

нуклеотидов и на какой цепи принять за исходную единицу. Важно, чтобы каждый из триплетов был локализован в определенной цепи (так, метионин на транспортной РНК предстает как антикодон UAC, но эта же последовательность нуклеотидов UAC, расположенная на информационной РНК, кодирует другую аминокислоту — тирозин).

Аналогичные трансформации, осложненные синонимией, наблюдаются и в случае кодирования других аминокислот (см. помещенную в Приложение таблицу соответствий между аминокислотами и кодирующими их тройками нуклеотидов, кодонами и антикодонами). В целом это ритмическое повторение комплементарных разнонаправленных триплетов можно рассматривать как реализацию одного и того же знака, означаемым которого будет некоторая аминокислота (в данном случае — метионин), а означающим — парный триплет (кодон и антикодон), который в зависимости от его позиции реализуется или как кодон, или как антикодон. В лингвистических терминах это может быть представлено как результат одновременного применения двух типов трансформаций:

- 1) перестановки, пермутации, когда тройка элементов заменяется на зеркально симметричную ей: $[XYZ] \rightarrow [ZYX]$;
- 2) замены, субституции, когда каждый из трех нуклеотидов заменяется на комплементарный ему; в ДНК это $A \leftrightarrow T, C \leftrightarrow G$, в РНК: $A \leftrightarrow U, C \leftrightarrow G$.

Применительно к нашему примеру, если цепочку нуклеотидов заменить на имя *метионин*, то тогда весь процесс передачи генетической информации предстанет как повтор одного и того же знака:

Метионин (как он кодируется на нетранскрибируемой цепи ДНК) — *Метионин* (как он кодируется на транскрибируемой цепи ДНК) — *Метионин* (как он кодируется на иРНК) — *Метионин* (как он кодируется на тРНК).

Такая форма нотации перестает отражать биохимический состав триплета, но зато эксплицирует идентичность его функции. Заметим, что возможны три формы метаязыковой записи: а) исходя из означающего — химического состава нуклеотидного триплета независимо от контекста или, что то же самое, — только в одном определенном контексте; б) исходя из результата — учитывая химический состав лишь того варианта, который соотносится с аминокислотой в классическом генетическом коде, и, наконец, в) исходя из смысла означаемого. Если первый может быть удобнее для описания экспериментальных данных, то при моделировании информационных процессов наиболее адекватной представляется комбинация второго и третьего.

Такая форма представления делает явным то, что при синтезе белков определяющим фактором оказывается не биохимический состав триплета, а кодирующая функция, отношение между тройкой нуклеотидов, их позицией и аминокислотой. Иными словами, быть кодоном (или антикодоном) — это определяемая позицией некоторая функция, а не собственно биохимическая субстанция. Оказывается существенным не только биохимический состав, но и позиционный контекст (на какой из цепей триплет расположен). Действует закономерность, в свое время несколько удивившая первооткрывателей генетического кода и отмеченная в их пионерской статье: «Кодирование зависит не от структуры переносимой кислоты, а от свойств РНК переносчика», почему и может существовать, например, такая ситуация, когда «цистеин превращается в аланин. Тем не менее РНК-переносчик направлял его в то место цепи молекулы белка, где должен находиться цистеин» [Крик, Ниренберг 1964: 156].

3.2. Способна ли рибосома читать?

Описанный как цикл семиотических операций происходящий при белковом синтезе процесс кодирования / декодирования предполагает признание за рибосомой (органой клетки, осуществляющий биосинтез белка) не только такой квазиинтеллектуальной способности, как распознавание отдельных знаков, но и более сложной — чтения как понимания.

Это требует, помимо расхожего представления о рибосоме как об очень сложной и быстро работающей биомашине, признать за ней интеллектуальную способность оперировать абстрактными единицами.

Если отойти от рассмотрения биохимического субстрата процесса белкового синтеза и сосредоточиться на его семиотических характеристиках, можно увидеть удивительное сходство между тем, как читает (обрабатывает) текст человек и как читает генетическую информацию клетка. Чтение есть комплексный когнитивный процесс взаимодействия текста и читателя, который предполагает следующие способности: 1) распознавание букв; 2) объединение их в слоги, далее слова и предложения; 3) приписывание полученным последовательностям смысла и, наконец, 4) понимание целостного текста. Все эти способности и операции основаны на выявлении и использовании семиотической связи между означаемым и означающим.

«Чтение» рибосомой нуклеотидных последовательностей и выбор соответствующей аминокислоты явно выходит за пределы тривиального распознавания знаков и безальтернативного декодирования. Рибосома способна соотносить биохимически совершенно различные тройки нуклеотидов (означающие) с одной и той же аминокислотой (одним и тем же означаемым), и в то же время она в состоянии соотнести омонимичные означающие с различными означаемыми. Как было показано ранее, находящиеся в различных цепях различные комплементарные тройки нуклеотидов (кодон и антикодон) кодируют одну и ту же аминокислоту, но если эти тройки расположены на одной и той же цепи, то им будут соответствовать иные аминокислоты. Подобная характеристика генетической трансляции показывает, что в данном случае имеет место основополагающее для любой знаковой системы разграничение между абстрактными элементами языка и их конкретной манифестацией в единицах речи (*type* — *token*). Так, клетка способна идентифицировать биохимические последовательности исходя из их функции в системе; ее способность читать не ограничивается распознаванием букв, но предполагает, по крайней мере, понимание слов и умение оперировать абстрактными сущностями (выделять инвариант при трансформациях). Это предполагает, что в определенном смысле клетка обладает (квази)интеллектом.

Заключение

Вернемся к поставленному в разделе 3 вопросу о том, что динамическое понимание коммуникации предполагает некоторого носителя языка. Описанное выше дает основания считать, что в данном случае рибосома вполне может сыграть читателя. Даже если и не наделять ее квазиинтеллектом, то совершаемые ею действия полностью укладываются в то, что принято буквально понимать под процессом чтения. Это позволяет заключить, что высказанные в свое время Ю. М. Лотманом предположения о возможности описывать текст как организм и организм как текст — это не только «хорошо придуманные» (из жанра «*se non e vero, e ben travato*»), но и фактически подтверждаемые идеи, имеющие далекие, хоть и не вполне ясные для нас в настоящее время перспективы. Приведенные вначале экспериментальные данные о возможности управления генетическими процессами посредством мыслительной деятельности, возможно, позволят раскрыть способности клетки быть также и собеседником в диалоге.

Будучи описаны как семиотические объекты, как тексты, ген и геном, которые сами по себе уже являются биосистемами, могут оказаться не только областью приложения, но и моделью для общей теории текста. В таком случае лингвистическое описание генетической информации уже перестанет быть исключительно «донорской» экстраполяцией для генетики, не имеющей какого-либо значения для самой лингвистики. Описание самого «естественного» из языков может быть осознано как проблема самой лингвистики. В таком случае наряду с уже ставшим обычным появлением все новых «лингвистик» и «семиотик», слабо связанных с самой лингвистикой, можно ожидать формирования нового направления внутри самой лингвистики, при котором будет расширено само понимание «естественного»

языка и форм его функционирования (коммуникации). Однако для достижения подобных результатов необходимы и новые методы описания. Так, нам представляются неудовлетворительными попытки описать генетическую информацию посредством линейных контекстно-свободных лингвистических моделей (подобно широко используемым в биоинформатике порождающим грамматикам). Более адекватной может оказаться новая версия лингвистики, которая развивала бы идеи, имеющие почти полувековую историю: программные декларации Э. Бенвениста об ориентированной на исследование текстов «семиотике второго поколения», которую он называл также лингвистикой речи (противопоставляя «лингвистике знака»), метасемантикой и транслингвистикой [Бенвенист 1974: 88—89].

Однако, несмотря на достигнутые в лингвистике и поэтике результаты, эти идеи все еще не воплотились в лингвистическую теорию, которая бы исходила из приоритета не знака, а текста или речи. Так, о необходимости подобной теории, названной «лингвистикой речи», недавно было заявлено в [Николаева 2015]. Речь в данном случае понимается как «вовсе не индивидуальный речевой поток и не индивидуальная речевая деятельность, а общая для всего говорящего национального социума многоуровневая, многомерная и многофункциональная система, еще очень и очень недостаточно изученная». Соответственно, лингвистика речи будет включать в качестве объекта «даже текст во всей его сложности и связности, подлинный и потаенный (или не-потаенный) смыслы которого стали изучать только в последние десятилетия» [Николаева 2015: 15—16]. Как было нами показано в иной связи, возможна такая лингвистическая теория, которая в качестве своей основной прототипической единицы будет иметь не слово (и даже не предложение), а текст, причем, возможно, не предполагающий наличия некоего исходного набора знаков, а знак будет выступать как контекстно-зависимая переменная. При этом, следуя принципу динамической семантики, можно исходить из того, что семантика единиц не только зависит от контекста, но, в свою очередь, сама видоизменяет контекст [Золян 2013; 2014; 2015]. Учитывая разнородность семиотических и генетических систем, исследование способов организации генетической информации будет стимулировать появление новых методов и в теории языка и текста, тем самым развивая собственно лингвистику, а не только смежные с ней экзотические ответвления, подобные «протеиновой лингвистике». Именно текст есть объект создания — передачи — сохранения — преобразования информации, поэтому насущной задачей представляется построение таких ориентированной на коммуникацию общей теории текста и текстоцентричной лингвистики, благодаря которым можно было бы описывать как тексты нелинейной структуры в целом, так и тексты, несущие генетическую информацию, в частности. Текст может быть рассмотрен как квазиорганизм, обладающий памятью, креативно-когнитивными характеристиками и коммуникативным потенциалом, а клетка (ее рибосома) — как обладающая квазиинтеллектом и способностью оперировать абстрактными семиотическими последовательностями. При таком подходе генетический гипертекст (геном) становится системой и структурой, изоморфной искусственному и коллективному интеллекту, что создаст основу для решения столь важной задачи, как соотнесение биологической и социальной геномики и перехода от молекулярных структур к семантико-информационным (память, программа поведения, врожденные лингвистические структуры). Это может быть понято как возможность научного описания такого аспекта, на который указывал Р. Якобсон, обобщая свои наблюдения над уникальным и ни в каких иных коммуникативных (семиотических) системах не встречающимся «изоморфизмом» между генетическим кодом и языком:

Генетический код, первичное проявление жизни, и язык как всеобщее достояние человечества, обеспечившее его исключительный скачок от генетики к цивилизации, — это два фундаментальных хранилища передаваемой от предков к потомкам информации. Молекулярная наследственность (heredity) и вербальное наследие (legacy) — необходимое предусловие культурной традиции [Jakobson 1970: 440]¹⁰.

¹⁰ Считаю приятным долгом выразить благодарность Р. И. Жданову (Институт перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М. А. Шолохова), который привлек наше

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица соответствий между аминокислотами, триплетами ДНК и кодоны и антикодонами РНК

(Источник: <http://waynesword.palomar.edu/codons.htm>)

АМИНОКИСЛОТА	ТРИПЛЕТ ДНК	КОДОН информационной РНК	АНТИКОДОН транспортной РНК
АЛАНИН (alanine)	CGA, CGG, CGT, CGC	GCU, GCC, GCA, GCG	CGA, CGG, CGU, CGC
АРГИНИН (arginine)	GCA, GCG, GCT, GCC, TCT, TCC	CGU, CGC, CGA, CGG, AGA, AGG	GCA, GCG, GCU, GCC UCU, UCC
АСПАРАГИН (asparagine)	TTA, TTG	AAU, AAC	UUA, UUG
АСПАРАГИНОВАЯ КИСЛОТА (aspartate)	CTA, CTG	GAU, GAC	CUA, CUG
ЦИСТЕИН (cysteine)	ACA, ACG	UGU, UGC	ACA, ACG
ГЛЮТАМИНОВАЯ КИСЛОТА (glutamate)	CTT, CTC	GAA, GAG	CUU, CUC
ГЛЮТАМИН (glutamine)	GTT, GTC	CAA, CAG	GUU, GUC
ГЛИЦИН (glycine)	CCA, CCG, CCT, CCC	GGU, GGC, GGA, GGG	CCA, CCG, CCU, CCC
ГИСТИДИН (histidine)	GTA, GTG	CAU, CAC	GUA, GUG
ИЗОЛЕЙЦИН (isoleucine)	TAA, TAG, TAT	AUU, AUC, AUA	UAA, UAG, UAU
ЛЕЙЦИН (leucine)	AAT, AAC, GAA, GAG GAT, GAC	UUA, UUG, CUU, CUC CUA, CUG	AAU, AAC, GAA, GAG GAU, GAC
ЛИЗИН (lysine)	TTT, TTC	AAA, AAG	UUU, UUC
МЕТИОНИН (methionine)	TAC	AUG	UAC
ФЕНИЛАЛАНИН (phenylalanine)	AAA, AAG	UUU, UUC	AAA, AAG
ПРОЛИН (proline)	GGA, GGG, GGT, GGC	CCU, CCC, CCA, CCG	GGA, GGG, GGU, GGC
СЕРИН (serine)	AGA, AGG, AGT, AGC TCA, TCG	UCU, UCC, UCA, UCG AGU, AGC	AGA, AGG, AGU, AGC UCA, UCG
СТОП-КОДОН (stop)	ATG, ATT, ACT	UAA, UAG, UGA	AUG, AUU, ACU
ТРЕОНИН (threonine)	TGA, TGG, TGT, TGC	ACU, ACC, ACA, ACG	UGA, UGG, UGU, UGC
ТРИПТОФАН (tryptophan)	ACC	UGG	ACC
ТИРОЗИН (tyrosine)	ATA, ATG	UAU, UAC	AUA, AUG
ВАЛИН (valine)	CAA, CAG, CAT, CAC	GUU, GUC, GUA, GUG	CAA, CAG, CAU, CAC

внимание к проблеме и чьими консультациями в области биохимии мы имели возможность пользоваться во время нашей работы в институте.

Многими идеями автор обязан Татьяне Михайловне Николаевой, которая с самого начала заинтересовалась возможностью описания генома методами лингвистики текста. К глубокому прискорбию, Татьяны Михайловны уже нет. Наш долг — помнить не только о громадном вкладе, сделанном этим выдающимся человеком и филологом; но и о том, сколько ее блестящих идей так и осталось незавершенными. Будучи в преклонном возрасте, она ушла и в расцвете сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974].
- Гамкрелидзе 1988 — Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5—9. [Gamkrelidze T. V. R. O. Jakobson and the problem of isomorphism between the genetic code and semiotic systems. *Voprosy Jazykoznanija*. 1988. No. 3. Pp. 5—9.]
- Гаряев 2009 — Гаряев П. П. Лингвистико-волновой геном. Киев: Ин-т квантовой генетики, 2009. [Garyaev P. P. *Lingvistiko-volnovoi genom* [Linguistic wave genome]. Kiev: The Institute of quantum genetics, 2009.]
- Гельфанд 1990 — Гельфанд М. С. Коды генетического языка и естественный язык // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 60—70. [Gelfand M. S. Codes of genetic language and natural language. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 6. Pp. 60—70.]
- Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 264—389. [Hjelmslev L. Prolegomena to the theory of language. *Novoe v lingvistike*. No. 1. Moscow: Progress, 1960. Pp. 264—389.]
- Жакоб 1992 — Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 135—141. [Jakob F. The linguistic model in biology. *Voprosy jazykoznanija*. 1992. No. 2. Pp. 135—141.]
- Золян 2013 — Золян С. Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 18—44. [Zolyan S. T. «The endless labyrinth of connections»: Text semantics as a multidimensional structure. *Kritika i semiotika*. 2013. No. 1 (18). Pp. 18—44.]
- Золян 2014 — Золян С. Т. О референциальной и когнитивной семантике текста // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 3 (30). С. 5—19. [Zolyan S. T. On referential and cognitive semantics of the text. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*. 2014. No. 3 (30). Pp. 5—19.]
- Золян 2015 — Золян С. Т. О словоцентричных и текстоцентричных лингвистических описаниях // Язык. Общество. История науки. К 70-летию В. М. Алпатова. Тезисы докл. Межд. конф. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 46—48. [Zolyan S. T. On word-centered and text-centered linguistic descriptions. *Yazyk. Obshchestvo. Istoriya nauki. K 70-letiyu V. M. Alpatova. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2015. Pp. 46—48.]
- Иванов 2010 — Иванов Вяч. Вс. «Границы семиотики»: вопросы к предварительному обсуждению // Современная семиотика и гуманитарные науки. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 31—50. [Ivanov V. V. «The frontiers of semiotics»: Questions for a preliminary discussion. *Sovremennaya semiotika i humanitarnye nauki*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010. Pp. 31—50.]
- Инге-Вечтомов 1996 — Инге-Вечтомов С. Г. Трансляция как способ существования, или в чем смысл «бессмысленных» кодонов // Соросовский образовательный журнал. Биология. 1996. № 12. С. 2—10. [Inge-Vechtomo S. G. Translation as a mode of existence, or What's the use of «senseless» triplets. *Sorosovskiy obrazovatel'nyi zhurnal. Biologiya*. 1996. No. 12. Pp. 2—10.]
- Крик, Ниренберг 1964 — Крик Ф., Ниренберг М. Генетический код // Успехи физических наук. 1964. Т. LXXXII. Вып. 1. С. 133—160. [Crick F. H., Nierenberg M. W. The genetic code. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. 1964. Vol. LXXXII. No. 1. Pp. 133—160.]
- Лотман М. 1985 — Лотман М. Ю. Двойственная природа текста (связный текст как семиотическое и коммуникативное образование) // Текст и культура: общие и частные проблемы. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1985. С. 3—20. [Lotman M. Yu. The dualistic nature of the text (discourse as a semiotic and communicative entity). *Tekst i kul'tura: obshchie i chastnyye problemy*. Moscow: Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR, 1985. Pp. 3—20.]
- Лотман Ю. 1981a — Лотман Ю. М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Семиотика и информатика. Вып. 17. М: ВИНТИ, 1981. С. 13—17. [Lotman Yu. M. Brain — text — culture — artificial intelligence. *Semiotika i informatika*. No. 17. Moscow: All-Union Institute of Scientific and Technical Information, 1981. Pp. 13—17.]
- Лотман Ю. 1981b — Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 515. С. 8—28. [Lotman Yu. M. Semiotics of culture and the concept of the text. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo uiversiteta*. 1981. No. 515. Pp. 8—28.]
- Лотман Ю. 1982 — Лотман Ю. М. От редакции: (О семиотическом подходе к проблеме межтекстовых отношений) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. (Труды по знаковым системам.

- Т. 15.) С. 3—9. [Lotman Yu. M. Editorial note: (On a semiotic approach to the problem of intertextual relations). *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo uiversiteta*. No. 576. (*Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 15.). Pp. 3—9.]
- Лотман Ю. 1984 — Лотман Ю. М. О семиосфере // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1984. Вып. 641. (Труды по знаковым системам. [Т.] 17.) С. 5—23. [Lotman Yu. M. On semiosphere. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo uiversiteta*. 1984. No. 641. (*Trudy po znakovym sistemam*. [Vol.] 17.) Pp. 5—23.]
- Николаева 1977 — Николаева Т. М. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 4. С. 304—313. [Nikolaeva T. M. Text linguistics and the problems of general linguistics. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1977. Vol. 36. No. 4. Pp. 304—313.]
- Николаева 1978 — Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 5—42. [Nikolaeva T. M. Text linguistics: Current status and prospects. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. No. 8. Moscow: Progress, 1978. Pp. 5—42.]
- Николаева 2015 — Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7—20. [Nikolaeva T. M. On the «linguistics of speech». *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 4. Pp. 7—20.]
- Ратнер 1965 — Ратнер В. А. Генетические управляющие системы. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. АН СССР, Сибирское отделение, Объединенный совет по биологическим наукам. Новосибирск, 1965. [Ratner V. A. *Geneticheskie upravlyayushchie sistemy*. Avtoref. kand. diss. [Genetic control systems. Author's abstract of the cand. diss.] Academy of Sciences of the USSR, Siberian Branch, Joint Council for Biological Sciences. Novosibirsk, 1965.]
- Ратнер 1993а — Ратнер В. А. Генетический язык: грамматика, предложения, эволюция // Генетика. 1993. № 29. С. 709—719. [Ratner V. A. Genetic language: Grammar, sentences, evolution. *Genetika*. 1993. No. 29. Pp. 709—719.]
- Ратнер 1993б — Ратнер В. А. Сравнительная иерархическая структура генетического языка. // Генетика. 1993. № 29. С. 720—739. [Ratner V. A. The comparative hierarchic structure of the genetic language. *Genetika*. 1993. No. 29. Pp. 720—739.]
- Ратнер 2000 — Ратнер В. А. Генетический код как система // Соросовский образовательный журнал. Биология. 2000. Т. 6. № 3. С. 17—22. [Ratner V. A. Genetic code as a system. *Sorosovskii obrazovatel'nyi zhurnal. Biologiya*. 2000. Vol 6. No. 3. Pp. 17—22.]
- Седов 2000 — Седов А. Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 6. С. 526—534. [Sedov A. E. Metaphors in genetics. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2000. Vol. 70. No. 6. Pp. 526—534.]
- Седов 2001 — Седов А. Е. Иерархические концепции и междисциплинарные связи генетики, запечатленные в ее метафорах: количественный и структурный анализ терминов и высказываний // Наукоедение. 2001. № 1. С. 135—154. [Sedov A. E. Hierarchic conceptions and cross-disciplinary connections of genetics embedded in its metaphors: Quantitative and structural analysis of terms and utterances. *Naukovedenie*. 2001. No. 1. Pp. 135—154.]
- Соловьев и др. 1988 — Соловьев В. В., Кель А. Э., Рогозин И. Б., Колчанов Н. А. Использование ЭВМ в молекулярной биологии. Введение в теорию генетических текстов. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1988. [Solov'ev V. V., Kel' A. E., Rogozin I. B., Kolchanov N. A. *Ispol'zovanie EVM v molekulyarnoi biologii. Vvedenie v teoriyu geneticheskikh tekstov* [The use of computers in molecular biology. Introduction to the theory of genetic texts]. Novosibirsk: Novosibirsk Univ., 1988.]
- Степанов 1971 — Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. [Stepanov Yu. S. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Шредингер 2002 — Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002. [Schrödinger E. *Chto takoe zhizn'? Fizicheskii aspekt zhivoi kletki* [What is life? Physical aspect of the living cell]. Moscow; Izhevsk: Scientific Research Center «Regular and chaotic dynamics», 2002.]
- Чебанов 2004 — Чебанов С. Российская биосемиотика как школа: проблема институализации. Научные чтения - 2003. Материалы конф. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. С. 164—171. [Chebanov S. Russian biosemiotics as a school: The problem of institutionalization. *Nauchnye chteniya - 2003. Materialy konferentsii*. St. Petersburg: Philological Department of St. Petersburg State Univ., 2004. Pp. 164—171.]
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 387—404. [Jakobson R. Linguistics in its relation to other sciences. Jakobson R. *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 387—404.]

- Augustyn 2013 — Augustyn P. What connects Biolinguistics and Biosemiotics? *Biolinguistics*. 2013. Vol. 7. Pp. 96—111.
- Barbieri 2007a — Barbieri M. (ed.). *Introduction to Biosemiotics. The new biological synthesis*. Dordrecht: Springer, 2007.
- Barbieri 2007b — Barbieri M. Is the cell a semiotic system? *Introduction to Biosemiotics. The new biological synthesis*. Barbieri M. (ed.). Dordrecht: Springer, 2007. Pp. 179—208.
- Barbieri 2008a — Barbieri M. What is Biosemiotics? *Biosemiotics*. 2008. Vol. 1. Pp. 1—3.
- Barbieri 2008b — Barbieri M. Biosemiotics: A new understanding of life. *Naturwissenschaften*. Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 577—599.
- de Beaugrande, Dressler 1981 — de Beaugrande R. A., Dressler W. U. *Introduction to text linguistics*. London: Longman, 1981.
- Bickerton 2014 — Bickerton D. Some problems for Biolinguistics. *Biolinguistics*. 2014. Vol. 8. Pp. 73—96.
- Collins 2006 — Collins F.S. *The language of God*. New York: Free Press, 2006.
- Collins 2009 — Collins F.S. *The language of life: DNA and the revolution in personalized medicine*. New York: Harper-Collins, 2009.
- Crick 1966 — Crick F. The genetic code — yesterday, today and tomorrow. *Cold spring symposium on quantitative Biology*. 1966. Vol. 31. Pp. 3—9.
- Crick 1981 — Crick F. *Life Itself: Its origin and nature*. London: Simon and Schuster, 1981.
- Dijk 1972 — Dijk T. van. *Some aspects of text grammars. A study in theoretical poetics and linguistics*. The Hague: Mouton, 1972.
- Emmeche, Hoffmeyer 1991 — Emmeche C, Hoffmeyer J. From language to nature — the semiotic metaphor in biology. *Semiotica*. 1991. Vol. 84 (1/2). Pp. 1—42.
- Elumalai, Eswaraiah 2013 — Elumalai, Eswaraiah M. Review on application of bioinformatics. *Journal of Science. Bioinformatics*. 2013. Vol. 3 (1). Pp. 21—27.
- Folcher M. et al. 2014 — Folcher M. et al. Mind-controlled transgene expression by a wireless-powered optogenetic designer cell implant. *Nature communication*. 2014. Vol. 5. No. 5392.
- Favareau 2007 — Favareau D. The evolutionary history of biosemiotics. *Introduction to Biosemiotics. The new biological synthesis*. Barbieri M. (ed.). Dordrecht: Springer, 2007. Pp. 1—69.
- Fox Keller 2002 — Fox Keller E. Language in action. Genes and metaphor of reading. *Experimenting in tongues: Studies in science and language*. Dorries M. (ed.). Stanford Univ. Press, 2002. Pp. 75—88.
- Galik 2013 — Galik D. Biosemiotics: A new science of biology? *Filozofia*. 2013. Vol. 68. No. 10. Pp. 859—867.
- Gamkrelidze 2009 — Gamkrelidze T. «Paradigms» in linguistics and the problem of the isomorphism between the genetic code & semiotic systems. *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 3 (2). Pp. 194—197.
- Gimona 2006 — Gimona M. Protein linguistics — a grammar for modular protein assembly? *Nature Reviews Molecular Cell Biology*. 2006. Vol. 7. Pp. 68—73.
- Gimona 2008 — Gimona M. Protein linguistics and the modular code of the cytoskeleton. *Codes of Life. The Rules of Macroevolution*. Barbieri M., Hoffmeyer J. (eds.). Biosemiotics. 2008. Vol. 1. Pp. 189—206.
- Hogeweg 2011 — Hogeweg P. The roots of Bioinformatics in theoretical Biology. *PLoS Computational Biology*. 2011. Vol. 7 (3).
- Jacob 1977 — Jacob F. The linguistic model in biology. *Roman Jakobson, echoes of his scholarship*. Armstrong D., van Schooneveld C. H. (eds). 1977. Lisse: Peter de Ridder. Pp. 186—192.
- Jakobson 1970 — Jakobson R. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences. *Main trends of research in the social and human sciences*. The Hague: Mouton, 1970. Pp. 419—453.
- Ji 1997 — Ji S. Isomorphism between cell and human languages: molecular biological, bioinformatic and linguistic implications. *Biosystems*. 1997. Vol. 44 (1). Pp. 17—39.
- Ji 1999 — Ji S. The linguistics of DNA: Words, sentences, grammar, phonetics, and semantics. *Molecular strategies in biological evolution. Annals of the New York Academy of science*. 1999. Vol. 870. Pp. 411—417.
- Kull 1998 — Kull K. Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*. 1998. Vol. 1. Pp. 93—104.
- Kull 2002 — Kull K. A sign is not alive — a text is. *Sign Systems Studies*. 2002. Vol. 30 (1). Pp. 327—336.
- Kull 2003 — Kull K. Thomas A. Sebeok and biology: Building biosemiotics. *Cybernetics and Human Knowing*. 2003. Vol. 10 (1). Pp. 47—60.
- Kull et al. 2009 — Kull K., Deacon K., Emmeche C., Hoffmeyer J., Stjernfelt F. Theses on Biosemiotics: Prolegomena to a theoretical biology. *Biological Theory*. 2009. Vol. 4 (2). Pp. 167—173.

- Pattee 2005 — Pattee H. H. The necessity of Biosemiotics: Matter-symbol complementarity. The physics and metaphysics of Biosemiotics. *Journal of Biosemiotics*. 2005. Vol. 1 (1). Pp. 223—238.
- Raible 2001 — Raible W. Linguistics and Genetics: Systematic parallels. *Language typology and language universals. An international handbook*. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 103—123.
- Rothschild 1962 — Rothschild F. S. Laws of symbolic mediation in the dynamics of self and personality. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1962. Vol. 96 (3). Pp. 774—784.
- Searls 1993 — Searls D. The computational linguistics of biological sequences. *Artificial intelligence and molecular biology*. Menlo Park (CA): AAAI Press, 1993. Pp. 47—120.
- Searls 1999 — Searls D. Formal language theory and biological macromolecules. *Mathematical support for molecular biology*. American Mathematical Society Press. 1999. Pp. 117—140.
- Searls 2002 — Searls D. B. The language of genes. *Nature*. 2002. Vol. 420 (6912). Pp. 211—217.
- Searls 2010 — Searls D. B. Molecules, languages and automata. *Grammatical Inference: Theoretical Results and Applications Lecture Notes in Computer Science*. 2010. Vol. 6339. Pp. 5—10.
- Stjernfelt 2002 — Stjernfelt F. Tractatus Hoffmeyerensis: Biosemiotics as expressed in 22 basic hypotheses. *Sign Systems Studies*. 2002. Vol. 30 (1). Pp. 337—345.
- Suhr 2002 — Suhr St. Is the notion of language transferable to the genes? *Experimenting in Tongues: Studies in science and language*. Dörries M. (ed.). Stanford Univ. Press, 2002. Pp. 49—75.
- Trifonov 2000 — Trifonov E. Earliest pages of bioinformatics. *Bioinformatics*. 2000. Vol. 16 (1). Pp. 5—9.
- Trifonov 2008 — Trifonov E. Codes of biosequences. *Codes of life. The rules of macroevolution*. Barbieri M., Hoffmeyer J. (eds.). Biosemiotics. 2008. Vol. 1. Pp. 3—14.
- Trifonov 2011 — Trifonov E. Thirty years of multiple sequence codes. *Genomics. Proteomics & Bioinformatics*. 2011. Vol. 9 (1—2). Pp. 1—6.
- Venter et al. 2001 — Venter C. et al. The sequence of the human genome. *Science*. 2001. Vol. 291 (5507). Pp. 1304—1351.
- Watson et al. 2001 — Watson J. et al. International Human Genome Sequencing Consortium. Initial sequencing and analysis of the human genome. *Nature*. 2001. Vol. 409. Pp. 860—921.

Статья поступила в редакцию 28.05.2015.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS**ОБЗОРЫ / OVERVIEWS****СОВРЕМЕННАЯ РУСИСТИКА
И ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ**

© 2016 г. Екатерина Роландовна Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ),
Москва, 115184, Российская Федерация
edobrush@gmail.com

Обзор посвящен работам русских исследователей, в которых на материале русского языка применяются методы теории грамматики конструкций («Construction Grammar», сокращенно CxG). Показано, что грамматика конструкций оказалась близка русской лингвистической традиции потому, что сходные идеи фигурировали в русистике задолго до появления этого термина. Сейчас CxG предстает в русистике скорее как вполне привычный метод работы с материалом, дающий анализ настолько точный, что на его основе удобно подтверждать более общие гипотезы авторов.

Ключевые слова: грамматика конструкций, корпусная лингвистика, русский язык, CxG

**CONSTRUCTION GRAMMAR
IN CONTEMPORARY RUSSIAN LINGUISTICS**

Ekaterina R. Dobrushina

St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, 115184, Russian Federation
edobrush@gmail.com

The paper is a survey of Russian studies applying methods of Construction Grammar (CxG) to the Russian data. It is shown that Construction Grammar proved to be intrinsically close to the Russian linguistic tradition because similar ideas had been present in Russian language studies long before the term was coined. Today, CxG in Russian linguistics appears to be a conventional method of working with linguistic data whose importance is not in the methodology itself but in its ability to produce very detailed analyses that allow to confirm or disprove generic hypotheses.

Keywords: Construction Grammar, corpus linguistics, CxG, Russian

Современная русистика быстро вбирает все свойства лингвистики XXI в. и теперь уже немислима вне оглядки на типологию, без корпусного анализа данных и без микродиахронических и статистических исследований на базе электронных корпусов¹. Очень естественно вошли в русскую лингвистическую традицию и методы грамматики конструкций. С 2009 г. в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) проводятся уже ставшие традиционными конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (2009, 2011, 2013 и 2015 гг.). Но публикаций, посвященных грамматике

¹ См. проект [Русграм 2009—2015], разработчики которого ставят задачу постепенно создать последовательное описание грамматики современного русского языка с учетом всех перечисленных методик.

конструкций в русистике, пока немного: основополагающей в этой области стала изданная пять лет назад книга «Лингвистика конструкций» [Рахилина (ред.) 2010], а в 2014 г. появился долгожданный, создававшийся пять лет сборник «Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы» [Сай и др. (ред.) 2014], которому и будет посвящен данный обзор² в первую очередь. Также непосредственно связаны с идеями грамматики конструкций несколько обсуждаемых ниже работ из [Воейкова, Сосновцева (ред.) 2015].

Термин «теория грамматики конструкций» («Construction Grammar», сокращенно CxG) используется в лингвистике с конца 1980-х гг.; создателем грамматики конструкций является Ч. Филлмор. Наиболее полным введением в эту теорию остаются книги Адели Голдберг, ученицы Ч. Филлмора [Goldberg 1995; 2006]. Авторы вступительного обзора к «Лингвистике конструкций» пишут:

Ч. Филлмор — особый человек. Он и вообще пишет довольно мало — например, у него практически нет книг. Другое дело, что несколько лет назад издательство The University of Chicago Press объявило о скором выпуске в свет монографии под названием «Construction Grammar», в создании которой кроме Чарльза Филлмора будут участвовать Пол Кей, Айвен Саг и Лора Микаэлис, но пока эта книга еще не вышла. Поэтому в основном информация о CxG исходит от учеников и последователей Ч. Филлмора, посвятивших свои работы тому или иному аспекту теории, или из его собственных кратких статей, представляющих конкретные ее результаты, то есть описания отдельных конструкций английского языка [Рахилина (ред.) 2010: 18—19].

В 2013 г. был опубликован целиком посвященный грамматике конструкций оксфордский учебник под редакцией Т. Хофмана и Г. Трусдейла [Hoffmann, Trousdale 2013], авторы которого ставят перед собой задачу проследить историю создания этой теории и ее отличия от порождающей грамматики Хомского, описать ее фундаментальные идеи, разделяемые всеми адептами, показать методы применения грамматики к морфо-синтаксическим явлениям разных типов, а также рассмотреть психолингвистические и нейролингвистические основы теории и ее позиции по отношению к вариативности и диахроническим изменениям языка. Книга состоит из разрозненных (по идеям и тематике) разделов около 30 разных авторов, многие из которых вместо конкретного иллюстративного материала предлагают отсылки к другим своим статьям, поэтому пользоваться изданием в учебных целях непросто, и оно больше напоминает сборник статей, чем обобщающее материал учебное пособие. Поэтому, на мой взгляд, начинать знакомство с грамматикой конструкций по-прежнему проще с классических работ, таких как [Fillmore et al. 1988; Fried, Cstman 2004; Goldberg 1995; 2006; Tomasello 2003] и, конечно, [Рахилина (ред.) 2010].

Одной из самых известных статей, посвященных конструкциям, можно назвать [Fillmore et al. 1988]. В ней на примере английской конструкции *let alone* авторы продемонстрировали свой метод анализа и показали, что элементы и значения каждого из участвующих в данной конструкции уровней — синтаксического, семантического и прагматического — существуют в тесной взаимосвязи.

Более слабое предположение, отвергающееся на прагматическом уровне, располагает объекты, появляющиеся на синтаксическом уровне, на шкале, действующей на семантическом уровне. Таким образом, элементы разных уровней не просто связаны — они неотделимы, и интерпретируются во взаимодействии друг с другом. Нередко в «одной упряжке» могут оказаться не только семантико-синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих. Цельность, единство конструкции как языкового знака, иначе говоря, то, что объяснение одного класса свойств, т. е. ограничений одного уровня, невозможно без обращения к другим уровням, является центральной идеей всей теории CxG [Рахилина (ред.) 2010: 21—22].

Грамматика конструкций исходит из невозможности анализа языковых единиц автономно на каком-либо из уровней, при этом вложение единиц разных уровней, их взаимовлияние

² Также опубликованы следующие посвященные русскому языку работы, связанные с грамматикой конструкций: [Выренкова и др. 2014; Rakhilina, Tribushinina 2011].

учитывается не последовательно, а одновременно, так как свойства всех входящих в конструкцию единиц разных уровней выбираются в зависимости от остальных — неизменной остается только сама конструкция, но не ограничения на ее элементы и не ее семантика.

Устройство и семантическая интерпретация конструкций подчиняются заведомо более жестким ограничениям по сравнению с фрагментами «обычных» предложений; вместе с тем, конструкции отличаются и от идиоматических сочетаний — в первую очередь тем, что задают некоторый тип высказываний: конструкция имеет определенное значение (которое, как правило, сходно с грамматическими значениями данного языка), но, кроме того, на все ее элементы накладываются сильные ограничения (главным образом, семантического или лексического порядка). Можно сказать, что конструкции — это своего рода грамматическая периферия, создаваемая почти исключительно лексическими средствами; это лексика, стремящаяся стать грамматикой (или, если угодно, маскирующаяся под грамматику) [Рахилина, Плунгян 2010: 84—85].

Грамматика конструкций позволяет описывать вариативность управления, не постулируя существования двух разных подзначений глагола с разными моделями управления, ср. пример из [Летучий 2014]: *Поезд мчал нас на юг* и *Мы мчали на поезде на юг*. Она позволяет объяснять окказиональные употребления, анализируя механизм, дающий возможность носителям языка порождать и понимать их, ср. в [Храковский 2014] анализ примеров типа *мимо пробагоухала прекрасная дама*.

Русской лингвистической традиции грамматика конструкций оказалась близка потому, что близкие идеи фигурировали в русистике задолго до появления этого термина. Авторы предисловия к [Сай и др. (ред.) 2014] пишут:

...созвучные идеи широко представлены и в российской лингвистике. Так, например, такие понятия, как «структурная схема предложения» у Н. Ю. Шведовой, «фразеосхема» у Д. Н. Шмелева или «синтаксическая фразема» у Л. Л. Иомдина, — при всех различиях в их содержательном наполнении — объединяет то, что их использование предполагает принятие некоторых базовых допущений, характерных для «конструкционных» подходов [Там же: 8—9].

О том, как созвучны грамматике конструкций мысли Ю. Д. Апресяна о связи синтаксиса и семантики, высказанные еще в 1960-х гг. [Апресян 1967], см в [Рахилина (ред.) 2010: 50—52; Рахилина, Плунгян 2010]. О связи с грамматикой конструкций грамматики функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций (КС), разрабатываемой в отделе теории грамматики ИЛИ РАН под руководством А. В. Бондарко в течение последних 25 лет, пишет М. Д. Воейкова [Воейкова 2015].

В русской лингвистике грамматика конструкций предстает скорее как метод работы с материалом, нередко вполне привычный, интересный не сам по себе, но как подход, дающий анализ такой точности, что на его основе можно подтверждать более общие гипотезы авторов. Так, в [Кобозева 2015] конструкции обладания с глаголами *быть* и *иметь* сравниваются с приименным генитивом, чтобы исследовать вопрос о границах ФСП посессивности в русском языке. В [Николаева 2015] беспредложные и предложные конструкции с глаголами *вспоминать* / *вспомнить* описаны потому, что автор стремится подтвердить тезис о «скрытой семантике», то есть о естественности для русского языка сосуществования почти не различимых по значению, но все же различных единиц. При этом для Т. М. Николаевой оказывается важным подчеркнуть, что идея инвентаризации конструкций определенного типа чрезмерно оптимистична, так как сталкивается с набором «внутренних проблем»: необходимости учета интонационного оформления, более широкого «внешнего» контекста, «внутреннего» контекста, например, частиц, возможности синонимических замен определяющих конструкции лексем и, наконец, грамматико-категориальной формы этих лексем.

Точно так же лишь инструментом анализа оказывается грамматика конструкций почти для всех авторов книги [Сай и др. (ред.) 2014], о которой речь пойдет дальше.

Книга «Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы», объемом почти в 800 страниц, объединяет работы 27 авторов, в основном из Санкт-Петербурга и Москвы, но также и из Ульяновска, Стокгольма, Хельсинки. Она создавалась в течение пяти лет и, хотя задуман этот сборник был в 2009 г. в связи с первой из посвященных грамматике конструкций Санкт-Петербургской конференцией, представляет собой нечто гораздо большее, чем просто сборник текстов, созданных по следам выступлений. Многие из включенных в книгу работ подготовлены много позже конференции, некоторые писались и переписывались несколько лет, и каждая из статей — объемное, полновесное исследование.

Особенно интересно предисловие М. А. Овсянниковой, С. А. Оскольской и С. С. Сая, в котором редакторы обобщают и сравнивают теоретические подходы разных авторов в рамках каждого из пяти разделов, на которые условно разбиты статьи сборника: «Малый синтаксис и периферийные значения глагольных форм», «Глагол и его валентности», «Парадигматические отношения в семантике и синтаксисе», «На стыке синтаксиса и смежных областей», «Синтаксические явления в диахронической перспективе». Противопоставив в заглавии сборника «конструкционный» и «лексико-семантический подходы», авторы стремились сопоставить «в исследованиях, посвященных анализу частных синтаксических явлений в связи с их семантическо-прагматическими свойствами» два метода. Первый, «основанный на анализе языковых единиц от свойств частей к свойствам целого (“снизу вверх”», при котором «грамматические свойства и принципы построения синтаксических единиц обычно выводятся из свойств (в частности, сочетаемостных) входящих в них лексем и морфем, которые в свою очередь объясняются недоступными напрямую наблюдению семантическими особенностями, зачастую весьма тонкими», в российской лингвистике «находит свое последовательное воплощение во многих исследованиях Московской семантической школы, в частности в работах Ю. Д. Апресяна» [Сай и др. (ред) 2014: 8]. Во втором методе

...главную роль играют сложные синтаксические единицы («конструкции» в терминологическом смысле), за которыми признаются права полноценных языковых единиц, обладающих своими формальными и семантическими свойствами, в общем случае ни из чего не выводимыми (таким образом, синтаксис описывается «сверху вниз»). Составные части конструкций считаются не базовыми единицами синтаксиса, а напротив, рассматриваются преимущественно с точки зрения их роли в устройстве целого [Там же].

Открывается книга теоретической статьей В. С. Храковского, в которой на примерах глагольных конструкций показываются особенности анализа в рамках принципа композиционности при вербоцентрическом лексико-семантическом подходе и принципа «антикомпозиционности» при конструкционном. Для В. С. Храковского важна следующая альтернатива: «...глагольная конструкция — это результат реализации валентностного потенциала образующего ее глагола или представляет собой семантический шаблон, в который на равных правах вставляются все его элементы» [Храковский 2012: 289]. В итоге делается вывод о взаимодополнительности двух подходов:

С помощью лексико-семантического (вербоцентрического) подхода мы познаем закономерности формирования конструкции из порождающего ее финитного глагола, а с помощью конструкционного — закономерности смысловой трансформации конструкции при введении в ее состав некоторых частиц и сирконстантов, а также глаголов из т. н. донорской зоны [Храковский 2014: 39].

Тема сборника — анализ различных синтаксических явлений русского языка, описываемых в связи с их семантическими свойствами и особенностями употребления, в том числе исследование идиоматизированных или лексически ограниченных конструкций. Поскольку существенная ценность книги именно в тонко, точно и полно отобранном и обработанном языковом материале, думаю, что лучший способ кратко представить ее содержание — это рассказать о статьях сборника, обозначая их через рассматриваемые в них языковые единицы с характерными примерами.

Конструкция «*поди* плюс императив» (*Поди знай, что это значит*) рассмотрена В. В. Барановой [Баранова 2014]; автор показывает, что эта конструкция наследует свои признаки как от не прямых употреблений императивных форм, так называемых квазиимперативов, так и от конструкций с дискурсивным словом *поди*.

Лексемы *евоинный* и *ихний*³ — адъективные дериваты притяжательных местоимений — развиваются в некоторых регистрах русского языка, как показывает В. С. Волк, потому, что в системе притяжательных местоимений третьего лица есть противоречия между их морфологическими и синтаксическими свойствами [Волк 2014].

Конструкция с независимым инфинитивом и частицей *бы* (*Жить бы в Мюнхене!*) описана М. Ю. Князевым; автор демонстрирует, что она допускает две интерпретации: при первой субъектом выражаемой оценки является говорящий, при второй — дативный субъект, при этом второй тип интерпретации допустим только при линейном предшествовании дативного субъекта частице *бы*; в статье сделано интересное теоретическое обобщение о том, что оценка и ее субъект могут быть рассмотрены как категории, представленные в синтаксической структуре [Князев М. 2014].

Вид в формах будущего времени, в частности, предложения типа *Гражданской войны мы допускать не будем* как пример разговорной ошибки на выбор вида, требующей теоретического осмысления, рассматривает Ю. П. Князев, предлагая считать, что наиболее существенным признаком будущего является несинхронный — проспективный — взгляд на ситуацию, поэтому именно совершенный вид является основным средством обозначения будущих событий, а несовершенный вид вытесняется в такие семантические зоны, как намерение совершить действие, начинательность или повторяемость [Князев Ю. 2014].

Маркеры ренарратива, а именно современные частицы *мол*, *-де*, *дескать* в сопоставлении с древнерусскими *рече*, *баит* и др. анализирует М. В. Копотев. Рассмотренный материал позволяет автору поставить вопрос о существовании конструкции, которая, не обладая выраженными синтаксическими связями, тем не менее накладывает определенные семантические, прагматические и просодические ограничения, ведущие к деформациям лексического материала, попадающего в конструкцию. Примечателен подход автора к микродиахронии, лаконично обозначенный при помощи термина «(древне)русский», который «означает древнерусский и русский языки в развитии» [Копотев 2014: 713].

Квазиимперативная конструкция долженствования (*Они намусорят, а я убирай!*) рассматривается в статье Ю. Л. Кузнецовой; автору важна семантика данной конструкции, ее место в типологической классификации облигативов, ее ограничения, семантические (нежелательность, противопоставление с фоновой ситуацией, эмоциональная окраска, временная референция) и структурные (несовершенный вид и императивная форма глагола, форма именной группы) и их взаимосвязь [Кузнецова 2014].

Депиктивные конструкции (*Он ел фрукты свежими*) в сопоставлении с согласуемыми (*Он ел фрукты свежие*) анализируют Ю. Л. Кузнецова и Е. В. Рахилина. Прилагательные и глаголы, употребляющиеся в обеих конструкциях, связаны между собой: если выбирается глагол, прототипический для данной конструкции, то при нем допускается почти любое прилагательное, и наоборот, если выбрано прототипическое прилагательное, способ заполнения глагольной позиции оказывается не так важен. Таким образом, наполнение конструкций мотивировано их семантикой в целом, что делает AgrC и DepC уникальным примером для теории грамматики конструкций [Кузнецова, Рахилина 2014].

Употребления возвратного постфикса *-ся* и приставок, циркумфиксов *на-...ся* и др., трансформации типа *Поезд мчал нас на юг* и *Мы мчали на поезде на юг*, конструкция угрозы⁴ *Я ему приду!* — как примеры применения к разноплановым синтаксическим явлениям двух подходов, введенных Дж. Байби [Bybee 1995] для морфологических явлений:

³ О слове *ихний* см. также [Добрушина, Сичинава 2015].

⁴ Не удержусь от упоминания термина, которым А. Б. Летучий обозначает такие конструкции в устной научной речи: *угрозотив*.

обобщение, ориентированное на источник преобразования, и обобщение, ориентированное на продукт преобразования, — рассматривает А. Б. Летучий [2014].

Предложная конструкция *поверх очков* описана в статье О. Н. Ляшевской. Необычность семантики конструкций с этим предлогом в том, что при представлении семантической структуры употреблений предлога в виде радиальной категории оказывается, что на роль прототипа претендуют две образные схемы: «пластина поверх пластины» и «смотреть поверх преграды». Каждый прототип образует свою сеть классов, однако некоторые периферийные употребления могут быть мотивированы и с той, и с другой стороны [Ляшевская 2014].

Диахронически вариативные конструкции с предлогом *по*, такие как *тоскует по муже / по мужу, стреляет по ним / по ним и др.*, рассматривает Е. В. Муравенко, чтобы показать изменения управления предлога *по* за последние два с половиной века. Только во временном значении близком к «после» сейчас сохраняется предложный падеж (*по окончании, по приезде*), однако в современном языке эти сочетания находятся на пути к составным предлогам типа *по истечении*. В остальных трех значениях произошло вытеснение исходного предложного падежа дательным, причем в разных значениях в одной и той же последовательности: существительные во множественном числе — существительные в единственном числе — местоимение *они* — местоимение *он* — местоимения *мы, вы* [Муравенко 2014].

Соотношению конструкций типа *Петя осуждал Васю за его поступок* и *Петя осуждал поступок Васи* посвящена статья М. А. Овсянниковой и С. С. Сая. Возможность употребления глагола в конструкциях и с первым, и со вторым типом обозначения участников объясняется наличием определенного компонента в значении: все эти глаголы предполагают ментальную оценку и обозначают реакцию, вызванную некоторой ситуацией, но направленную на лицо, которое представляется ответственным за возникшую ситуацию [Овсянникова, Сай 2014].

Союз *кроме как* в сопоставлении с *кроме* (*Глаша, кроме как о кулинарии, ни о чем на собраниях этих не говорила* и *Глаша, кроме кулинарии, ни о чем...*) анализирует С. А. Оскольская. По синтаксической структуре конструкции *кроме как* в целом совпадает с *кроме* в значении «за исключением» и одновременно обладает свойствами, общими с конструкциями со словом *как*. Главной особенностью *кроме как* автор считает то, что это сочетание служит для выделения ремы в высказывании [Оскольская 2014].

Конструкции с синонимичными *уже* и *еще* (*Разве мосты еще / уже не сняли?*) описывает Е. В. Падучева. Для объяснения странной синонимии этих наречий в рамках определенных конструкций автор обращается к понятиям глобального vs. узкого отрицания и двойственности, приводит еще несколько пар частиц и адвербиалов, которые ведут себя как «двойственники» (*снова* и *на этот раз, еще раз* и *больше (не), тоже* и *в отличие от, хотя бы* и *даже*), и описывает семантическую природу двойственности [Падучева 2014].

Конструкции с предложно-падежной группой *с собой* (*брать с собой, звать с собой, давать что-то с собой, у него есть с собой что-то, иметь с собой что-то*) классифицирует Н. В. Перкова, связывая их особенности с семантикой предикатного класса [Перкова 2014].

Относительные предложения типа *Убежал осёл, которого мы любили*, где коммуникативно-просодическое членение ({*Убежал 'осёл*} {*которого мы 'любили*}) противоречит синтаксическому ({*Убежал ['осёл]*} {*которого мы 'любили*}}), т. е. просодическая граница проходит внутри именной группы⁵, описывает В. И. Подлесская [Подлесская 2014].

Конструкциям с оценочными предикативами в главной клаузе, включающим сентенциальные актанты (*Этот текст трудно запомнить*), посвящена работа Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой. Авторы выделяют в конструкции оценки три участника — субъект оценки, ориентир и объект оценки — и классифицируют оценочные предикативы в зависимости от способности различать выраженный субъект и ориентир оценки [Сердобольская, Толдова 2014].

Конкуренция между двумя способами релятивизации подлежащего — действительным причастным оборотом (*Я не знаю человека, написавшего это стихотворение*) и придаточ-

⁵ См. о малоописанном для русского языка, но активно используемом в современной русистике понятии «именная группа» в материалах проекта «Русграм» [Подлесская 2011].

ным с *который*⁶ (*Я не знаю человека, который написал это стихотворение*) — рассматривается в статье М. А. Холодиловой [Холодилова 2014а].

Две разные по синтаксическим, семантическим и прагматическим свойствам конструкции с *Не успел... как...* анализирует К. А. Шагал. Первая заполняется «длительными» глаголами (*Не успел написать и четверти страницы, как...*) и противопоставлена второй, заполняемой глаголами моментального действия (*Не успел оглянуться, как...*). Первая используется в качестве временного союза со значением контактного следования, а основной функцией второй оказывается оценка интервала между двумя событиями как мгновенного [Шагал 2014].

Квасисинонимичные конструкции типа *говорить о / говорить про, скучать о / скучать по, бить в / бить по* рассматриваются в работе И. В. Яковлевой [Яковлева 2014]. Три пары предложных конструкций сравниваются с точки зрения их семантических особенностей. Продолжая эту тему, автор рассматривает освоение этих конструкций детьми и показывает, что усваиваются конструкции

...как особые единицы языка, которыми носитель языка оперирует целиком и которые обладают своей семантикой, определяющей их синтаксическую структуру и семантические ограничения на заполнение мест. При этом порядок усвоения конструкций в каждой из групп свидетельствует о когнитивной значимости того или иного понятия для детей раннего и дошкольного возраста [Яковлева 2015: 336].

Всего для нескольких работ трудно выделить конкретные языковые единицы, которым они посвящены. Статья Л. М. Боряевой — единственная в сборнике, рассматривающая только исторический материал — посвящена анализу синтаксических функций предложно-падежных форм в текстах древнерусских берестяных грамот XI — первой половины XV в. Автор формулирует «предположение о том, что переход от беспредложного управления к предложному осуществлялся главным образом не на уровне словосочетания, а на уровне предложения, предлог первоначально выступал в качестве маркера выражения дополнительной пропозиции, которая накладывалась на основную пропозицию» [Боряева 2014]. Л. М. Боряева показывает, что изначально предлог присоединялся не к именной форме. Например, в конструкции «на + винительный падеж» (*столько-то ржи на твою часть*) предлог *на* выступает в функции предиката, «что с точки зрения современного синтаксиса также может быть интерпретировано только путем “восстановления” глагольной формы **приходится / пришлось: Ньмного, ѡсподинь, ржи на твою часть*» [Там же: 701].

О. Ю. Чуйкова, опираясь на концепцию аспектуальной композиционности М. Крифки [Krifka 1989; 1992], классифицирует именные группы в зависимости от количественной определенности или неопределенности (кумулятивные vs. квантованные) и анализирует способность каждого типа имен выражать прямое дополнение в контекстах конкуренции СВ и НСВ. Оказывается, что форма родительного падежа с партитивной семантикой может быть аспектуально значимой, указывая на относительность предела. Семантика такой именной группы оказывается близка к семантике делимитативного способа действия, что позволяет партитивным именным группам регулярно выступать наилучшим дополнением при делимитативных предикатах. Так, корпусная статистика убедительно показывает, что глаголы *поест* и *попить* сочетаются с род. п. (*попил пива*) в четыре раза чаще, чем с вин. п. (*попил пиво*) [Чуйкова 2014].

Огромный материал представлен в исследовании Е. В. Ягуновой и Л. М. Пивоваровой, которые статистическими методами анализируют частотность использования слов рядом друг с другом — причем проводится сплошной анализ материала — в трех представительных по объему корпусах: информационном новостном и двух разнотипных лингвистических. На основе такого анализа делаются выводы о степени неслучайности отдельных сочетаний и в результате выделяются параметры, определяющие положение словосочетания на шкале «от коллокации к конструкции». В статье подробно описаны методы анализа и подсчетов

⁶ См. описание относительных придаточных в материалах проекта «Русграм» [Холодилова 2014б].

и полученные результаты, в том числе таблицы биграмм разных типов устойчивости. На статус типичных, «ядерных» коллокаций претендуют неоднословные номинации, например *боснийский серб* или *актуальное членение*, оказывающиеся промежуточным звеном на пути от слова к конструкциям. Конструкции предстают единицами синтаксического плана, при этом «ядерные» тяготеют к выраженной предикативности. В анализируемом материале наиболее типичными оказались «конструкции ввода информации» в новостных текстах типа *Об этом сообщает РИА Новости со ссылкой на...* В научном стиле конструкциями можно считать, например, биграммы *дает возможность*, *зависит от*, *отличается от* и др. Производная служебная лексика (*в течение*, *в качестве*) и дискурсивные слова (*по крайней мере*, *может быть*) попадают в серединную зону шкалы [Ягунова, Пивоварова 2014]. Для меня это исследование оказалось интересным в том числе и потому, что, будучи одним из первых описаний состава русской лексики статистическими методами, оно приближает русскую лексикографию к тому, чтобы отбирать лексемы и конструкции для специализированных (например, профессиональных словарей) корпусными статистическими методами, ср. попытки в [Добрушина 2012] нащупать корпусную методику обоснования отбора лексем для толкового словаря, посвященного религиозной христианской тематике.

Н. Е. Шанявская рассматривает выражение признаков предметов неадъективными средствами, например обстоятельствами, превращающимися в эпитеты (*Жарко ветер скользит по бессоннице губ. По усталости рук бродит, сух и горяч*), или через указание на действие описываемого предмета, т. е. через глагол-сказуемое и его зависимые (*Гудят басы и псы стремятся из ошейников*) [Шанявская 2014]. Материал исследования извлечен из стихов М. Крепса, для которых характерны нестандартные приемы описания предметов. Эта статья по подходу и терминологии, пожалуй, единственная в сборнике близка к традиционной докорпусной русистике.

Итак, сборник [Сай и др. (ред.) 2014] объединяет исследования, в которых конструкционный и лексико-семантический подходы не противоречат друг другу, но успешно сочетаются. Объединены работы, и, как подчеркивают редакторы сборника, нацеленностью на внимательнейший анализ новых эмпирических данных о русском языке и тем, что выполнены с оглядкой на типологические, корпусные и статистические методы, включение которых в общую научную парадигму современной русистики представляет, на мой взгляд, существенное достижение российского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1967 — Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. [Apresjan Yu. D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental study of semantics of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Баранова 2014 — Баранова В. В. *Поди знай, что это значит: конструкция трудновыполнимого действия поди V_{IMPER}* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 99—120. [Baranova V. V. *Podi znai, chto eto znachit: construction of exigent action podi V_{IMPER}*. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 99—120.]
- Боряева 2014 — Боряева Л. М. Предложно-падежные формы в эволюции простого предложения (на материале древнерусских берестяных грамот XI—XV вв.) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 673—711. [Boryaeva L. M. Prepositional case forms in the evolution of simple sentence (based on the material of the 11th—14th centuries Old Russian birchbark letters). Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 673—711.]

- Воейкова 2015 — Воейкова М. Д. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направления развития // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. XI. Ч. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 7—23. [Voeikova M. D. St. Petersburg school of functional grammar: History, current state and development trends. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. XI. Part 1: *Kategorii imeni i glagola v sisteme funktsional'noi grammatiki*. Voeikova M. D., Sosnovtseva E. G. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2015. Pp. 7—23.]
- Воейкова, Сосновцева (ред.) 2015 — *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. XI. Ч. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (ред.). СПб.: Наука, 2015. [*Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences]. Kazansky N. N. (ed.). Vol. XI. Part 1: *Kategorii imeni i glagola v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Noun and verb categories in the system of functional grammar]. Voeikova M. D., Sosnovtseva E. G. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2015.]
- Волк 2014 — Волк В. С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 510—536. [Volk V. S. Syntax of possessive pronouns and adjective derivation. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 510—536.]
- Выренкова и др. 2014 — Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3. С. 3—19. [Vyrenkova A. S., Polinskaja M. S., Raxilina E. V. Grammar of errors and Construction Grammar. The case of «heritage Russian». *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 3. Pp. 3—19.]
- Добрушина 2012 — Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2012. Вып. 3 (29). С. 105—113. [Dobrushina E. R. A dictionary of Christian lexicon: Vocabulary composition. *Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiya*. 2012. No. 3 (29). Pp. 105—113.]
- Добрушина, Сичинава 2015 — Добрушина Е. Р., Сичинава Д. В. Кочующая норма или микродиахронические похождения слова *ixnij* в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания. 2015. № 2. С. 41—54. [Dobrushina E. R., Sitchinava D. V. A drifting norm, or Microdiachronic adventures of the word *ixnij* 'their' in Russian, Ukrainian and Belorussian. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 2. Pp. 41—54.]
- Князев М. 2014 — Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 140—154. [Knyazev M. Yu. On the interaction of word order and semantics in the infinitive construction with the particle *by*. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 140—154.]
- Князев Ю. 2014 — Князев Ю. П. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 43—70. [Knyazev Yu. P. The influence of reference to the future on aspect opposition in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 43—70.]
- Кобозева 2015 — Кобозева И. М. О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. XI. Ч. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 249—272. [Kobozeva I. M. On possessiveness in Russian: Possessive predicates vs. the genitive case. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticeskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. XI. Part 1: *Kategorii imeni*

- i glagola v sisteme funkcional'noi grammatiki*. Voeikova M. D., Sosnovtseva E. G. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2015. Pp. 249—272.]
- Копотев 2014 — Копотев М. В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 712—740. [Kopotev M. V. The evolution of the Russian renarrative markers: Syntax or lexis? *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 712—740.]*
- Кузнецова 2014 — Кузнецова Ю. Л. Квазиимператив долженствования // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 71—98. [Kuznetsova Yu. L. Quasiimperative of must. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 71—98.]*
- Кузнецова, Рахилина 2014 — Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 180—218. [Kuznetsova Yu. L., Rakhilina E. V. Depictives have proved to be surprising. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 180—218.]*
- Летучий 2014 — Летучий А. Б. Обобщения, ориентированные на исходную точку деривации vs. на продукт деривации, в описании синтаксических процессов // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 292—330. [Letuchii A. B. Generalizations oriented toward the initial point of derivation vs. the product of derivation, in description of syntactic processes. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 292—330.]*
- Ляшевская 2014 — Ляшевская О. Н. *Поверх очков*: пространственные интерпретации и семантика предложной конструкции // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 331—362. [Lyashevskaya O. N. *Poverkh ochkov* 'over the glasses': spatial interpretation and semantics of the prepositional pattern. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 331—362.]*
- Муравенко 2014 — Муравенко Е. В. Изменение управления предлога *по* в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 643—672. [Muravenko E. V. Change of the preposition *po* government in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 643—672.]*
- Николаева 2015 — Николаева Т. М. Предложный вариант / вариант беспредложный // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. XI. Ч. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 233—248. [Nikolaeva T. M. Prepositional variant / Non-prepositional variant. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. XI. Part 1: *Kategorii imeni i glagola v sisteme funkcional'noi grammatiki*. Voeikova M. D., Sosnovtseva E. G. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2015. Pp. 233—248.]*
- Овсянникова, Сай 2014 — Овсянникова М. А., Сай С. С. Разные формы, общие механизмы: альтернация диатез у русских глаголов ментальной сферы // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский*

- язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 248—291. [Ovsyannikova M. A., Sai S. S. Different forms, common mechanisms: Russian verbs of mental sphere. Diathesis alternation. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 248—291.]
- Оскольская 2014 — Оскольская С. А. Конструкции с союзом *кроме* как и с предлогом *кроме* в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 363—398. [Oskol'skaya S. A. Constructions with the conjunction *krome kak* and the preposition *krome* in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 363—398.]*
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Отрицание, снятая утвердительность и двойственность // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 399—413. [Paducheva E. V. Negation, removed affirmativeness and duality. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 399—413.]*
- Перкова 2014 — Перкова Н. В. *С собой* в русском языке: комитативные конструкции каузации перемещения и их свойства // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 157—179. [Perkova N. V. *S soboi* in Russian: Comitative constructions of movement and their characteristics. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 157—179.]*
- Подлесская 2011 — Подлесская В. И. Именная группа. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011. [Podlesskaya V. I. *Imennaya gruppа. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Noun group. Materials for the project of corpus-based Russian grammar]. As manuscript. Available at: <http://rusgram.ru>. Moscow, 2011.]
- Подлесская 2014 — Подлесская В. И. Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 537—567. [Podlesskaya V. I. Prosody versus syntax in Russian relative clauses. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 537—567.]*
- Рахилина (ред.) 2010 — Рахилина Е. В. (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [Rakhilina E. V. (ed.). *Lingvistika konstruktssii* [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Рахилина, Плунгян 2010 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. Ю. Д. Апресян как теоретик грамматики конструкций // Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.) Слово и язык. Сб. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. Yu. D. Apresjan as a theoretician of construction grammar. *Slovo i yazyk. Sb. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresjana*. Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Krysin L. P. (eds) Moscow: Yazyki Slavjanskoi Kul'tury, 2010.]
- Русграм 2009—2015 — Проект корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru>. [*Proekt korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Project of corpus-based Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru>.]
- Сай и др. (ред.) 2014 — *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (ред.). СПб.: Наука, 2014. [Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences]. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie**

- podkhody*. [The Russian language: construction grammar and lexico-semantic approaches]. Sai S. S., Ovsyannikova M. A., Oskol'skaya S. A. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014.]
- Сердобольская, Толдова 2014 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н.* (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 413—443. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Constructions with evaluative predicatives in Russian: Participants of the situation of evaluation and semantics of the evaluative predicate. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 413—443.]
- Холодилова 2014а — Холодилова М. А. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н.* (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 478—509. [Kholodilova M. A. Competition of the main strategies of the subject relativization in Russian. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 478—509.]
- Холодилова 2014б — Холодилова М. А. Относительное придаточное. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [Kholodilova M. A. *Otnositel'noe pridatochnoe. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Relative clause. Materials for the project of corpus-based Russian grammar]. As manuscript. Available at: <http://rusgram.ru>. Moscow, 2014.]
- Храковский 2012 — Храковский В. С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Ваннер Л., Иомдин Л. Л., Миличевич Я., Л'Омм М.-К., Польгер А. (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 288—300. [Xrakovskij V. S. Verbo-centric approach to constructions and/or construction grammar. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sbornik statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka*. Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Vanner L., Iomdin L. L., Milichevich Ya., L'Omm M.-K., Pol'ger A. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2012. Pp. 288—300.]
- Храковский 2014 — Храковский В. С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» (опыт сопоставления) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н.* (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 25—40. [Xrakovskij V. S. Two approaches to the analysis of syntactic constructions: «A lexico-semantic approach» and «a constructional approach» (an attempt of comparison). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 25—40.]
- Чуйкова 2014 — Чуйкова О. Ю. Имена и глагольные предикаты: элементы сходства и вопросы взаимодействия // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н.* (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 414—442. [Chuikova O. Yu. Nouns and verbal predicates: Elements of similarity and problems of interaction. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 414—442.]
- Шагал 2014 — Шагал К. А. Конструкция *не успел (оглянуться)* ... как: частотные случаи на фоне всех остальных // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Казанский Н. Н.* (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 121—139. [Shagal K. A. Pattern *ne uspel (oglyanut'sya)* ... kak: high frequency cases against the background of all the rest. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 121—139.]

- Шанявская 2014 — Шанявская Н. Е. Семантико-синтаксические аналоги прилагательного (на материале поэзии М. Крепса) // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 618—642. [Shanyavskaya N. E. Semantic-syntactic analogues of the adjective (based on the material of M. Kreps' poetry). *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 618—642.]
- Ягунова, Пивоварова 2014 — Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 568—617. [Yagunova E. V., Pivovarova L. M. From collocations to constructions. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 568—617.]
- Яковлева 2014 — Яковлева И. В. Синонимичные предложные конструкции с точки зрения грамматики конструкций // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. X. Ч. 2: Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы / Сай С. С. и др. (ред.). СПб.: Наука, 2014. С. 219—247. [Yakovleva I. V. Synonymous prepositional constructions from the perspective of construction grammar. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. X. Part 2: *Russkii yazyk: grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S. et al. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 219—247.]
- Яковлева 2015 — Яковлева И. В. Усвоение квазисинонимичных предложных конструкций: конструкционный подход // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Казанский Н. Н. (отв. ред.). Т. XI. Ч. 1: Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Воейкова М. Д., Сосновцева Е. Г. (ред.). СПб.: Наука, 2015. С. 319—337. [Yakovleva I. V. Acquisition of quasisynonymous prepositional constructions: A constructional approach. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovanii RAN*. Kazansky N. N. (ed.). Vol. XI. Part 1: *Kategorii imeni i glagola v sisteme funktsional'noi grammatiki*. Voeikova M. D., Sosnovtseva E. G. (eds). St. Petersburg: Nauka, 2015. Pp. 319—337.]
- Bybee 1995 — Bybee J. Regular morphology and the lexicon. *Language and cognitive processes*. 1995. Vol. 10. No. 5. Pp. 425—455.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 3. Pp. 501—538
- Fried, Östman 2004 — Fried M., Östman J.-O. Construction grammar: Thumbnail sketch. *Construction grammar in a cross-language perspective*. Fried M., Östman J.-O. (eds). Amsterdam; Philadelphia, MA: John Benjamins, 2004. Pp. 11—86.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — Goldberg A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Hoffmann, Trousdale 2013 — Hoffmann T., Trousdale G. (eds). *The Oxford handbook of construction grammar*. New York: Oxford Univ. Press, 2013.
- Krifka 1989 — Krifka M. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. *Semantics and contextual expressions*. Bartsch R., van Benthem J., van Emde Boas P. (eds). Dordrecht: Foris, 1989. Pp. 75—115.
- Krifka 1992 — Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. *Lexical Matters*. Sag I., Szabolsci A. (eds). Stanford: CSLI, 1992. Pp. 29—53.
- Rakhilina, Tribushinina 2011 — Rakhilina E. V., Tribushinina E. The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach. *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. Pp. 145—174.
- Tomasello 2003 — Tomasello M. *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2003.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists. München: Verlag Otto Sagner, 2014. 436 p. (Die Welt der Slaven. Bd 55.) ISBN 978-3-86688-520-2.

Галина Ивановна Кустова

Galina I. Kustova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

galinak03@gmail.com

galinak03@gmail.com

В сборнике «Грамматикализация и лексикализация в славянских языках» опубликованы труды участников одноименного международного симпозиума в Саппоро (11—14 ноября 2011 г.). Проблемы анализа процессов грамматикализации и лексикализации и отражения результатов этих процессов в грамматиках и словарях постоянно встают перед грамматистами, лексикографами, типологами, однако в последние десятилетия эти проблемы выдвинулись на первый план, о чем свидетельствуют многочисленные исследования (ср., например, [Hopper, Traugott 2003; Traugott 2005]) и представительные лингвистические форумы, в том числе симпозиум в Саппоро.

Существуют разные подходы к проблемам грамматикализации, связанные с научной методологией, материалом (история или современное состояние одного языка, контрастивные и типологические исследования группы языков), традициями национальных лингвистических школ. Хотя отдельные авторы сборника (Р. Ницолова, А. Даниленко, Г. Корбетт) и предпринимали попытки сформулировать некоторые общие принципы и направления в изучении грамматикализации, в целом участники симпозиума не ставили перед собой такой глобальной задачи, и рецензируемый сборник представляет собой в основном публикацию текущих результатов исследований славистов. Однако эти частные результаты, несомненно, содержат полезные идеи и ценный языковой материал для разработки концептуального аппарата анализа грамматикализации.

Сборник разделен на шесть тематических разделов.

Большинство статей первого раздела «**Диахронические подходы**» посвящено грамматическим явлениям в старославянском и древнерусском языках. Исключение составляет статья **Руселины Ницоловой** (Ruselina Nitsolova) «Корреляция между формальными и семантическими изменениями в грамматикализации», содержащая обзор болгарского материала. Эту работу можно считать одной из главных теоретических статей рецензируемого сборника, поскольку в ней систематизируются не только ключевые проблемы теории грамматикализации, но и ключевые участки грамматической системы, где чаще всего происходит грамматикализация.

Автор выделяет два основных источника грамматикализации (т. е. два типа исходных языковых единиц, участвующих в этом процессе). Источником грамматикализации может быть (а) грамматическая же единица, которая служит базой формирования ранее не существовавшей в языке грамматической категории или участвует в преобразовании существующих единиц. Примером первого процесса служит категория эвиденциальности, сформировавшаяся в языках балканского и западноазиатского ареалов. Так, например, в болгарском

языке в результате грамматикализации на базе перфектных форм индикатива в сочетании со служебным глаголом или без него развилась грамматическая временная подсистема из трех новых форм с эвиденциальным компонентом: конклюдив, ренарратив и дубитатив. В результате сложилась новая, четырехчленная, система форм эвиденциальности: индикатив, конклюдив, ренарратив и дубитатив. Члены этой категории выражают различные информационные (у автора — когнитивные) состояния говорящего, обусловленные характером источника информации. Эта новая грамматическая категория выражает, по мысли автора, субъективность в языке. Примером второго процесса (преобразования существующих единиц) является развитие системы местоимений. Неопределенные, отрицательные и генерические (определительные) местоимения в славянских языках образовались на базе вопросительных. В результате возникла симметрия между формой и значением, что привело к гармонизации славянской системы местоимений. Этот процесс рассматривается как появление новых форм для старой категории.

Если исходной точкой грамматикализации является (б) лексическая единица, которая постепенно превращается в грамматический показатель, то этот процесс, в общем случае, может включать следующие фазы (хотя они не обязательно реально представлены все): свободная лексическая единица > функциональное (служебное) слово > клитика > аффикс > нуль. В качестве одного из примеров приводится процесс формирования аналитических форм болгарского футурума: в древнеболгарском в них использовались формы глагола *хотѣти*, имевшего статус вспомогательного глагола, а в современном болгарском он функционирует уже как клитика (частица): *ще чета* ‘буду читать’.

Лексема — источник грамматикализации может исчезнуть из лексической системы в исходном значении (как глагол *хотѣти*, который употребляется только в составе форм футурума, а в лексической системе современного языка замещен глаголом *искам*), а может, получив служебную функцию в грамматической системе, сохранить и исходное значение в лексической системе (как англ. глагол *go*, ср.: *I am going to the cinema* ‘я иду в кино’ — *I am going to write the article* ‘я собираюсь писать статью’).

В статье также систематизируются типы фонетических, морфологических и синтаксических изменений, сопровождающих грамматикализацию.

В статье Йана Ивара Бьёрнфлатена (Jan Ivar Bjørnflaten) «Утрата согласования и декаатегоризация предикативных причастий в старославянском» исследуются механизмы утраты согласования с существительным у старославянских причастий (термин «предикативные причастия» употребляется автором применительно к аппозитивным употреблением активных причастий, ср.: *повели ми древле шьдѣше погreti отца моего*). Результатом действия этих механизмов было формирование деепричастий. Однако задача автора — не исследование формирования славянских деепричастий (этому посвящены другие его работы, ср. [Bjørnflaten 2009]), а исследование самого процесса утраты согласования и его осмысление в рамках теории грамматикализации. Сущность грамматикализации автор вслед за [Traugott 2005: 629] видит в сдвиге, переходе от более свободных, полных и сложных форм к более простым и связанным. Упрощаясь, форма теряет прежние морфологические и синтаксические признаки, которые не нужны для выполнения новых функций. Что касается обсуждаемой группы славянских причастий, то они утратили флексию и, соответственно, способность выражать род, число и падеж.

Главный вывод автора состоит в том, что утрата согласования происходит в определенных условиях, а именно если субъект (агенса) предикативного причастия стоит в дативе (в более общей формулировке — не в номинативе). Объяснение того, что послужило толчком для утраты согласования, автор основывает на анализе конструкций из Супрасльской рукописи с глаголами *велѣти*, *повелѣти*, управляющими дативом, ср.: *Повелѣ воиномъ своимъ шьдѣше въ црькъве и реци пискѹпѹ сисинию* (Supr. 111/2—11). В этом предложении именная группа *воиномъ своимъ* является объектом (автор говорит «пациентом»), но лучше сказать — адресатом) глагола *повелѣти* и субъектом (агентом) предикативного причастия *шьдѣше*, что порождает конфликт двух возможных интерпретаций.

Предикативное причастие, контролируемое именной группой в дательном, имеет в этом предложении окончание не дательного, как ожидалось бы по правилам согласования, а именительного мн. ч. м. р. Автор исходит из того, что конструкция (1) **Повелѣ воиномъ своимъ шѣдѣше въ црькѣве и рещи пискѹпѹ сисиниѹ** является искажением правильной конструкции (2) ***Повелѣ воиномъ своимъ шѣдѣшемъ въ црькѣве и рещи пискѹпѹ сисиниѹ**, где сохраняется согласование причастия с существительным в дательном. Однако эта правильная конструкция имеет два возможных анализа: **Повелѣ воиномъ своимъ** (глагол + объект) или ***воиномъ своимъ шѣдѣшемъ**, с согласованным причастием в дат. мн., которая может интерпретироваться как двойной дательный (double Dat, с. 24). Совмещение этих двух интерпретаций в рамках одного предложения привело бы к разрушению смысла. Выбор второго анализа дает смысл 'он приказал в то время, когда воины шли' ('(he) ordered, while the soldiers were walking' или 'at the time when the soldiers were walking', с. 24), который не соответствует предложению греческого оригинала, означающему 'приказал солдатам пойти и сказать епископу' (надо заметить, что передача смысла второй интерпретации с помощью прогрессива ('(he) ordered, while the soldiers were walking') не кажется удачной, так как в тексте скорее описывается ситуация, соответствующая совершенному виду: 'приказал воинам прибывшим /пришедшим').

Чтобы избежать ненужного смысла, конструкция **воиномъ своимъ шѣдѣшемъ** переосмысливается как агенс, контролирующий предикативное причастие, что не может быть понято как двойной дательный. Поскольку именная группа **воиномъ своимъ** не может изменить падеж, так как он управляется глаголом **повелѣ**, единственным средством разрешения этого конфликта, по мнению автора, становится изменение дательного падежа причастия на другой падеж. Происходит замена на именительный как наименее маркированный падеж.

Предлагаемая автором гипотеза в целом представляется вполне правдоподобной и оригинальной, но, как кажется, нет достаточных подтверждений того, что такие конструкции действительно воспринимались носителями языка как конфликтные и неоднозначные, т. е. требующие радикальных изменений в согласовании.

Юкико Маруяма в статье «Употребление дуальных форм в житийных текстах старорусского периода: лексический, грамматический и прагматический факторы» на материале трех житий (Житие Стефана Пермского (ЖСП), Житие Сергия Радонежского (ЖСР), Повесть о боярыне Морозовой (ПБМ)) исследует особенности использования форм двойственного числа в житийных текстах XV—XVII вв. По данным таких бытовых текстов, как грамоты [Зализняк 1995], категория двойственного числа была утрачена уже к XIII в. В книжных памятниках дуальные формы «использовались как признак книжности» (с. 51). Однако, в отличие от других авторов, анализировавших только лексический и грамматический аспекты употребления дуальных форм, Ю. Маруяма учитывает также прагматический аспект. Автор приходит к выводу, что в житиях XV в. ЖСП и ЖСР главную роль играют лексические факторы (например, *колено, ланита, нога, око, рамо, рука, ухо* употребляются преимущественно в дв. ч., тогда как *зеница, плеще, ручица, стопа, челюсть* — преимущественно во мн. ч.), тогда как в ПБМ XVII в. лексический фактор большого значения не имеет (дв. и мн. ч. слов *рука* и *нога* употребляются примерно одинаковое количество раз), а прагматический фактор, напротив, играет активную роль. В подтверждение этого тезиса автор приводит следующие наблюдения: дв. ч. используется при описании Феодоры (иноческое имя Ф. П. Морозовой) и ее сторонников, а мн. ч. — при описании сторонников царя: *Феодора же яко узре любезную свою и прием ю за обе рѹце; <...> не точно бо своима ногама никогда не восхоте*, ср. описание ног караульщика: *к ней взыде княгиня Евдокия и на крыльце мимо ног караульщика прошла* (с. 55). Еще один пример действия прагматического фактора в ПБМ: при описании радостных, чудесных событий в жизни Феодоры и ее единомышленников используются формы дв. ч., а в сценах жестоких страданий — формы мн. ч. Однако и в более ранних памятниках XV в. на выбор форм числа влияют нарративные стратегии, связанные с сюжетом и отношением пишущего к событиям, например, с помощью форм мн. ч. подчеркивается противопоставление человека Богу (с. 58). Вывод автора: по мере ослабления лексического

и грамматического факторов на первое место выходят дискурсивные стратегии, тесно связанные с фактором прагматическим. «Возможно, именно это и привело к окончательному исчезновению дуальных форм и в книжном языке» (с. 61).

Фумиаки Хаттори в статье «О некоторых примерах с формой прошедшего времени в Архангельском Евангелии 1092 г.» обращается к точке зрения ряда лингвистов (Б. А. Успенского, К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева), что в древнерусской живой речи не было ни формы имперфекта, ни формы аориста. В подтверждение этой точки зрения автор приводит материал из Архангельского Евангелия, а именно анализирует замены, которые допускали писцы. Ф. Хаттори считает, что поскольку писцы заменяли формы, чуждые языку повседневного общения, на более простые и понятные, то многочисленные замены аориста и имперфекта на *л*-формы (ср. **мѣсто. идеже лежа** (Мар.) — **мѣста. идеже лежалъ** (Арх.)) и другие замены в Архангельском Евангелии можно считать свидетельствами того, что к XI—XII вв. таких форм в живой речи уже не было.

В разделе «**Синхронические подходы**» обсуждаются случаи грамматикализации в современных славянских языках. **Предраг Пипер** в статье «О грамматикализации сербских фемининативов» отмечает значительный рост числа социальных фемининативов в сербском языке (под влиянием социальных факторов), в том числе дублетных, ср.: *професорка, професорица*, которые вступают в корреляцию с соответствующими существительными мужского рода, в результате чего привативное противопоставление м. р. и ж. р. в системе личных функциональных существительных заменяется эквивалентным. Это приводит к сужению возможностей использовать гендерно нейтральную форму (каковой традиционно служила форма м. р.). Непоследовательность внедрения политкорректных фемининативов приводит к согласовательным и другим языковым конфликтам.

Элеонора Йовкова-Сии (Eleonora Yovkova-Shii) в статье «Грамматикализация болгарских причастий на -л: функционально-семантический сдвиг от вида-времени к модальности» рассматривает функционально-семантический сдвиг от видо-временного значения к модальному в причастиях как формирование более грамматикализованных показателей из менее грамматикализованных. Автор считает, что причастия на -л претерпевают декатегоризацию видо-временного значения в результате процесса субъективации, т. е. сдвига от более конкретного (пропозиционального) объективного значения в сторону более абстрактного (не-пропозиционального) экспрессивного значения. Автор исходит из того, что любой сдвиг такого типа (от пропозиционального значения к модальному) дает более грамматическое значение, и такой процесс односторонен (в том смысле, что обратный переход — от экспрессивного значения к пропозициональному — практически не представлен). Другой принципиальный для автора момент — сдвиг рассматривается как явление, относящееся к области синхронии. Схема сдвига такова: видо-временное значение > видо-временное + модальное > модальное (эвиденциальность).

В отличие от других авторов (Г. Герджикова, И. Куцарова, Ю. С. Маслова), которые анализировали аористные причастия с видо-временным и модальным значением как омонимичные формы, Э. Йовкова-Сии рассматривает их как синонимичные, а синонимию, в свою очередь, — как важный фактор процесса грамматикализации, так как именно синонимия объясняет совмещение (сосуществование) двух грамматических значений в синхронии (с. 91). Автор последовательно описывает функции аористных причастий, сохраняющих вспомогательный глагол в 3 лице, переходя от немодальных значений (в составе перфекта: *Влакът е пристигнал* 'Поезд прибыл') к модальным. Так, у предложения *Иван е дошъл* усматривается кроме перфектного значения ('Иван пришел' — в ситуации, когда наблюдатель видит Ивана в момент наблюдения, но не видел его прихода) два модальных значения: вывод (инферентивное значение) — когда наблюдатель видит ботинки Ивана у входа, и удивление (адмиративное значение) — если наблюдатель не ожидал прихода Ивана. Наличие у морфемы нескольких значений автор, вслед за Дж. Байби, рассматривает как генерализацию, когда грамматическая форма начинает выражать более широкий спектр значений.

Генерализация, в свою очередь, свидетельствует о незавершенном процессе грамматикализации и рассматривается как его промежуточная фаза (в схеме подчеркнуто): $A > A + B$ (или B/A) $> B$. Когнитивную базу для образования модального значения вывода (инферентивного значения эвиденциала) из аспектуального значения перфекта автор видит в том, что оба представляют событие не как таковое, а через результат. Адмиративное значение наиболее естественно возникает в высказываниях с третьим и вторым лицом субъекта.

В отличие от распространенной трактовки адмиративных употреблений *л*-форм как расширения эвиденциальных, автор предлагает различать эвиденциальное и неэвиденциальное (адмиративное) употребления.

Имперфектные *л*-формы, сохраняющие вспомогательный глагол в 3 лице, Э. Йовкова-Сии считает чисто модальными (в отличие от авторов, усматривающих у них как модальное, так и немодальное значение), имеющими собственное специфическое значение — вывод из сообщаемого (inference from report, с. 99), ср.: *Той е пиел много* 'Из того, что я слышал, я могу заключить, что он много пьет / много выпил' с имперфектным причастием (с. 99) и аналогичное высказывание с аористным причастием (с. 100): *Той е пил много. Лицето му е червено* 'Из того, что я вижу, я могу заключить, что он много выпил: у него красное лицо'.

В статье **Любомира Поповича** (Ljubomir Popović) «Употребление звукоподражательных междометий в сербохорватском и других литературных языках штокавского происхождения (функциональное взаимодействие дискурса и грамматики и дискурса и словаря)» дается всесторонний анализ звукоподражательных междометий с точки зрения фонетики, семантики, связи с производными глаголами, приводятся глагольные звукоподражательные неологизмы (ср.: *Pljacnulo je*), переносные употребления междометий, типы употреблений в нарративе (в речи повествователя, в прямой речи персонажа), анализируется синтаксический статус и позиция звукоподражательных междометий в составе содержащих их клауз.

В статье **О. Ю. Богуславской** «Предельность и непредельность русских прилагательных» обсуждаются признаки прилагательных «градуируемость» и «предельность», введенные Ю. Д. Апресяном в работах [Апресян 1968; 1974]. Автор показывает, что это независимые признаки. При этом градуируемость (которая отражается, в частности, в возможности сочетания с *более*, *очень* и т. п., ср.: *очень маленький*, *более богатый*) должна быть отражена в толковании, где предусматривается компонент, отвечающий за такую сочетаемость: *более дорогой дом (дорогой* — 'имеющий высокую цену'; компонент 'высокий' отвечает за градуируемость). Напротив, такое свойство, как предельность (способность сочетаться с наречиями полной степени признака типа *совсем*, *совершенно*, *абсолютно* и т. п.), невозможно отразить в толковании — предельность должна отражаться в зоне сочетаемости. При этом сочетаемость с наречиями полной степени признака лексикализована: так, если взять прилагательные из одного синонимического ряда, то их сочетаемостное поведение не совпадает: можно сказать *совсем безлюдный*, но не **совсем пустынный*; *совсем бедный*, но не **совсем малоимущий*.

Йенс Нёргор-Сёренсен (Jens Nørgård-Sørensen) в статье «Одушевленность в русском — субгендер?» отталкивается от точки зрения, что поскольку род детерминируется формами согласуемых слов, то в русском языке можно постулировать две категории рода — со значениями «одушевленность-неодушевленность» и со значениями «мужской-женский-средний» (собственно род). В [Corbett 1991] одушевленности приписывается подчиненный статус, зависимый от трех основных родов. Й. Нёргор-Сёренсен, напротив, считает, что, если одушевленность считать родовым противопоставлением, она не подчиняется собственно роду, а вступает с ним в определенные структурные отношения. В статье приводятся следующие соображения в пользу такого подхода.

Окончания существительных разных типов склонений не указывают на род однозначно. В то же время окончания некоторых групп существительных однозначно указывают на одушевленность (*-е* у сущ. м. р. мн. ч., ср.: *дворяне*) или неодушевленность (окончания 2-го родительного (*сахару*) или 2-го предложного (*в саду*, *в пещи*)).

Одушевленность задается простым семантическим противопоставлением активности-неактивности (это понятие вводится в работе [Nørgård-Sørensen 2011]), тогда как правила установления рода весьма сложны, особенно для несклоняемых существительных типа *кенгуру*, *фото*, *ками* 'представитель народности'. Для автора существенно, что одушевленность не зависит от рода, тогда как род, хотя бы в отдельных случаях, зависит от одушевленности.

Род прямо не влияет на деривацию, одушевленность влияет: например, прилагательные с суффиксом *-ин-*, ср. *мышинный*, производны от одушевленных существительных, а с суффиксом *-ов/-ев-* — преимущественно от неодушевленных. Если же от одушевленного существительного образуются оба прилагательных, они ведут себя по-разному (ср.: *лосинный* и *лосевый*).

При образовании аугментативов с помощью суффикса *-ин(а)* род исходного существительного сохраняется. Сами существительные могут быть как одушевленные (личные, ср. *дурачина*, и неличные, ср. *зверина*), так и неодушевленные (*голосина*), и, в соответствии с новым окончанием, они переходят во II-е (по академической грамматике, т. е. женское) склонение, где «исконные» существительные мужского рода (*мужчина*, *дядя*) были только одушевленные. В результате во II склонении возникает небольшая, но продуктивная группа неодушевленных существительных м. р. типа *голосина*. Для одушевленных существительных м. р. II склонения в атрибутивной конструкции в вин. п. характерно сочетание окончаний *-ого* и *-у* (*молодого мужчину*), в том числе и для одушевленных аугментативов (*молодого дурачину*, *молодого зверину*), т. е. и личные (*дурачина*) и неличные (*зверина*) одушевленные аугментативы во II склонении по синтаксическому поведению совпадают с личными существительными типа *мужчина*. У неодушевленных аугментативов в вин. п. возникает конфликт (**громкий голосину*), который разрешается в пользу согласования по женскому роду (*громкую голосину*). Основываясь на этих фактах, автор делает вывод о примате одушевленности-неодушевленности над родом в русском языковом сознании (сохраняя неодушевленность, производные существительные могут менять род). Вообще, неодушевленные аугментативы, по Нёргорд-Сёренсену, относятся к двум родам, что подтверждается фактами согласования в реальных текстах (приводятся примеры *обалденный голосина* — *такая голосина*; *страшным голосиной* — *своей голосиной*). В конструкции с малыми числительными, где личные аугментативы ведут себя как личные существительные мужского рода I и II склонений (*два дурачины* vs. *два мальчика* vs. *два мужчины*), неличные аугментативы (как неодушевленные, так и одушевленные) ведут себя как существительные женского рода: *две зверины*, *две голосины* (надо заметить, что таких примеров в текстах крайне мало, в частности в [НКРЯ] их вообще нет, так что едва ли можно с уверенностью утверждать, что возможно только такое согласование. — Г. К.).

Автор заключает, что, в отличие от других славянских языков, одушевленность в русском является более «фундаментальной» категорией, чем род: для носителей современного языка существительные в первую очередь делятся на одушевленные и неодушевленные, и только во вторую очередь распределяются по родам.

Третий раздел «Ареальные подходы» открывается статьей Андрия Даниленко (Andrii Danylenko) «Стратегии релятивизации в восточнославянских языках». Эти стратегии рассматриваются на фоне таковых в языках среднеевропейского стандарта (некоторые из них имеют неизменяемый маркер типа франц. *que*, другие, как немецкий, используют для релятивизации изменяемое относительное местоимение). Автор подробно рассматривает стратегии релятивизации не только в литературных восточнославянских языках, но и в диалектах. При этом он противопоставляет изменяемые (флективные) относительные местоимения (русск. *который*; укр. *який / котрий*; блр. *які / каторы*) и неизменяемый релятивизатор *что / що / што*, который может употребляться как с резюмптивным местоимением (укр. *Я зустрівся з земляком, що його я давно не бачив*), так и без него (блр. диал. *Хачу с'єсть суну, што ты вариши*). А. Даниленко показывает, что восточнославянские стратегии релятивизации представляют собой континуум, на восточном полюсе которого находится русский язык с преобладанием гипотаксической стратегии и изменяемым относительным

местоимением, на (условно) западном полюсе — украинский язык с преобладанием партаксических стратегий и неизменяемым относительным элементом, промежуточное положение занимает белорусский язык, у которого эти две стратегии сбалансированы. Вопреки мнению некоторых авторов (ср. [Murelli 2011]), приписывающих нетипичную эволюцию (в плане стратегий релятивизации) украинскому и белорусскому по сравнению с русским, А. Даниленко настаивает на том, что эта эволюция как раз типична, если объяснять ее в терминах социолингвистики и типологии. Дистрибуция склоняемых и несклоняемых релятивизаторов связана, по мнению автора, не с различием нормативного и разговорного языков, а с типами коммуникации, которые зависят от комплекса экстралингвистических факторов — стабильности социума, количества говорящих, типов социальных связей и т. п. (при этом автор ссылается на теорию Г. П. Мельникова).

Розанна Бенаккьо в статье «Грамматикализация в ситуациях языкового контакта: развитие артикля в резьянском диалекте» иллюстрирует грамматикализацию материалом одного из распространенных процессов в этой области — перехода указательного местоимения в определенный артикль и числительного — в неопределенный, что происходило во многих индоевропейских языках. Р. Бенаккьо обращается к грамматикализации артикля в ситуации языкового контакта резьянского диалекта с романским ареалом (резьянский диалект возник на основе словенского диалекта в долине Резья, и, поскольку он имеет собственную письменную традицию, иногда называется языком или микроязыком). В образовании обоих артиклей имел место сходный процесс: образование из полной, ударной формы краткой, клитической формы с утратой начального фонетического элемента: *jte* (дейктич. мест. им. ед. м. р.) → *te* (опред. артикль им. ед. м. р.), *dnä* (числ. 'один' им. ед. ж. р.) → *na* (неопред. артикль им. ед. ж. р.).

Краткие формы не имеют дейктической функции, а употребляются как проклитики и «выполняют все функции, которые считаются типичными для полностью грамматикализованного артикля» (с. 206—207). Функции определенного артикля: (1) анафорическая, (2) обозначение референта «по общим сведениям», (3) генерализующая (принято считать, что исторически функции артикля развиваются именно в такой последовательности). Все три функции автор обнаруживает в тексте Резьянского катехизиса XVIII в. Высокая частотность анафорического употребления подтверждает фундаментальную роль анафоры в становлении определенного артикля. Функции неопределенного артикля — показывать, что референт именной группы неизвестен слушающему; неизвестен говорящему; имеет родовое значение (класс объектов).

Исследование артикля в резьянском диалекте является частью намеченной автором программы, в которую входит также изучение артикля в хорватском говоре Молизе, находящемся в контакте с романским языковым ареалом, и в серболужицком языке, находящемся в контакте с немецким.

Статья **Мотоки Номати** (Motoki Nomachi) «О кашубской форме прошедшего времени *jō bēl* 'I was' в перспективе языкового контакта» посвящена грамматикализации в сфере глагольных форм.

В статье приводится целый ряд особенностей, отличающих кашубский от «типичных» славянских языков и сближающих его со средневропейским стандартом, которые объясняются влиянием немецкого языка (многие носители самого западного диалекта кашубского языка, на территории распространения которого немецкий был официальным языком практически 150 лет, были билингвами).

Так, например, личные местоимения 1 и 2 лица во многих славянских языках могут опускаться, если они не находятся в фокусе (не несут логического ударения). В кашубском, напротив, личные местоимения присутствуют. Их проклитизация является одним из показателей грамматикализации (согласно [Heine, Kuteva 2006]), которая, однако, не полностью завершилась, так как личные местоимения-подлежащие в кашубском все-таки могут быть опущены. Поскольку для славянских языков обязательность («неопустимость») местоимений не характерна, в отличие от языков средневропейского стандарта, частотное (пусть и не полностью облигаторное) употребление местоимений-субъектов в кашубском можно объяснить влиянием немецкого.

Другой признак — обязательное употребление формального субъекта (безударного местоимения) в безличных предложениях с «погодными» глаголами в кашубском (*W nocë to wi-alo*), аналогичного немецкому *es* (*Es hat gedonnert*) при невозможности формального синтаксического субъекта в других славянских языках (ср. польск. *Grzmiało*, но не **Ono grzmiało*). Опять-таки местоимение может быть опущено, но более естественно его употребление.

Задача автора — учитывая наличие германского влияния, выяснить, каково происхождение формы прошедшего времени *jô bël*. В кашубском языке существуют две формы прошедшего времени: *jô ò bël* 'I was', *të ò bël* 'you were' vs. (*jô*) *jem bël* 'I was', (*të*) *jes bël* 'you were', причем первую, — утратившую в своем составе форму настоящего времени глагола *bëc* в качестве вспомогательного компонента, — можно назвать грамматическим германизмом. Для объяснения конструкции *jô bël* могут быть выдвинуты две гипотезы: первая объясняет опущение формы настоящего времени служебного глагола *bëc* 'быть' в составе претерита влиянием немецкого, вторая — внутренним развитием кашубского языка, а именно использованием (т. е. неопущением) личных местоимений в прошедшем времени. Автор статьи придерживается второй гипотезы и приходит к выводу, что хотя более частое (по сравнению с другими славянскими языками) употребление личных местоимений в позиции подлежащего является, конечно, результатом немецкого влияния, однако исчезновение вспомогательного глагола (формы настоящего времени глагола *bëc* 'быть'), который указывал на лицо и число, является уже результатом внутреннего развития: вспомогательный глагол был утрачен потому, что на лицо и число теперь указывали личные местоимения, и употребление в той же функции еще и вспомогательного глагола стало прагматически и семантически избыточным.

Четвертый раздел «Типологические подходы» открывается статьей Кейко Митани (Keiko Mitani) «Лексикализация, словообразование и продуктивность: *мимо* в образовании глаголов в славянских языках». Под лексикализацией в словообразовании понимают, в частности, утрату мотивированности значений производных слов, невыводимость их значения из значений компонентов по правилам словообразовательной модели, и такая лексикализация связана с непродуктивностью и противопоставлена морфологической регулярности синхронных словообразовательных моделей (есть и другие понимания лексикализации, которые перечислены в статье). Тем самым продуктивные модели словообразования с участием продуктивных морфем, с предсказуемым значением производного слова, с регулярным, как выражается автор, соответствием формы значению (с. 246) исключаются из сферы лексикализации. Отношения между лексикализацией и продуктивностью в словообразовании автор рассматривает на примере использования *мимо* как глагольного словообразовательного форманта в старославянском и современном сербохорватском, или, в формулировке автора, — боснийском / хорватском / сербском (BCS), далее — БХС.

Мимо происходит из общеславянского **minŋti* и первоначально употреблялось в качестве наречия. В старославянском *мимо* сочеталось с несколькими глаголами движения: *ити*, *ходити*, *несги*. Ряд авторов считает его приставкой, а последовательность *мимо* + глагол — приставочным глаголом. Однако К. Митани считает, что статус *мимо* как приставки в старославянском требует пересмотра: в постпозиции к глаголу *мимо* однозначно интерпретируется как наречие, однако сочетание *мимо* + глагол с препозицией *мимо* описывает практически ту же самую ситуацию. Так что и в препозиции *мимо* можно было бы считать наречием.

Иная картина в современном славянском словообразовании. В современных славянских языках приставка *мимо* встречается в основном в составе существительных (чеш. *мимоидоуци*), прилагательных (русс. *мимоезжий*), наречий (русс. *мимоходом*). В сербском и хорватском словарях представлена группа глаголов движения с приставкой *мимо*, но ее нельзя считать продуктивной: в активном употреблении сейчас только глаголы *мимоићи* (*se*) и *мимоилазити* (*se*). Грамматики БХС не рассматривают *мимо* как продуктивную приставку.

Другой вариант — рассматривать *мимоV* как сложные глаголы. Хотя сложение не является продуктивной моделью в славянском глагольном словообразовании, в БХС существует сложение наречия и глагола: *praznosloviti*, *krivotvoriti*. Эти композиты отличаются

от приставочных глаголов. Автор выделяет четыре признака, отличающие сложные (compound) глаголы (образованные сложением наречия и исходного глагола) от префиксальных. (1) Наречия — открытый класс, но адвербиальные единицы, участвующие в сложении, — закрытый класс. Напротив, префиксы — закрытый класс, однако они конституируют продуктивные словообразовательные модели. (2) Сложные глаголы композициональны (их значения выводимы из значений компонентов) и возводимы к транспарентной синтаксической структуре [[Adv + V]vp], приставочные — нет. (3) Адвербиальный компонент сложного глагола выражает образ действия или степень глагольного события, приставка выражает предел и модифицирует аспектуальное значение. (4) Сложение не меняет аргументную структуру глагола, тогда как приставка может ее изменить.

Глаголы модели *мимоV* полностью соответствуют первому признаку. По второму признаку: значение глагола *мимоV* в основном композиционально, но в некоторых случаях идиоматично (т. е. компонент *мимо* обладает свойствами приставки). По третьему признаку: *мимо* в составе *мимоV* обозначает не способ действия, а путь, в этом сходство *мимоV* с приставочными глаголами, а *мимо* — с приставкой. Наконец, *мимо* меняет аргументную структуру исходного глагола (как, например, в случае *мимоići*). Тем самым глаголы модели *мимоV* следует признать скорее префиксальными, хотя у них есть отдельные свойства сложных.

Таким образом, лексикализация не всегда связана с непродуктивностью. Префиксальный способ глагольного словообразования продуктивен, но значения приставочных глаголов часто идиоматичны.

Гревил Корбетт (Greville G. Corbett) в статье «Лексикализация и структура парадигмы: основные случаи в славянских языках» рассматривает действительно основные случаи «нестандартной» парадигмы: одушевленный каузатив, второй предложный и второй родительный в русском, счетные формы в русском и сербохорватском, и в связи с ними — проблему взаимодействия морфологии и синтаксиса. Существительных, имеющих, например, специальную форму второго предложного (локатива), довольно мало, а существительных, имеющих счетную форму, ничтожно мало. Нет смысла приписывать всем остальным существительным форму 2-го предложного (или счетную форму), которая совпадала бы с основной формой предложного (родительного). Это привело бы к невероятному усложнению правил синтаксиса. Вслед за [Brown 1998: 198 — 200] Г. Корбетт считает, что в морфологическом описании флективных языков должно быть два уровня представления: более общий (дефолтный), которому подчиняется более частный (содержащий специальные формы, встречающиеся у отдельных существительных), например, для предложного:

<singular locative>

<singular locative locative 2>

Правила синтаксиса в таком случае сохраняют общий характер и не требуют «приспособления» к особенностям парадигмы отдельных существительных.

Например, контекст предлогов *в* или *на* с точки зрения синтаксиса требует употребления второго предложного, и это правило останется неизменным, а если существительное не имеет соответствующей специализированной формы, будет — по умолчанию — употреблен ее ближайший аналог («пара»), т. е. первый предложный. В парадигмах «обычных» существительных вообще не будет клетки для второго предложного, следовательно, парадигма существительных со вторым предложным будет отличаться от парадигм большинства существительных, тем самым парадигмы со вторым предложным окажутся, так сказать, лексикализованными.

Елена Петроска (Elena Petroska) в статье «Эвиденциальность в македонском: проблемы лексикализации и грамматикализации», как бы уравнивая уклон (или даже перекося) в сторону грамматических средств выражения эвиденциальности, обращается к лексическим маркерам эвиденциальности *наводно* 'как говорят, якобы, будто бы' с репортативным значением, *изгледа* 'кажется' с инферентивным значением и *мора да* 'должно быть', в значении которого переплетается эвиденциальность и эпистемическая модальность (*Мора*

да дошел, му го слушам гласот 'Должно быть, пришел, я слышу его голос'). Автор настаивает, что подобные лексические единицы тоже должны быть включены в инвентарь средств выражения эвиденциальности.

В. С. Храковский в статье «Статус предикативных значений, выражаемых глагольными лексемами и грамматическими морфемами (значения *быть* и *притворяться*)» обращается к одной из ключевых проблем лингвистики — проблеме разных способов выражения языковых значений из универсального набора (см., в частности, [Мельчук 1974; Плунгян 2011]) лексическими и грамматическими средствами. Основные рассуждения предваряются обзором, в котором говорится о двух вариантах грамматикализации в сфере глагольной лексики: служебное значение глагола может существовать наряду с исходным лексическим (ср.: *взял да и порезал*, где *взял* (*да и*) используется как показатель адмиратива), глагол может утрачивать лексическое значение и превращаться в служебный (ср.: якутский служебный глагол *эр-*, выражающий начинательное значение). В качестве служебных могут использоваться глаголы с абстрактным лексическим значением (*делать*, *становиться*, *быть*, *говорить*, *давать*). Глагол *притворяться* в таком контексте обычно не рассматривается. Между тем, утверждает автор, *притворяться* (и другие члены соответствующего синонимического ряда — *делать вид*, *прикидываться* и т. п.) по функционированию аналогичен глаголу *быть*, основное (связочное) значение которого автор считает грамматическим (с. 293) в том смысле, что, в отличие от глаголов типа *читать* или *убивать*, значение которых соответствует определенной ситуации и сохраняется при любом лексическом заполнении аргументных позиций, глагол *быть* не несет информации о ситуации и образует разные конструкции при разном заполнении второй позиции.

Глагол *притворяться* ('как бы быть' — мнимый мир моделируется по образу реального) рассматривается на фоне *быть*. Ситуация «притворяться» является абстрактной, так как под нее подводятся все конкретные ситуации притворства. В других языках имитативное значение может выражаться грамматическими средствами.

Ханну Томмола в статье «Недостоверное сравнение в русском и других славянских языках по данным параллельного корпуса» ставит перед собой задачу прояснить «взаимные связи сравнительных конструкций с выражением эвиденциальных значений» (с. 302). Конкретно имеется в виду так называемое недостоверное сравнение (ср.: *Прокуратор <...> передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их* (М. Булгаков)). Большая часть статьи посвящена обзору способов передачи русских сравнительных союзов и частиц средствами других славянских языков (берутся переводы «Мастера и Маргариты» из параллельного корпуса). В последнем разделе автор рассматривает средства выражения незасвидетельствованности *якобы*, *мол*, *дескать*, *как говорится* (которые соответствуют формам непрямой эвиденциальности в тех языках, где эти значения грамматикализированы, например, в болгарском). Так, частица *якобы* может использоваться не только для выражения недостоверности при пересказе чужих слов или других источников (*Один московский вун рассказывал, что якобы вот во втором этаже знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума»*), но и для выражения сомнения повествователя в каких-то признаках наблюдаемой ситуации (*Вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут*). В итоге автор включает оба типа маркеров в единый список средств недостоверного сравнения, хотя и оговаривает, что показатели типа *якобы* имеют особый статус. Такое объединение все-таки не кажется убедительным, так как недостоверное сравнение — сознательно применяемый говорящим изобразительный прием, а незасвидетельствованность — «объективное» состояние нехватки информации, обусловленное внешними причинами. А использование *якобы* в непересказывательных контекстах можно объяснить, например, как попытку опровергнуть заявление воображаемого защитника неправильной точки зрения (при этом пересказывательность подразумевается).

Пятый раздел «Глагольные категории» открывается статьей «Семантика предела в системе глагольного вида и в сфере лексико-грамматических разрядов», в которой **А. В. Бондарко** рассматривает, как интерпретируются инвариантные элементы категориального

значения совершенного вида ‘ограниченность действия пределом’ и ‘целостность’ для разных семантических классов глаголов.

Статья **Е. В. Падучевой** «Моментальные глаголы совершенного вида и их производные имперфективы» посвящена семантическим источникам моментальности и типам производных стативов от моментальных глаголов. Автор выделяет постсобытийные стативы, обозначающие перфектное состояние (*Он заслонил экран* → *Он заслоняет экран*; *Лингвист включил* → *включает эти слова в другую группу*), и предсобытийные стативы, обозначающие предстояние (*Его отчисляют*) или тенденцию (*Нервы сдают*; *Мы опаздываем*).

Каролина Скварска в статье «Роль лексического наполнения в конструкциях с отношением семантической диатезы в чешском, русском и польском языках» рассматривает некоторые диатезы в славянских языках с точки зрения количества участвующих в них глаголов и лексических ограничений на заполнение валентностей глагола. Автор обращает внимание на то, что в одних случаях один и тот же тип диатезы имеет значительная группа глаголов (например, глаголы неагрессивного контакта в русском: *гладить кому голову* — *гладить кого по голове*, см. список в [Апресян 2010: 349]), а в других такие глаголы единичны, более того, лексическое заполнение валентностей ограничено. Так, в польском целая группа глаголов (*spasać, spaść, skarmiać, skarmić*) имеет диатезы типа ‘кормить лошадей овсом’ — ‘кормить овес лошадям (= скармливать)’, а в чешском этой группе соответствует один глагол *krmit*, у которого, к тому же, вторая диатеза (‘кормить овес кому’) относится к профессиональной речи и имеет ограничения в лексическом наполнении (в ней допустимы названия лишь нескольких кормовых культур).

Шестой, заключительный, раздел сборника «**Словарь в грамматике и грамматика в словаре**» открывается статьей **Ю. Д. Апресяна** с соответствующим названием: «Грамматика в словаре и словарь в грамматике». Автор показывает, как глагольные категории и синтаксические признаки взаимодействуют с лексическим значением: эвиденциальные и нарративные значения глаголов *смотреть* и *глядеть* (*Вышел на опушку* — *смотрю* <гляжу, смотрит, глядит> — *заяц бежит*) не употребляются во 2 лице, так как «нарративность глагола несовместима с диалогичностью всего высказывания» (с. 369); глаголы неавтономного перемещения, в принципе управляющие формами предложного и творительного (*ехать в Париж на поезде / поездом*), в актуально-длительном и процессном значении присоединяют только предлогный (*Пока я ехал на автобусе, я прочитал всю газету*). Ю. Д. Апресян называет такие явления «грамматикализацией словаря» — когда грамматические правила с ограниченной или уникальной лексической областью действия должны помещаться в словарные статьи соответствующих лексем.

Противоположное явление — словарь в грамматике — охватывает случаи, когда при формулировании грамматических правил или синтаксических отношений упоминаются лексические классы слов. Это явление иллюстрируется длительной конструкцией русского языка (*Он болел неделю; Он болтал весь урок*).

Анализируя семантику союза *пока* в статье «Проблемы описания союза *пока*», **Адриан Барентсен** противопоставляет свой подход подходу, предложенному в [Iordanskaja, Mel'čuk 2009]. Эти авторы, в соответствии с концепцией «Смысл ⇔ Текст», представляют употребление *пока* в виде ряда лексем, тем самым проблема инварианта не возникает. В основе подхода А. Барентсена лежит (восходящая к Соссюру) идея, что необходимо «абстрагироваться от наблюдаемых различий между “вариантами”, чтобы найти некий общий знаменатель — “инвариант” (“общее значение”))» (с. 378). После этого необходимо указать, каким образом варианты «выводятся из инварианта, как они связаны между собой и какие факторы действуют при их различении» (с. 379). Инвариантной во всех употреблениях союза *пока* А. Барентсен считает идею фона и его прекращения. У ситуации главного предложения R есть сопутствующие обстоятельства, фон (ситуация придаточного Q), который должен прекратиться — тем самым исчезнет основание для продолжения самой ситуации R: *Она*

стреляла [Р], пока были патроны [Q]. Помимо тщательного анализа вариантов с разным соотношением видо-временных форм сказуемого в главном и придаточном, в статье также высказаны интересные соображения по поводу примеров с отрицанием — как с эксплезивным (*Маша будет стучать, пока не откроют ≈ пока откроют*), так и с «настоящим» (*Нужно успеть на метро, пока оно не закрылось*).

В статье «Экспрессивность как словообразовательный элемент (на примере словенских глаголов)» **Андрея Желе** рассматривает производные глаголы, модификационный аффикс которых имеет не только словообразовательное, но и экспрессивное значение, ср.: *telefonirati* ‘звонить’ → *telefonariti* ‘много раз, часто звонить; названивать’. В статье приводится большой и разнообразный языковой материал, обсуждаются процессы, происходящие в сфере производных экспрессивных глаголов: образование неологизмов (*evrobirokratiti* — ‘евробюрократствовать’), сокращение валентностей (новообразованный глагол, обозначающий ситуацию с субъектом и объектом, имеет только одну из этих валентностей — субъекта, ср.: *mejlati* ‘посылать мейлы’, *šopingirati* — ‘закупаться, делать покупки’ — как видно из примеров, происходит инкорпорация второго участника).

Сборник завершает статья **Л. Л. Иомдина** «Хорошо меня там не было: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций». Статья открывается обзором конструкций микросинтаксиса, трудность описания которых в том, что они находятся «на пересечении грамматики и словаря» (с. 425). Собственно рассмотрение конструкции *Хорошо меня там не было* предваряется обзором употреблений *хорошо* в разных частеречных ипостасях (наречие, краткое прилагательное, предикатив — последний автор считает кратким прилагательным) и в разных конструкциях: *Впечатление хорошо тем, что...; хорошо играет на скрипке; Как хорошо уметь читать; Как хорошо, что мы здесь; Хорошо, когда ты подготовлен заранее; Хорошо, если конь закусил удила; Хорошо ли, что он ушел?* Ни в одном из перечисленных случаев присоединения придаточного к *хорошо* опущение союза *что* невозможно: **Как хорошо мы здесь; *Хорошо ли он ушел* (в отличие от случаев типа *Похоже, что он ушел — Похоже, он ушел — Он, похоже, ушел*). Напротив, контекст частиц *еще* и *хоть* (с уступительным значением) допускает опущение союза *что*: *Хорошо еще, что не проиграли — Хорошо еще не проиграли; Хорошо хоть, что не проиграли — Хорошо хоть не проиграли*. Рассмотрев все возможные интерпретации *хорошо* в конструкциях типа *Все перессорились, хорошо не передрались*, приведя их исчерпывающий семантический анализ и толкование (‘Q; хорошо P; если бы не имело места P, то имело бы место R’), автор приходит к убедительному выводу, что *хорошо* в соответствующей конструкции не прилагательное и не наречие, а союз, находящийся в стадии грамматикализации и близкий по поведению и по семантике к уступительному союзу *правда*. Автор также замечает, что союз *хорошо* заполняет семантическую нишу, оставленную союзом *благо*.

Читателей, которые хотят составить представление об основных трендах, подходах, проблемах современной славистики, эта книга, несомненно, заинтересует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1968 — Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка. Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 34—49. [Apresjan Y. D. On the experimental explanatory dictionary of the Russian language. *Voprosy jazykoznanija*. 1968. No. 5. Pp. 34—49.]
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary* [Theoretical problems of the Russian syntax. Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]

- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvističeskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst»* [An attempt of theory of linguistic models «Meaning ⇔ Text». Moscow: Nauka, 1974.]
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Bjørnflaten 2009 — Bjørnflaten J. I. Grammaticalization theory and the formation of gerunds in Russian. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd 74. 2009. Pp. 9—28.
- Brown 1998 — Brown D. *From the general to the exceptional: a Network morphology account of Russian nominal inflection*. PhD thesis, Univ. of Surrey, 1998.
- Corbett 1991 — Corbett G. G. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization* (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2009 — Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian conjunction POKA 'while, before, until'. *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache: Festschrift für Daniel Weiss zum 60*. Berger T., Giger M., Mendoza I., Kurt S. (Hrsg.). Wien: Geburtstag, 2009. Ss. 237—262.
- Murelli 2011 — Murelli A. *Relative constructions in European non-standart varieties*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011.
- Nørgård-Sørensen 2011 — Nørgård-Sørensen J. *Russian nominal semantics and morphology*. Bloomington (Indiana): Slavica publishers, 2011.
- Traugott 2005 — Traugott E. C. Constructions in grammaticalization. *The Handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds). Oxford: Blackwell Publ., 2005.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Виноградовские чтения 2015 г.

Юлия Станиславовна Капитанова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация
jukap@mail.ru

5 февраля 2015 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва) прошли сорок шестые Виноградовские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения В. В. Виноградова. В докладах, прочитанных на юбилейных чтениях, обсуждались не только темы, соответствующие обширным научным интересам В. В. Виноградова, но и другие актуальные вопросы русистики.

В первой части заседания доклады были посвящены личности В. В. Виноградова, становлению его как ученого и событиям биографии. Доклад В. А. Плунгяна (Москва) «К теоретическим поискам раннего Виноградова» был посвящен первому периоду научного творчества ученого (1921—1929 гг.), связанному с работой в Зубовском институте (ГИИИ). Рассмотрев его письма к жене Н. М. Малышевой, докладчик показал, как молодой Виноградов увлекся лингвистической проблематикой. Хотя широта интересов была свойственна Виноградову уже в то время, в центре его внимания — изучение языка художественной литературы (работы о Гоголе, Достоевском, Ахматовой), которое потом будет продолжено. Главное, что интересует ученого в 20-е гг., — проявление индивидуального в языке, исследование стиля писателя и проблема символа. В заключение В. А. Плунгян отметил, что наблюдения и выводы, сделанные В. В. Виноградовым в работе «Проблема сказа в стилистике», актуальны при анализе современной электронной (устно-письменной) коммуникации.

Д. В. Сичинава (Москва) в сообщении ««История слов» в свете корпусных данных» сопоставил материал, приведенный в указанном издании, с данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и сервисов Google. Докладчик напомнил слушателям историю создания книги, которая была издана учениками и последователями В. В. Виноградова в 1994 г., куда вошли материалы (статьи и заметки, как опубликованные

XLVI Vinogradov readings, 2015

Yulia S. Kapitanova

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia
jukap@mail.ru

ранее, так и обнаруженные в архиве), написанные ученым в разное время в 1920—1940-е гг. Данные НКРЯ позволяют в большинстве случаев подтвердить наблюдения В. В. Виноградова, проиллюстрировать статьи, в которых отсутствовали языковые примеры, а также уточнить некоторые положения. Д. В. Сичинава отметил широту охвата материала: фонд текстов, использованных в книге, очень велик, что делает возможным сравнивать подход В. В. Виноградова с корпусными методиками изучения языка. В завершение были рассмотрены конкретные примеры статей (*будущность, веяние, вздор, вкус, выглядеть, допотопный, гостиница* и др.). Электронный материал корпусов свидетельствует о большой прогностической ценности наблюдений, сделанных ученым.

В докладе «Эпистолярное Я. Виноградов В. В.: материалы к образу автора» М. В. Ляпон (Москва), интерпретируя тексты писем В. В. Виноградова 20-х годов к Н. М. Малышевой, подчеркнула уникальную информативность данного эпистолярного источника как документа, показывающего зарождение научной стратегии Виноградова — создателя концепции «образ автора». Были прокомментированы примеры, опровергающие распространенное мнение о стилистическом аскетизме В. В. Виноградова. М. В. Ляпон отметила, что рассмотренные материалы — средоточие авторефлексии: они являются подобием дневника и служат подтверждением устойчивых черт когнитивного стиля личности, которая, изменяясь, остается тождественной самой себе.

Вторая часть чтений открылась докладом А. А. Пичадзе (Москва) «Эпические древнерусские тексты: языковые особенности», которая, сопоставив два памятника древнерусского воинского эпоса — «Слово о полку Игореве» (СПИ) и «Девгениево деяние» (ДД), охарактеризовала некоторые общие языковые черты этих произведений. Хотя язык СПИ и ДД имеет некоторое сходство с языком летописей, в этих памятниках обнаружи-

ваются черты, которые отличают их от остальных образцов древнерусской письменности. Докладчик выделила самые яркие особенности — грамматические (частотность *praesens historicum*, инфинитивные конструкции с дестинативным значением) и лексические (название воина *кметь*, боевого коня *комонь* и *фарь*, употребление в ДД глаголов *скочити* и *ударитися* в военном значении ‘атаковать’, а также ‘причинять вред’ у глагола *ударитися*).

Доклад А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (Москва) «Идиомы и жест: нестандартные корреляции» был посвящен соотношению вербального и невербального в речевой коммуникации при использовании фразеологизмов и жестов, сопровождающих их. Были рассмотрены следующие ситуации взаимодействия идиоматики и жеста: 1) жест фиксирован во внутренней форме и используется обязательно или факультативно (ср. *держи корягу* и *развести руками*); 2) жест не фиксирован во внутренней форме, но выполняется обязательно или факультативно (*вот где сидит*) и 3) жест фиксирован во внутренней форме, но не выполняется по разным причинам (гиперболизация: *всеми руками и ногами за*). Среди причин невыполнения жеста в идиомах также отмечены следующие: 1) если в идиоме зафиксирован общепринятый жест, например официального характера, он может не использоваться (*за это решение я поднимаю руку*); 2) описываемый жест не существует как конвенциональный в данной языковой культуре (*повесить нос на квинту, смотреть сквозь пальцы*); 3) жест является конвенциональным, но не видим наблюдателю (*держат кукиш в кармане*); 4) этические запреты (*плюнуть кому-л. в рожу*); 5) устарелость жеста (*бить поклоны*); 6) жесты из заимствованных идиом, принадлежащие другим семиотическим системам (*посыпать голову пеплом*). Докладчики сделали следующие выводы: если жест фиксирован во внутренней форме идиомы, то при произнесении выполняется именно этот жест или не выполняется никакой; обязательно исполнение жеста определяется

некоторыми элементами, например дейктическими, которые присутствуют во внутренней форме (*вот мне на все*); имеются несуществующие жесты (описание невербального поведения осмысливается как жест, но он никогда не исполняется), и описание жеста во внутренней форме не является обязательным условием его исполнения.

В выступлении «Общечеловек / общечеловеческий и всечеловек / всечеловеческий: из истории слов и понятий» А. Д. Шмелёв (Москва) показал, как менялись значения указанных существительных и прилагательных начиная со второй половины XIX в. и до настоящего времени. Были подробно рассмотрены случаи употребления слов *общечеловек* и *всечеловек* у Ф. М. Достоевского, который ввел их в оборот, и высказано предположение о немецком источнике данных идеологем (ср. у Э. Арндта *Allerweltmenschen*). Докладчик отметил, что в «Дневнике писателя» и «Бесах» *общечеловек* используется с отрицательными коннотациями (человек, оторванный от родной почвы, которому свойственна книжная отвлеченность), в более поздних произведениях данное слово начинает приобретать положительный оттенок значения, после чего Достоевский отказывается от него и вводит слово *всечеловек*, которое употребляет только в положительном смысле. Также докладчик проанализировал случаи употребления указанных существительных и прилагательных у других авторов (Н. Данилевский, В. Гроссман) и в религиозном дискурсе, прокомментировал семантические различия и особенности грамматических форм. В заключение было замечено, что во время перестройки появилась новая идеологема — «общечеловеческие ценности» (вместо «классового подхода»); сейчас слова *общечеловек* и *всечеловек* используются часто иронически (за исключением религиозных контекстов, где *Всечеловек* означает Христа).

Следующие Виноградовские чтения планируются провести в конце января — начале февраля 2016 г.

Подписано к печати 17.12.2015	Дата выхода в свет 25.02.2016
Формат 70 × 100 ^{1/16} Цифровая печать	Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,4 тыс.
Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0	Тираж 408 экз. Зак. 909
Цена свободная	

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6